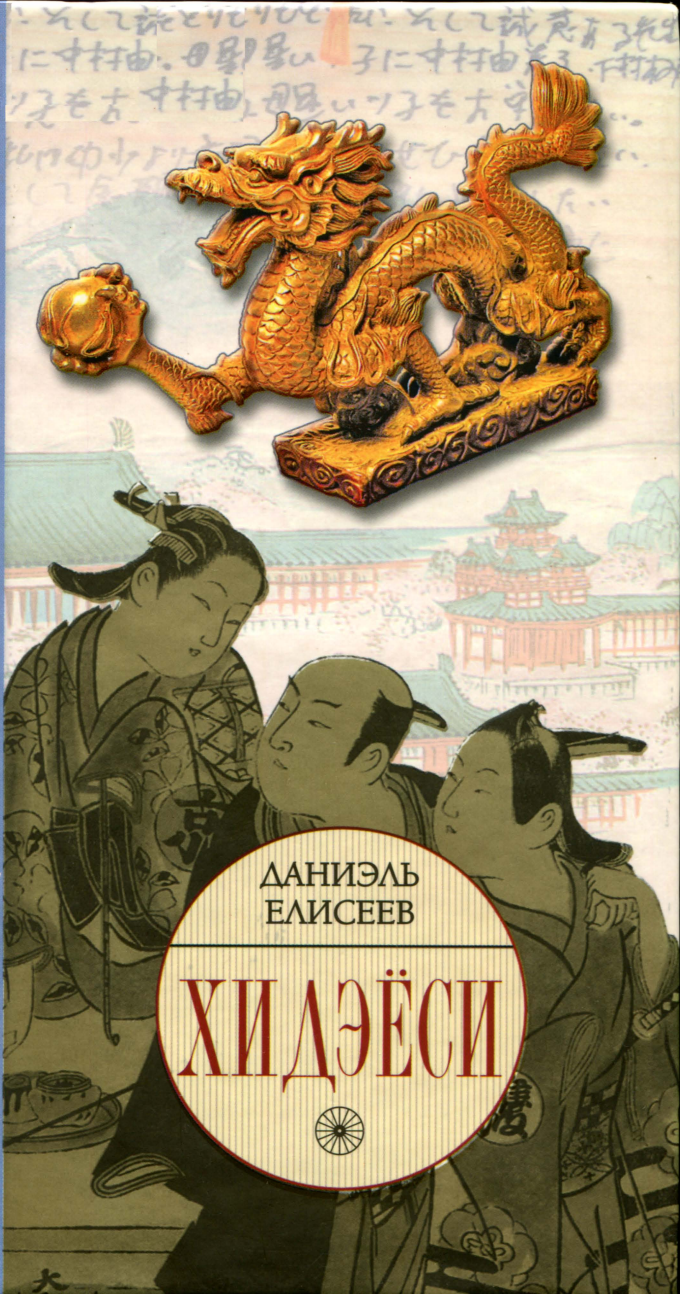

Историческая библиотека

ДАНИЭЛЬ
ЕЛИСЕЕВ

ХИДЭЁСИ

ДАНИЭЛЬ
ЕЛИСЕЕВ

ДАНИЭЛЬ
ЕЛИСЕЕВ

ХИДЭЁСИ

СТРОИТЕЛЬ
СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

ЕВРАЗИЯ
Санкт-Петербург

УДК 94(520)(092)
ББК 63.3(5Япо)-8
Е51

Danielle Elisseeff
HIDEYOSHI
BÂTISSEER DU JAPON MODERNE

Перевод с французского М.Ю. Некрасова

Оформление С.Е. Власова

Компьютерный дизайн М.Р. Хафизова

Елисеев, Д.

Е51 Хидэёси : Строитель современной Японии / Даниэль Елисеев;
пер. с фр. М.Ю. Некрасова. — СПб.: Евразия, 2008. — 318, [2] с.

ISBN 978-5-8071-0308-6 (С.: Ист.библ.(84))

ISBN 978-5-8071-0317-8 (С.: Ист.библ.(новая))

1536 год: по Японии расплзается страх. Старинные структуры управления, централизованные в китайском духе, уже более четырехсот лет как растворились в ленных отношениях общества, феодального по природе. Провинциями управляют обедневшие потомки знатных семейств и энергичные лидеры, ставшие главами родов; их деятельность, порой полезная и активная, приводит к катастрофам, когда их охватывает зависть или ненависть к более богатому или более слабому. И они присваивают себе поле, дерево или укрепление соседа.

В Киото, столице, повсюду воцаряются неуверенность, бедность и отчаяние; даже император царствует, не будучи коронован, а сёгун трепещет, напрасно ища поддержки.

Однако всякая крайность вызывает ответную реакцию — пробил час порядка. Хидэёси (1536—1598), человек низкого происхождения, но поднявшийся благодаря удаче и гению на пост верховного правителя, вернет Японии, проведя ее через тысячу и одно сражение, мир, необходимый для прогресса, и восстановит ее единство, благодаря которому над страной воссияет заря новых времен.

УДК 94(520)(092)
ББК 63.3(5Япо)-8

© Libraire Arthème Fayard, 1986
© Перевод. М.Ю. Некрасов, 2008
© Издательство «Евразия», 2008

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

В японском языке обычно сначала ставят патроним (например, Тоётоми), а потом личное имя (например, Хидэёси), а не наоборот, как у нас. Когда человек хорошо известен или знаменит, обходятся только личным именем, как у нас в отношении монархов. Мы будем строго следовать этому обычаю.

Даты приводятся по современному западному церковному календарю, который служит системой отсчета во всем мире. Известно, что японцы применяли (и параллельно применяют до сих пор) другую систему: она позаимствована в Китае, и в ее основе лежит не срок, отсчитываемый от некоей даты жизни выдающейся личности, бога или пророка, а отрезки времени, эры. Решение о начале новой эры принимает правительство, его провозглашает император, и — до 1868 г. — эры не совпадали с царствованиями. Это периоды, которые имеют собственные названия, ассоциирующиеся, например, с понятиями «цивилизации» и «блага», как годы *Бунроку*, соответствующие 1592–1595 гг. на Западе. Наконец, поскольку год начинался, как когда-то в Европе, весной, а не с зимой, как у нас, не с «первого января», перерасчет японских дат, как можно догадаться, представляет некоторые сложности. Этим объясняются небольшие расхождения в толковании дат, которые можно встретить в разных изданиях, даже в самых серьезных. Здесь мы приняли решение по возможности

ориентироваться на новейшее издание — книгу Э. Берри (см. библиографию).

Письма Хидэёси, если нет особого указания, цитируются по превосходному изданию, где они напечатаны по-японски с переводом на английский и которое лет десять тому назад выпустила Адриана Боскаро (см. библиографию).

Основные направления экспансии Нобунага и Хидэёси

- ХИМЭДЗИ Укрепленные крепости
- КОМАКИ Сражения
- > Основные направления экспансии Нобунага
- > Основные направления экспансии Хидэёси

ВВЕДЕНИЕ

Хидэёси не страшился смерти, но он боялся забвения, этого ада, куда настоящее ссылает прошлое. По примеру своего господина Нобунага он при жизни велел записать собственную историю — «Тэнсёки», за составлением которой внимательно следил, тайно велел прекратить ее в 1592 г., когда казалось, что его начинания, исход которых был еще неясен, не всегда оборачиваются в его пользу. Но он вызвал к жизни легенду, и после его смерти люди следующего поколения, замороженные его образом, в свою очередь принялись рассказывать о его жизни. Одзэ Хоан (1564–1640) к 1625 г. закончил его биографию в двадцати двух частях («Хоан тайкоки») на основе документов, полученных из первых рук: писем Хидэёси, эдиктов, заверенных большой красной киноварной печатью, которой герой штамповал все важные бумаги, архивов крупных феодалов, таких как род Маэда. Но, исполненный восхищения перед своим удивительным «персонажем», он столь же всерьез принимал на веру необыкновенные рассказы, которые усердно распространял о самом себе лично Хидэёси. На основе этого текста, преимущество которого состоит все-таки в том, что это рассказ очевидца, историки XVII в., а в еще большей мере — историки позднейших эпох, написали фантастические картины, где назидательное соседствует со сверхъестественным.

Эти тексты в свою очередь вдохновляли авторов больших циклов (разного размера) иллюстраций или эстампов

(таких, как «Эхон тайкоки»). Создатели таких рассказов в рисунках черпали материал также из другого повествования, более сосредоточенного на военной тематике и посвященного последним годам жизни Хидэёси, — «Тайко гунки», хроники его походов в двух частях, которую составил Гюити, рыцарь, служивший сначала Нобунага, а потом Хидэёси. Эти бурные и фееричные романы, порой весьма наивные, послушно воспроизводили в своих сочинениях некоторые иностранцы, открывавшие Японию в конце XIX в., такие как пастор Уолтер Денинг, чья «Жизнь Тоётоми Хидэёси», вышедшая в Кобэ и в Лондоне, открыла Западу гений человека, которого там в основном не знали либо представляли в мрачном и иногда отталкивающем виде — как изверга, который перебил христиан, после того как они послужили ему, хотя это неправда.

Действительно, Хидэёси несколько раз встречался с португальскими иезуитами, с испанскими францисканцами, с капитанами или лоцманами этих столь больших кораблей, что они не отваживались подходить к рифам Внутреннего моря и ждали возвращения своих экипажей в одной из гостеприимных бухт северного Кюсю. Большинство таких путешественников составило об этом отчеты — либо вышестоящему начальнику в Европе, либо вице-королю Индий, представлявшему короля Португалии в Гоа — на этом перекрестке религиозных и торговых миссий, направлявшихся из Испании и Португалии в Азию. Так, надо прочесть тексты Родригиша (см. *Rodrigues, João. This island of Japan: João Rodrigues' account of 16th-century Japan. Translated and edited by Michael Cooper. Tokyo & New York: Kodansha International, 1973*), прибывшего в Японию в 1566 г., вступившего в 1580 г. в Общество Иисуса и ставшего переводчиком Хидэёси; нужно упомянуть и отца-визитатора Валиньяно, а особенно отцов Коэлью и Луиша Фроиша, которых Хидэёси официально принял в 1586 г. и чьи свидетельства широ-

ко использовал, например, Джеймс Мердок (*Murdoch, James. A history of Japan during the century of early foreign intercourse, 1542–1651. By James Murdoch in collaboration with Isoh Yamagata. Kobe, Japan: Published at the Office of the «Chronicle», 1903).*

Вознесенный до небес в период реставрации Мэйдзи, а потом в первой половине XX века (Кусака Хироси предпринял издание всех его архивов, которые смог найти, см. *Hōkō ibun. Ed. Kusaka Hiroshi. Tokyo: Hakubun-kan, 1914*), став символом военной и культурной энергии целого народа, сразу после войны образ Хидэёси несколько померк. Потом интерес к его экономической и административной деятельности снова усилил благосклонность к нему историографии, претендовавшей на то, чтобы быть чисто социальной. Через некоторое время он опять стал вызывать симпатии, и на сей раз масштаб его личности поразил сразу и японских, и западных исследователей: в 1975 г. Кувата Тадатика, посвятив всю жизнь изучению архивов героя, собрал основные документы, имеющие к нему отношение (*Kuwata, Tadachika. Toyotomi Hideyoshi kenkyū. Tokyo: Kadokawa Shoten, Shōwa 50 [1975]*), в то время как Адриана Боскаро перевела на английский язык сто одно из ныне известных писем его частной переписки. А в 1982 г. Мэри Элизабет Берри, опираясь на последние находки, посвятила целую книгу (*Berry, Mary Elizabeth. Hideyoshi. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982*) изощренным теоретическим размышлениям о политической природе его власти и смысле его деятельности с современной точки зрения. По крайней мере, таковы главные вехи богатой библиографии, о которой с. 312–318 дают лишь общее представление.

Настоящая биография не претендует на сенсационные откровения: японские архивисты и историки-специалисты имеют для этого больше возможностей, чем кто-либо. Но, напомнив о существовании одного из величайших орга-

низаторов нового мира, которого у нас слегка подзабыли, мы пытаемся воздать ему должное, соединяя образ человека с описанием его мечтаний, историческое свидетельство с легендой, в которую он сам отчаянно пытался облечься. Мы не доверяем нелепым историям, сочиненным задним числом, но не считаем нужным отвергать с порога то, что распространял он сам, — те мифы, которые сегодня, конечно, могут показаться смешными, но которые много говорят о намерениях этого человека и способствуют лучшему пониманию его поступков. Историк не может просто-напросто их игнорировать, не впадая в худшую измену — нежелание проникать в психологию своего персонажа. Такой человек, как Хидэёси, никогда не позволял заключить себя в рамки какой-то системы, а в те трудные времена жизнь любила усложнять задачу различения истинного и правдоподобного, не слишком простую и для более мирных веков. Мудрость приходит с новыми страницами, как, должно быть, произошло и с Хидэёси, и легенда постепенно уступала место истории по мере того как персонаж все больше отождествлял себя с развитием своей родины, жестко направляя ее судьбы.

Мы также не отвели очень большого места обвинениям нашего героя — конечно, отчасти обоснованным, — в гордыне и безумии. Разве эти страшные болезни не получает вместе с властью любой в качестве отравленного подарка? Разрушительные приступы гнева у стареющего и жестокого Хидэёси, его сошествия в ад вызывали у нас содроганье, но мы видели в них не столько признак помрачения рассудка, сколько отчаяние человека, который чувствует угрозу для дела всей своей жизни, а ведь это дело — дело мира.

Традиционные названия провинций

Глава I

В ПОИСКАХ ГОСПОДИНА

Блуждание

Мы на земле Овари, которая ныне окружает город Нагоя и включает в себя современную префектуру Айти. С высоты гор Хида на севере текут воды реки Кисо, пересекающей эту землю и впадающей в море в глубине бухты Исэ.

Наша история начинается в 1536 году. В сердце дельты, где соседствуют песок, земля и вода, стояла деревушка под названием Накамура, «деревня середины» — середины речной долины и середины Японии, расположенная на той географической оси, которая разделяла и общество на две части фактически одного и того же народа, всю весомость различий между которыми вполне ощущал отдельный индивид: например, отчуждение друг от друга отдельных домашних очагов (*иэ*) на востоке (в Канто) и, напротив, более выраженный коллективизм, сильнее тяготеющий к деревне (*мура*), на западе (в Кансае). Но огромные пространства от Тихого океана до вод Восточно-Китайского моря, простроченных островами, все равно походили друг на друга — и обширные полотнища равнин, и террасы, подчеркивающие хаос природного рельефа, и заливные рисовые поля (*суйдэн*), устройство которых и уход за которыми в огромной мере обуславливали отношения между людьми и ритм жизни: прокладка оросительных каналов, постройка дамб, разделяющих участки, обводнение, а потом постепенное осушение последних по мере роста растений, жатва, и все это повторялось дважды в год или чаще.

Рис! Синоним блага и изобилия, праздничная пища, священная пища: в каждом зерне содержался дух, протекающий от Инари, богини, чьим вестником был Лис. Именно собранный в хранилища рис служил мерой оценки других материальных благ, и в нем же рассчитывали налоговую базу или стоимость услуг, оказанных общине.

А какое место во всем этом занимал человек?

Первым из всех был крестьянин, от которого зависело выживание общества. Он производил этот рис, но, как ни парадоксально, мало его потреблял — его повседневный стол состоял в основном из сои, проса или гречи, рис использовался лишь по большим праздникам, например, для приготовления новогоднего пирога. Положение крестьян, функцию которых почитали, а ее исполнителей презирали, было нелегким. Тем не менее в XVI в. оно еще не заострилось, что порой позволяло питать большие надежды. Привычка работать на полях, а в периоды, когда земля отдыхает, заниматься ремеслом, давала возможность зарабатывать кое-какие деньги, и народ обладал неоценимым богатством — свободой. Люди имели право перемещаться, поселяться где заблагорассудится и даже менять статус и ремесло, если представится возможность. От них категорически требовали лишь одного: платить подать: на государственных землях вокруг Киото, столицы, — представителю императора, в провинции — уполномоченному феодального сеньора. Любой, кто был способен уплачивать подать, оставался свободным. Драма начиналась, когда болезнь, неурожай, природная катастрофа или слишком большой долг (собственник, юридический или фактический, ссужал семена и сторицей брал за это зерном) делали податного человека неплатежеспособным; тогда у последнего не было выхода, кроме как самому наниматься на службу к господину и кредитору, который тем самым недорогой ценой получал дармовую рабочую силу по привычной схеме закабаления. Вот по-

чему самые ловкие шли на что угодно, лишь бы избежать этого отчаянного положения.

Бывали, увы, и другие обстоятельства, которые могли привести к утрате этой официально провозглашенной свободы: проказа, превращавшая людей в «нечеловеков» (*хинин*) и вынуждавшая их жить отдельно от общины; занятие ремеслами, считавшимися источниками загрязнения, которое выталкивало этих работников в «низший» класс населения (*сэммин*) — прискорбная судьба ассенизаторов, могильщиков, палачей, дубильщиков, кожевников, а также землекопов; или же все виды мелких преступлений, за которые предусматривалось лишь два вида наказания — заплатить штраф, для которого намеренно устанавливали астрономический размер, или пойти в зависимость, стать *энином*, «низшим человеком».

Когда чаша переполнялась и люди какой-то области или территории в целом становились слишком несчастными, они могли применять несколько видов тактики (временного?) противостояния властям. Самая популярная — массовое бегство в рощи (*санрин ни мадзивару*), в леса: дикая природа, мир богов — это земля-убежище, где нет ни закона, ни повинностей, ни подати, ни людского суда. Такой обычай, видимо, достаточно почитали, коль скоро иногда можно было просто его имитировать: известно несколько случаев, когда деревня, чтобы избавиться от общения с властями, довольствовалась тем, что окружала себя заслоном из бамбука, спешно посаженного частыми рядами; тем самым селяне оказывались отрезанными от сообщества, и в последнем им уже не было места — они принадлежали к лесу.

Но что за люди осуществляли таким образом власть над другими?

Для сельского жителя, который чаще всего уже несомненно не помнил, что когда-то существовали административные структуры, созданные в VII в. по образцу

китайских, но вышедшие из употребления, это был глава поместья — «большое имя», *даймё*.

К этой категории, еще точно не определенной, относились губернаторы одной или нескольких провинций (*кокусю*), правители менее обширной области (*рёсю*) или те, кто командовал лишь простой крепостью (*дзёсю*). Их окружали лица, близкие к ним по традиции, отпрыски семейств, из поколения в поколения связанных с ними дружескими узами (*фудай*), а также другие вассалы или обычные слуги (*кэраи*).

Быть *даймё* означало владеть поместьем, пусть даже небольшим, содержать маленькую армию, необходимую для его защиты, и собирать подати, наложенные на различные деревни. *Даймё* прежде всего взимал поземельный налог (*нэнгу*), часто зерном, но податные могли расплачиваться также шелком в разных формах (коконов, нитей, рулонов ткани) или же самыми разнообразными продуктами — дровами или древесным углем, растительным маслом, бумагой, соломенными циновками, солью или даже железом либо керамикой, производство которой и новшества в сфере которой сеньоры широко поощряли, особенно с XVII века. В эту ежегодную подать входили вознаграждение владельцу поместья за то, что он дает право возделывать землю, а также рента, рассчитываемая с предполагаемого урожая зерновых. Тем не менее, если сеньор был недостаточно бдителен, он мог лишиться доходов — либо из-за того, что чиновники, которым он поручал их сбор, оставляли добрую часть себе (обложив народ еще и дополнительным налогом), либо из-за того, что он позволил гражданским властям взять сборы на откуп и стать посредниками между ним и земледельцами, фактически лишив его и прочих собственности на землю.

Кроме ренты и поземельных налогов, господин взимал также очень многочисленные сборы не столько с крестьян, сколько с ремесленников и купцов. Такими сборами обла-

гались товары в местах, которые нельзя было миновать при перевозке и торговле, к ним принадлежали: заставы (*саки*) на дорогах между разными ленами либо округами, если дело происходило в бывшем императорском домене близ столицы, броды (*ватаси*), порты (*цу*), места перегрузки (*томари*), рынки (*ити*), постоянные дворы (*сюку*), входы в буддийские храмы и синтоистские святилища (*дзися мондзэн*). Наконец, жители многих деревень помещья несли также трудовую и военную повинность (*кудзи*), которые сливались воедино, когда надо было, например, построить укрепление.

Но, как водится, чем тяжелей становится гнет, тем больше людей старается от него избавиться. Некоторые, по-настоящему привилегированные, были с общего согласия освобождены от повинностей с незапамятных времен, в основном по религиозным мотивам: это были горные аскеты (*ямабуси*) — святые и еще в большей мере колдуны, чьих сверхъестественных способностей страшились все; миряне, игравшие определенную роль в религиозной службе, особенно в синтоистских церемониях, позволявших поддерживать необходимую связь общины с богами; помимо служителей культа, привилегия освобождения от налогов распространялась на всех поставщиков храмов и святилищ, действуя с момента, когда этих людей официально назначали и наделяли полномочиями; наконец, ей же пользовались поставщики императорского двора. Эти зажиточные ремесленники имели право носить клановое имя. Самые влиятельные из них, как, например, литейщики из провинции Кавати — в области Сакаи, где с древности процветало производство металлических изделий, — обладали важнейшими торговыми привилегиями: как литейщики они обеспечивали свое ремесло металлом, перевоза последний с одного острова на другой, но они также получили дозволение торговать рисом и шелком на всех побережьях Внутреннего моря.

С XIII в. на всех уровнях общества люди организовывали общины, чтобы выйти из-под власти сеньора: сельские гильдии (*мурадза*), отдаваемые под власть богатых крестьян, которые напоминали, что они владеют и правами на землю (*мёсю*); гильдии храмов (*тэрадза*), присваивающие себе права на неосвоенные земли, такие как леса (равнинные леса, которые они своим трудом превращали в рисовые плантации; горные леса, где они производили и томили солод); наконец, цеха, тоже щепетильно насаждавшие партикуляризм. К тому же не все — и далеко не все — *даймё* входили в состав правильной феодальной пирамиды. Наряду с «вассалами» и «сюзеренами» были и их соперники, которых стыдливо называли «внешними сеньорами» (*тодзама*), — потенциальные враги.

На вершине иерархии находился «главнокомандующий», *сёгун*, титул которого произошел от старинного выражения *сэйи тай сёгун*, «главнокомандующий против варваров» — должности, когда-то (в 797 г.) созданной для Саканоуэ-но Тамурамаро, военачальника, направившегося насаждать императорский закон в отдаленные северо-восточные области. Впоследствии (в 1192 г.) на эту должность, название которой сократилось до одного слова *сёгун*, император Го-Тоба (1183–1198) назначил Минамото-но Ёритомо, тем самым узаконив экономическую и военную власть клана, возвысившегося на востоке Японии, далеко от столицы, спящей и грезящей о невозвратном прошлом. Потом, в 1338 г., Асикага Такаудзи, напомнив, что он тоже «Минамото», добился, чтобы ему присвоили имя, которое с IX в. давали сыновьям императора, не наследовавшим престол. Младшие сыновья стали селиться вне пределов двора и столицы. Они добавляли к патрониму «Минамото» название резиденции, где формировалась ветвь их рода; так возникли настоящие династии крупных феодалов, начавшие соперничать.

Кто обладал реальной властью в Японии в середине XVI века? С XIV в. на руководство нацией претендова-

ло три общественных группы: официальная аристократия императорского рода, которая часто не выглядывала за пределы Киото, крупные буддийские храмы, которые под прикрытием распашки нови или поездок в Китай за священными текстами сумели создать процветающие хозяйства, стимулирующие экономику всей страны, и военный класс, главой которого оставался «главнокомандующий» — *сёгун*. Борьба за то, кто возьмет верх, шла в то время между военными и священниками, а аристократы все больше замыкались в исполнении своего ритуала, пребывая вне времени. В «эпоху Момояма» («Персикового холма»), как намного позже назовут эпоху Хидзёси, — от названия возвышенности, где он возвел свой последний замок, — как раз утвердится бесспорное верховенство общества воинов, которые защищают остальные власти и контролируют их, причем воины даже смогут окончательно потеснить род Асикага, несмотря на выдающихся предков этого рода и на связи последних с императором.

Тем не менее представители рода Асикага, имевшие тоже военное, но очень аристократическое происхождение, организовали превосходную администрацию; ее достоинства и умение проводить третейский суд были общепризнанными. Они сумели пропитать страну своими идеями — в течение всего XV в. понятие культуры сливалось с блеском их дворцов Китаяма или Хигасияма. Но эти блестящие люди, скорей интеллектуалы, чем воины, страдали тремя серьезными недостатками: они внушали мало доверия армии; они не имели земель, которые были бы достаточно обширными и обладали бы достаточно хорошим стратегическим положением, и внешний слой феодалов, иерархия которого все усложнялась, был им совершенно неподвластен. Надо полагать, их предвзятые мнения, первоначально отражавшие точное ощущение культуры и склонность к гражданскому правлению, уже не соответствовали духу времени.

Хидэёси предстояло восхитить Японию, в полной мере добившись всего, чего гнушались Асикага: создания могучей современной армии, оснащенной новейшим оружием, крупных территориальных владений, которые он прочно держал в руках, и строгого контроля над всем обществом.

Хидэёси родился в простой деревне Накамура, где, как говорят, он достиг возраста мужчины и посадил павуб, который по сей день растет в ограде храма Тосэндзи и служит предметом поклонения для посетителей.

Его отец Яэмон, конечно, не был богачом и тем более не имел отношения к знати, но принадлежал к людям, стремившимся обрести фамилию. Это уже было много: простые смертные носили только личное имя или прозвище (*адзана*), исчезающие вместе с ними и никогда не становившиеся той генеалогической нитью, которая соединяет людей сквозь времена. Легенда утверждает, что право носить патроним и передавать его детям Яэмон приобрел на полях сражений. Но какие бои мог вести такой человек, как он, в какой армии и сколько лет, чтобы заслужить такую честь? Непохоже, чтобы он оставался военным надолго, едва ли он достиг и очень высокого чина. В лучшем случае он, должно быть, исполнял временную и не всегда добровольную службу периодически, когда этого требовали перипетии феодальных войн и позволял сезон, а также полевые работы.

Кем мог быть Яэмон? Несомненно крестьянином, который, чтобы улучшить свое незавидное положение, а также выполнить повинность, стал «легкой ногой» (*асигару*); когда его призывали, он, в соответствии со своим скромным званием, становился в последний ряд эскорта Ода Нобухидэ, могущественного и богатого местного сеньора. И, приняв фамилию (если это когда-то произошло), он выбрал скромный патроним, связанный с его

происхождением и должностью, — Киносита, буквально «Под деревом» или «Под веткой»; трудно найти более банальное словосочетание. Великие мира сего присваивали себе совсем другие имена, напоминавшие об импозантных садах императорского дворца или об изысканных местах столицы.

Таким был семейный очаг того, кто станет великим Хидзэси, — очаг несомненно достойный, но из самых скромных. Мальчик получил личное имя, детское (*ёмё*) — Хиёсимару, а потом, немного позже, Токитиро, которое он сохранит, не считая одного слога, до тех пор, пока господин в 1558 г. не даст ему другое.

Чтобы представить этот мир зрительно, можно обратиться к картинам той эпохи, а чтобы понять — к романам-эпопеям, очень модным в то время, к этим повествованиям, где участвовали представители всех социальных слоев, весьма далеким от придворных романов тысячного года, которые выводили на сцену лишь аристократов. Поэтому не вызывает сомнений, что деревню окружали поля риса, хлопчатника — его начали возделывать недавно, и его культура расширялась, — и конопли, по преимуществу для производства текстильного волокна. Следует ли, уточняя картину дальше, представить себе один из тех красивых домов этой области, свидетельства о которых сохранились как раз для района, близкого к современному Гифу? Нет — во всяком случае не в их нынешнем состоянии: большинство домов только сто лет спустя, в эпоху Эдо, приобрело сложные элементы, придавшие им комфорт и утонченность — сельские, но подлинные.

Детство, а потом отрочество Токитиро окутано полумраком, откуда все-таки проглядывает жестокая реальность семейных драм. Его отец умер около 1544 г., мать из экономических соображений вскоре снова вышла замуж; от этого нового брака родилось по меньшей мере еще двое детей — сын и дочь, получившая поэтическое имя

Асахи-химэ, «Принцесса утренней зари». К этому семейному очагу, восстановленному после беды, Токитиро сохранит крепкую привязанность всю жизнь; к матери он проявлял любовь, иногда напомиравшую культ. Об этой нежности свидетельствует письмо, единственное, которое было адресовано непосредственно матери; написанное гораздо позже, в 1590 г., в момент, когда он наконец держал в руках всю Японию, это послание, пылкое и простое, звучит как крик любви:

Вы много написали мне, и я этому очень рад. Прошу Вас, не волнуйтесь за меня!.. Для моих планов очень важно умиротворить Канто, а потом и всю Японию, вот почему я велю своим людям морить их голодом [войска Ходзё, укрепившиеся в цитадели Одавара]. Поэтому я должен остаться здесь до конца года; но я буду возвращаться раз в год, чтобы видеться с Вами, как и с юным принцем [его сыном Цурумацу, родившимся за год до того]. Не тревожьтесь!

Повторяю вам: не волнуйтесь за меня, потому что я чувствую себя все лучше и питаюсь регулярно.

Выходите и развлекайтесь и, прошу Вас, еще раз помолодейте, я Вас умоляю (*Boscaro*. P. 38–39).

Иногда он даже будет распекать свою жену — столь им почитаемую — за то, что она, на его взгляд, недостаточно занимается старой дамой:

Не будьте невнимательной. Если О-Мандокоро [его мать] окажется в слишком тесном помещении, она начнет чувствовать себя подавленной; прошу Вас, занимайтесь ею. Но если ее поместить в более просторное место, где есть водные потоки, она рискует подхватить насморк, и Вы не должны этого делать (*Boscaro*. P. 38–39).

Это не мешало ему придумывать все, что только возможно, чтобы окутать свое происхождение завесой густого тумана: получив фактическую власть благодаря обстоя-

тельствам и таланту, командуя массой феодалов, которых родство по крови, пусть дальнее, часто связывало с императорским домом, сын скромного временного бойца из войск Ода, должно быть, не раз ощущал безвестность своих предков как нетерпимый провал. Тогда он мог допускать что угодно, в том числе свое полубожественное рождение, если этого требовала политическая необходимость. Он не останавливался ни перед чем, даже перед святотатством, и, лгать так лгать, в разговорах и письмах ссылаясь на буддийский сюжет о чудесах во время беременности: когда мать вынашивала его, — рассказывал он, — ей приснился вещий сон. В разгар ночи комнату залило солнцем, словно был полдень. Все ужаснулись, но гадалки предрекли, что ребенок, который родится, озарит четыре моря и подчинит своей власти весь мир.

Так Токитиро распространял легенду о себе самом — может быть, впадая в страшный грех гордыни, но в полном согласии с духом своего народа, поскольку тот, похоже, от этой легенды отказался нехотя. Эти героические, трогательные или нелепые сны описывались в японских школьных учебниках еще в начале XX в.; но кто сегодня может утверждать, что эти сказки, порожденные богатым воображением героя, в течение трех веков после его смерти не дали более важный импульс формированию психологии современной Японии, чем все политическое дело его жизни? Если так, вполне понятно, почему мы часто даем слово легенде: Токитиро никогда не принадлежал к тем, кто любит оголяться в жестоком свете прозаичной реальности.

Для этого у него хватало оснований. Природа проявила к нему мало щедрости: низкорослый, хилый, он вызывал насмешку своим сходством с обезьяной — насмешку тревожную и обычно злую, потому что его странный сверкающий взгляд смущал и предвещал появление личности, стоящей много выше обычного уровня. В какой-то

мере этот неприятный, но притягательный облик можно увидеть в его портретах, сделанных в зрелом возрасте: на одном из них изображен человек весьма тщедушный, затерявшийся в ворохе роскошных шелков, но его напряженная экспрессивность говорит о том, что внешнее впечатление слабости ложно; а душа его просматривается в удивительном портрете, сделанном на чехле от веничка для сбивания чая: да, это возвышенная ложь, но она настолько правдива — ведь в отношении Хидэёси воображаемое иногда выглядит более истинным, чем реальное!

По обычному закону компенсации ребенок был наделен и бурным темпераментом. Чтобы внушить ему хоть какие-то азы дисциплины, родственники поместили его на пансион в буддийский монастырь, принадлежавший популярной секте Чистой Земли (*Дзёдою*): она учила, что после смерти души верующих смогут возродиться в Западном раю, раю Будды Амиды. И вот Токитиро на пансионе у монахов, в загадочном заведении, от которого несомненно навсегда сохранилось только название — Комёдзи. Но Токитиро не любил учиться и еще меньше уважал статус монаха, который как сын народа считал бесполезным для общества и даже унижительным; ужасный ребенок, гениальный тупица, чей талант заурядные люди не могли разглядеть! Это, конечно, литературное клише, но оно ближе к истине, чем кажется: воины, полностью поглощенные освоением и совершенствованием своего искусства — которое лишь одно гарантирует им сохранение жизни и чести, — лучше владеют оружием, чем кисточкой, что всегда будет выдавать и каллиграфия Хидэёси, чаще всего обходящаяся без сложных китайских иероглифов и предпочитающая разговорный язык; он будет проявлять изящество лишь в письмах женщинам, заимствуя, по моде того времени, женский язык двора (но было бы бесполезно искать у него черты «серьезной», мужской культуры, которую питало обшир-

ное знакомство с литературой в китайском духе). Дети простых *самураев*, обычных вассалов (*кэраи*), всегда готовы защитить свою хрупкую жизнь, раньше времени ожесточившиеся из-за крайне сурового воспитания тела и чувств, сохраняли в сердце мало места для нежности, как и для изящной словесности, — их школа была нелегкой, равно как и школа крестьянского мира, из которого многие из них вышли.

Итак, юный Токитиро скучал, вынашивал мысль о бунте и не желал интересоваться символикой ритуала, требования которого, нелепые на его взгляд, отталкивали его. В результате случилось неприятное происшествие, о котором его биографы или агиографы эпохи Эдо рассказывают с удовольствием и определенной враждебностью к буддизму: все они были просвещенными людьми XVII века, эпохи торжествующего рационального конфуцианства, хотя среди народа еще оставались рьяные приверженцы буддийской религии. Токитиро было поручено каждый день приносить в жертву пищу одной красивой статуе — образу света, Амиде из позолоченного дерева. Но монашку опротивела эта повинность, и поэтому он проникся ненавистью к божеству. Однажды он заговорил со статуей и заявил ей, что она не съест продукты, поставленные перед ней, — только такой поступок в его глазах подтвердил бы присутствие какого-либо божества. Статуя не шелохнулась. Тогда Токитиро охватил лютый гнев, захлестнувший его, как глубинная волна. Он схватил подсвечник и изо всех сил ударил неодушевленного бога. После его неистовых ударов сначала по полу покатила голова, потом обрушилось тело, и его деревянные конечности издали громкий треск. Шум, крики и ярость: прибежали монахи, призвали на помощь всех святых буддийского рая и изгнали иконоборца. Сколько лет молитвы понадобится ему, чтобы искупить столь тяжкое кощунство? Срочно обратились к семье, и ма-

ленькое чудовище было ей возвращено; добрые монахи, не сознавая этого, несомненно исполнили самый дорогой из своих тайных обетов.

Однако возвращение к своим оказалось не столь приятным, как он представлял: в этот самый момент, и только тогда, он узнал сразу о смерти отца и повторном браке матери. Раньше ему никто ничего не сказал — ситуация, типичная для психологической пустыни, на которую были обречены сироты низкого положения. Ребенок, несомненно шокированный сильнее, чем позволяла ему показать его дикая натура, не захотел оставаться в доме, переставшем быть домом его отца. Один его кузен, Гэндзаэмон, взялся его пристроить или, скорее, избавиться от него — найти для него место ученика. Эта задача оказалось сложнее, чем могло показаться! Токитиро вел себя так плохо, что его отовсюду прогоняли после ряда случаев, стоящих на грани преступлений. Наконец он очутился у одного торговца гончарными изделиями, который не знал, что ему поручить, кроме присмотра за детьми; но Токитиро оставил мальчугана в чистом поле, решив больше не возвращаться и в свою семью, ставшую для него чужой.

Он предпочел направиться в соседнюю провинцию Микава, в Окадзаки, где возвышался красивый и знаменитый замок, о котором он мечтал, никогда прежде не имея возможности приблизиться к нему. Построенный около ста лет тому назад (около 1440 г.), замок с 1520 г. принадлежал роду Токугава, родичам императорской фамилии. Во время монотонной домашней работы Токитиро день и ночь думал о нем. А поскольку сегодня он решил разорвать все отношения с семьей, почему бы ему было наконец не посмотреть на это чудо? Но пеший путь оказался долгим. Он шел почти неделю, питаясь подаянием и ночуя под открытым небом. Вскоре наконец он достиг цели, разбив в кровь ноги и измотавшись до предела. Он еще раз искал место для сна и наконец устроил-

ся или, скорее, свалился на мосту — мосту Янаги через реку Дзэнрю, вдалеке от сырых берегов, кишаших пресмыкающимися. Но внезапно грубые голоса велели ему убраться и освободить путь сыну хозяина замка, едущему с большой свитой; так предание описывает первую встречу Токитиро и Токугава Иэясу, последнего из трех великих японских диктаторов; Хидзёси — нашему юному Токитиро — предстояло стать вторым.

Эта история когда-то позволяла историкам-моралистам по любому поводу противопоставлять, описывая в драматических и контрастных красках, две эти взаимодополняющие и соперничающие фигуры основателей современной Японии. Главное, она давала им возможность, ссылаясь на желание реванша за незаслуженное унижение, объяснять феномен, фактически не поддающийся объяснению, — неукротимое и ненасытное честолюбие Токитиро.

Такую же окраску имеет и другая история — о встрече Токитиро с Хатисука Масакацу, или Короку (1526–1586), мелким помещиком, ставшим бандитом с большой дороги, который позже не только окажет ему исключительные услуги, но в конце концов сделается одним из самых верных его полководцев. Но это время еще не настало. Пока что, напротив, распоряжался разбойник, взявший мальчика в шайку; он оценил кошачью ловкость последнего, которому помогал малый рост и очень живой ум (расхожий сюжет в китайских авантюрных романах или в репертуаре японского театра *кабуки*, завсегдатаями которого вскоре станут жители Эдо из всех классов общества). Тем не менее интересно представить, как Токитиро учится воровать, проникает в богатые жилища, чтобы открыть доступ грабителям и при помощи тысячи изощренных уловок помочь им! Его коварная, недоверчивая и от природы дерзкая натура наконец показала, на что она способна; решив, что оружие, которое ему дали, недостойно

его, он украл оружие у своего господина; тот, восхитившись столь же изобретательной, сколь и непочтительной ловкостью, смирился с этим фактом. Но этот эпизод имел нравственное завершение, а то жизнь героя закончилась бы страшной казнью *гоэмон буро* — ужасным зрелищем, когда приговоренного погружают в котел с кипящей водой и держат там, пока не умрет. Вмешался Аоки Камбэй, друг семьи: он случайно встретил мальчика и отвел к его доброму, но строгому кузену Гэндзаэмону.

Вновь через пень-колоду потянулась прежняя жизнь: то зачисления на работу, то увольнения. Однажды Токитиро попал к плотнику, не знавшему, что делать с новым учеником (ни на что не годным), кроме как отправить на побегушки в свою артель, работающую в Киёсу, замке сеньора Ода Нобунага, того самого, которому иногда служили отец и отчим Токитиро: должен же кто-то носить завтрак работникам! Наш юный рассыльный направился туда в возбуждении, которое легко представить, и это, как всегда, обернулось плохо: он стал проявлять ненужную агрессивность и ухитрился даже напасть на управляющего Ода, который надзирал за работами. Дело было серьезным, плотник едва не поплатился жизнью, и Токитиро еще раз выбросили на улицу.

Он снова стал учеником, на сей раз у кузнеца, который не замедлил сбыть его с рук оригинальным способом: он передал его священнику — не ради монашеской жизни, от которой подросток однажды уже в ужасе сбежал, а для участия в благочестивых странствиях. В самом деле, этот священнослужитель бродил по округе и продавал в зажиточных домах изображения святых с надписанными молитвами (*фуда*); люди покупали их в качестве талисманов. Добрый священник искал спутника, потому что торговля в разнос в одиночку, хоть бы и сакральным товаром, была делом нудным и опасным. Для Токитиро это оказалось удачей.

Действительно, перед священнослужителем открывались все двери, только он мог пройти, даже в закосневшем обществе — а тогдашнее японское общество еще не было таковым — через самые непреодолимые социальные барьеры. Целыми днями мальчик и священник без конца бродили; так они достигли Хамамацу в Тотоми (в современной префектуре Сидзуока) и, конечно, направились в замок, принадлежавший Мацухита Юкицуна, вассалу влиятельного Имагава Ёсимото (1519–1560), отдаленного отпрыска славнейшего рода Сэйва-Гэндзи, из которого выходили императоры. Юкицуна по обычаю принял путников и развлекся их присутствием. Ум подростка так его восхитил, что тому было предложено остаться. Токитиро согласился с готовностью, которую легко представить, но оговорил (золотая легенда о великом человеке не допускает предательства), что сначала должен закончить вместе со священником продажу святых карточек. Сказано — сделано: в свое время, около 1551 г., Токитиро вернулся в Хамамацу.

Эта история, рождественская сказка, несомненно может быть отражением вполне реальной проблемы. Почему подросток, отец и отчим которого с перерывами, но неизменно служили роду Ода, не пошел семейным путем? Почему семья, столь желавшая его сплавить, не отдала его в пехоту, в которой так нуждались военные вожди того времени? Почему Токитиро должен был искать занятие в ста пятидесяти километрах к востоку от родной деревни?

Физическая слабость? Неуживчивость? Страх перед коллективной ответственностью, которую семья не хотела брать на себя? Факт есть факт: Токитиро стал служить Юкицуна, и Юкицуна был доволен новобранцем. Когда последний достиг пятнадцати лет, что для сына воина было возрастом совершеннолетия, Юкицуна как хороший господин провел церемонию посвящения (*гэмбуку*) в молодые воины: в этот торжественный день Токитиро вы-

брили лоб, сеньор присвоил ему мужское имя — он стал Токити — и вручил ему меч.

Тогда Токити познакомился с жизнью пажей и оруженосцев, включавшую освоение разных боевых приемов, участие в сражениях, которые ведет господин, — хотя последний не хотел брать его в бой, считая недостаточно подготовленным, — закалку морального духа и умение выносить абсолютное одиночество; внутри самой группы ему подобных у него появились соперники, которые все сильнее озлоблялись и осыпали его ударами «ниже пояса», с удовольствием попрекая низким происхождением и милостью господина. Подумаешь! Чтобы повергнуть свирепого сироту, этого было мало. Он не просто любил сражения — он даже открыл для себя темное наслаждение некоего кровавого безумия.

Вполне можно себе представить, что он не только внезапно сразил, но и собственными руками обезглавил важную персону — главу одной провинции на Кюсю (*Хюганоками*), в результате чего сражение обернулось в пользу его господина и в еще большей мере — их общих суверенов, рода Имагава.

Безумный поступок маленького пятнадцатилетнего пехотинца ошеломил всех. Воюющие стороны, силы которых сравнились, воспользовались предложением и спешно заключили перемирие под эгидой великого и знаменитого Такэда Сингэна (1521–1573), которому позже предстояло стать соперником и заклятым противником второго и главного господина Хидэёси — Ода Нобунага. Нити исключительной судьбы как будто сплетались нарочно. Но нельзя не признать: если личность Токити выходила за рамки обычного, то и японское общество того времени поощряло и даже стимулировало появление таких незаурядных индивидуальностей.

Юкицуна хотел бы навсегда привязать молодого героя к себе. Он подумывал о том, чтобы сделать его своим

зтем, — обычно это был самый простой способ ввести бедного юношу в богатую семью. Но сколь бы скромным ни было такое положение слегка презираемого сына, оно вызывало зависть других вассалов. Поэтому Юкицуна предпочел женить Токити на дочери одного из своих приверженцев, что было менее вопиющим мезальянсом. Это решение было разумным, но оно не учло доводов сердца: молодая женщина выказала непреодолимое отвращение к такому супругу, лишенному красоты и родовитости; первый же отъезд в деревню она использовала для того, чтобы потребовать развода, сославшись на то, что по натуре неспособна примириться с одиночеством — страшной участью жен *самураев*. Уязвленный Токити расторг этот союз простейшим образом, принятым в то время, — составив письмо в «три с половиной строки» (*микударихан*), возвращающее жене свободу или, точнее, возвращающее ее в ее семью безо всякого процесса (военное общество сурово к женщинам: японки, юридически или психологически господствовавшие при дворе в эпоху Нара и в начале периода Хэйан, пришедшегося на VIII–IX вв., тогда начинали понимать это на горьком опыте).

Это было разочарованием и для Токити. Ни явный личный талант, ни официальное покровительство уважаемого господина не могли изменить вкусов и правил спесивого общества; лишь два чувства помогали управлять миром — страх и борющийся с ним соблазн выгоды, две движущих силы, которые благородный Юкицуна гордо игнорировал. В душе Токити уже вернулся на свой путь исканий.

К счастью для него, не замедлил представиться предлог для скорого ухода: Юкицуна хотел приобрести новый доспех, одну из тех новых облегающих кирас (*домару*), какие носил Ода Нобунага и о которых давно настойчиво говорил Токити, несомненно не без задних мыслей. Игра удалась — Токити отправился в Овари, родную землю,

со значительными денежными средствами, которые ему доверил Юкицуна. Шли дни, и путешествие подошло к концу. Молодой человек поспешил к матери, передал ей часть денег, отданных ему сеньором для ценной покупки, а потом, тоже без зазрения совести, потратил остальное, чтобы приобрести лично себе вооружение на свой вкус. Жребий был брошен: сжигая все мосты, соединявшие его с далеким Тотоми, и оправдывая для себя заведомую нечестность желанием совершенствоваться на трудном пути рыцарства, он отправился в поиск другого сюзерена, более могущественного и более амбициозного, чем такой благосклонный, но настолько провинциальный Юкицуна.

Похоже, этим временем надо датировать и возвращение Токити в семью. Его отчим, когда-то пытавшийся отправить его подальше, теперь посоветовал ему явиться к господам Ода, которым прежде служил он сам и отец молодого человека. «Отпрыска» наконец было можно представить? Что думать об отчине, не побуждавшем пасынка вернуться к господину и благодетелю? Это поведение не рыцаря, а хитрого крестьянина, слишком озабоченного своей кубышкой, чтобы слушать иные песни, хоть бы и героические. Итак, тот идет к господам Ода, в первую очередь к тогдашнему главе клана — Нобунага, сыну того господина, которому служил Киносита. В отличие от многих других баронов он был известен тем, что брал к себе на службу выходцев из других мест, не столько интересуясь их происхождением, сколько полагаясь на свое превосходное умение разбираться в людях. Однако дело осложнялось тем, что к нему надо было приблизиться, то есть преодолеть многочисленные преграды и препятствия, возведенные его телохранителями и советниками, неизменно осторожными и недоверчивыми. На самом деле трудности такого рода никогда по-настоящему не останавливали Токити, ничего так не любившего, как хитрые уловки, переодевания и театр, — его придворные

кое-что узнают об этом, когда через годы он их обяжет сыграть и станцевать вместе с ним весь репертуар театра, который рыцари любили больше всего, театра *но*.

Поэтому, чтобы приблизиться к Нобунага, Токити придумал ход, который в другие времена и в другом месте был бы шутовским. Он воспользовался большой охотой, учениями кавалеристов, чтобы его притащили к Нобунага в качестве не слишком лестном — как шпиона. Действительно, шпионаж по многим причинам был одним из тяжелых недугов феодальных дворов той эпохи. Токити, владевший искусством психологической манипуляции, пошел на риск, и замысел удался, Нобунага оценил обман и согласился взять молодого человека с испытательным сроком — не без того, чтобы посмеяться над его странной внешностью: наполовину из насмешки, наполовину из симпатии он дал ему фамильярное и непочтительное прозвище *сару*, «обезьяна», а потом и новое личное имя, Котику (мы для удобства пока что будем по-прежнему звать его Токити). Шел 1558 год; герою было двадцать три года, и его поступление на службу к Нобунага знаменовало его дебют в большой истории Японии. Для историка это также начало менее туманной хронологии и начало повествования, которое легче привязать к известным фактам, хотя больше не на что опереться до 1570 г., когда были написаны первые (сохранившиеся) из его писем и появилось несколько упоминаний о нем в архивах Нобунага. Через семь лет, в 1577 г., документы станут еще красноречивее — личный секретарь Токити с энтузиазмом примется за его биографию; но мечты секретаря и измышления Токити отнюдь не прояснят ситуацию — напротив!

Поэтому за исходную точку возьмем 1558 год. До того описание жизни Токити во многом представляет собой легенду с классической схемой буддийского сказания — в ней обнаруживается сюжет «четырёх уходов» Будды, бегущего из отцовского дворца; вместо последователь-

ных встреч с болезнью, старостью, смертью и четырьмя возможными добродетелями аскезы, Токити в качестве главных фигур, которые определяют его жизнь, встречает характерных представителей общества и персонажей японской истории — Токугава Иэясу на мосту Янаги; слугителя господ Ода, символ невыносимого порабощения, в замке Киёсу; монаха, светлый образ, который приводит его к благодетелю; наконец, самого Ода Нобунага в суматошной обстановке полевых учений, предвосхищающих армию в походе. В такой ситуации трудно отрицать, что эти приключения не более чем вероятны; в лучшем случае их можно рассматривать как типичные для юноши того времени, очень честолюбивого, но имеющего скромное происхождение и готового на все, чтобы стать *самураем*. Дело меняется, когда Токити связывает свою судьбу с судьбой Нобунага: войны, которые вел последний, отражали конвульсии, потрясавшие тогда японское общество. Они оставили неизгладимые следы в истории страны и в архивах. Как бы то ни было, Токити не может больше безнаказанно дурачить нас, и если он выдумывал истории, ему приходилось по крайней мере сообразовывать их с психологической достоверностью своей среды.

Служить *даймё*, «большому имени», означало сохранять непрестанную бдительность и учиться недоверию, прежде притупленному. Двор сеньора — это джунгли; даже в самый ближний круг входят враги, вчерашние друзья, которых зависть подталкивает к измене, или шпионы, подсланные противником, чтобы подорвать могущество господина изнутри. Подозрительность оправдана, заговоры, внутренние и внешние, не прекращаются, и каждый день надо учиться сражаться, а также учиться умирать. В доме Нобунага, с учетом его значения и притязаний его главы — предки которого едва ли были более славными, чем родители Токити, — такая ситуация была еще веро-

ятней, чем в любом другом. Вот почему до смерти сюзерена в 1582 г. жизнь Токити в течение более двадцати лет будет напоминать длинную героическую песнь: подвиги и хитрости, резкие повороты судьбы и, надо признать, однообразие в глазах тех, кто живет иначе. Поэтому проследим за главными кампаниями Токити, сильно упрощая их картину.

По удивительному стечению обстоятельств первым противником, против кого ему предстояло выступить, были Имагава, сюзерены Юкицуна, его первого и доброго господина, те самые Имагава, которым он послужил, обезглавив в 1554 г. правителя земли Хюга, дальней провинции, находящейся на Кюсю. И вот теперь он оказался в рядах клана, враждебного им, но влекомого тем же роком сражений, вечного возвращения к захвату россыпи ленов, которые обеднели после четырех веков дробления, боев, неизменно нарушаемых перемирий и постоянно подрываемого экономического баланса. Этот процесс близился к завершению — последовательная концентрация власти и богатств в одних руках должна была привести к тому, чтобы, как в прежние времена, страной правил один-единственный вождь; но кто будет этим счастливымчиком? Не было главы клана, который бы, если помогут боги и предки, не имел на это шанса.

Имагава Ёсимото полагал, что у него есть для этого все возможности. Его владения соседствовали с владениями Ода, и если когда-то (в 1542 г.) Нобухидэ, отец Нобунага, нанес ему обидное поражение, он сумел настолько ловко воспользоваться своей мнимой слабостью побежденного, что две соседних провинции попали под его влияние, вместо того чтобы потянуться к грозному Нобунага, — это были Тотоми и Суруга (современная префектура Сидзуока), к которым добавился Микава (современная префектура Айти). Стоило ли останавливаться, если удача идет в руки? В 1559 г. он набрал новую армию, стал искать

наилучшую возможность для нападения, и случай как раз представился: в начале весны торнадо нанес значительный ущерб Киёсу, замку Нобунага, — неожиданная удача! Имагава послал шпиона, Ямагути Куродзиро, поручив ему проникнуть в замок и вести там подрывные работы. Куродзиро явился в Киёсу, представившись приверженцем и почитателем Ода. Ловкий, умеющий подольститься всеми способами, он то ссылаясь на верность (вымышленную) своего отца семье Ода, то мимоходом упоминал в разговоре о своей осведомленности в сфере фортификации. Он был столь убедителен, что в конечном счете обманул недоверчивость Нобунага, даром что она вошла в поговорку, и добился от него разрешения надзирать за работами по восстановлению укреплений замка, то есть получил идеальную возможность расточать средства врага, затягивать дело и в конечном счете так его и не закончить.

Токити был слишком осмотрителен, чтобы не заподозрить уловки, а потом не раскрыть ее, но как рыцарю низкого ранга ему было нелегко войти в контакт с господином, и ситуация застопорилась, забуксовала. Наконец Токити, не без труда, добился дозволения самому взяться за ремонт крепостных стен. Задача была выполнена за три дня; успех принес ему весомую сумму, немедленно потраченную на премии за выработку, которые были обещаны рабочим (простые люди это запомнят).

Так непосредственная угроза была устранена, но оставалось еще разоблачить шпиона и в его лице — происки Имагава. Как это сделать? Токити было бы неприлично снова просить аудиенции у сеньора: он и так уже привлек к себе больше его внимания, чем полагалось, при помощи не самых достойных приемов за неимением других — самый простой и самый эффективный состоял в том, чтобы непристойно ругаться, пока младшие командиры не приведут нарушителя порядка к господину. Но изобличение заговора, организованного вельможами, требовало боль-

шей утонченности — мир грубиянов и ребяческих шуток следовало покинуть!

Как все благородные мужи или те, кто претендует на это звание, Нобунага любил пить чай, ценя его тонизирующие свойства. Токити поразмыслил, повертелся вокруг монаха, которому обычно поручалось готовить чай, — когда-то, в XIII в., именно монахи приучили феодалов к употреблению этого напитка, — и в конце концов попал к нему в обучение. Он приложил к этому делу энергию и сообразительность, присущие ему, и наконец приобрел определенный талант. Однажды Нобунага, похвалив вкус особо удавшегося напитка, с изумлением узнал, что его изготовитель — не кто иной, как надоедливый «подносчик сандалий», его слуга с лицом обезьяны, которого он считал неспособным на такую утонченность. Он выразил любопытство, позабавился, понасмешничал и в конце концов пригласил Токити. Тогда последний, наконец оказавшись лицом к лицу с господином в достойном положении, разоблачил перед ним измену мнимого архитектора, открыл масштабы нависшей угрозы и коалиций, готовых ринуться в бреши оборонительной системы.

Надо ли в это верить на полном серьезе? Каким бы театральным и сомнительным этот эпизод ни был, он походит на правду. В феодальном обществе того времени напрямую со своим господином никогда не говорили. Лишь чайный ритуал, благодаря связи с монастырской общиной, находящейся за пределами мирского общества, частично нивелировал социальные различия и допускал некоторую фамильярность. Но право организовывать чайную церемонию от собственного имени и самому приглашать гостей было большой привилегией, которую, если ты рыцарь, надо было получать от своего господина: Нобунага дождется 1578 года и завоевания земли Харима (в современной префектуре Хёго), прежде чем пожаловать Токити эту честь! Благодаря этим социальным при-

чинам вкупе, с чисто эстетическими, у Токити возникнет выраженное пристрастие к чайной церемонии.

Он признается в этом в теплых словах, например, в письме (ок. 1580 г.) к Имаи Сокию, мастеру чайной церемонии, которого благодарит за гостеприимство:

...Для меня невозможно выразить, как я оценил Ваше внимание. В довершение всего, я был счастлив возможностью вдоволь созерцать принадлежности для чайной церемонии и внимать Вашей мирной беседе.

Не могу выразить в этом письме всего, что происходит в глубине моего сердца... Я страстно желал Вас видеть и [вот почему] направился непосредственно к Вам, и оставался у Вас долгое время, не тревожась тем, что мой визит мог затруднить ваших слуг... (*Boscaro*. P. 8–9.).

Но с годами он усвоит здесь вкус к избыточности или излишеству — как в роскоши, так и в скромности, что вызывалось скорее желанием подчеркнуть свою позицию, совершить политическую акцию, чем страстью к эстетике. Он охотно шел на кощунственную дерзость, словно законы, обычаи были писаны не для него: разве не осмелился он однажды — как говорили, — признаться Нобунага, что попробовал его чай, прежде чем ему преподнести? Такой поступок, даже продиктованный лучшими побуждениями, в отношении господина, известного неистовыми и обычно кровавыми припадками гнева, мог оказаться губельным. Но, надо полагать, эта дерзость, выразившая мелкое тщеславие, но при том готовность к любому испытанию, как раз понравилась Нобунага — после этого инцидента господин и слуга с явным энтузиазмом принялись за организацию одной из тех сложных интриг, дух которых был заимствован из древнекитайской стратегии. В самом деле, *самураи* были без ума от истории древнего Китая — конца раннего царства, так называемой эпохи «Воюющих царств» (475–221 гг. до н. э.), или же конца

империи Хань, когда в III веке нашей эры огромная территория Китая разделилась на «Три царства» (220–260 гг. н. э.). Политики, философы и тактики, военные хитрости, союзы, без конца заключаемые и нарушаемые, — вся эта история была неисчерпаемым источником примеров, справочных ситуаций, а еще в большей мере правилами игры для японских воинов.

Вместо того чтобы грубо разоблачать Куродзиро, много архитектора, Нобунага и Токити в свою очередь придумали ловкую махинацию. Помимо уничтожения предателя, которое должно было стать предлогом, они решили столкнуть между собой два клана, враждебных Ода: это были, разумеется, Имагава, но заодно и Ямагути. Заговорщики не брезговали поддельными письмами, которые диктовал Нобунага и которые должны были разъярить представителя той или другой стороны, не пожалели неповинного гонца, чьих жену и детей Токити на всякий случай взял в заложники; клан Имагава, покинутый своими баронами, которые поверили в мнимую измену, в 1560 г. был разгромлен в битве при Окэхадзама.

Интриги такого рода представляли собой целое искусство. Для них требовались ловкие шпионы, роль которых состояла в том, чтобы перехватывать письма главных участников драмы, а также талантливые каллиграфы, которые должны были подменять подлинные послания поддельными, убедительно имитируя почерк адресанта. У Нобунага в этом смысле были очень хорошие специалисты.

В следующем году (1561-м) Нобунага, несомненно чтобы выказать признательность Токити и восхищение его изобретательностью, женил последнего на дочери одного из своих вассалов, Сугихара Садатоси, отпрыска старинного рода *даймё* и потомка средневекового героя Тайра-но Садамори (X век). Девочка-подросток, родившаяся в 1548 г., носила имя Ясуко или О-Яэ, но

ее всегда называли детским прозвищем «Нэнэ». Ее удочерил, а потом вырастил Асано Нагакуцу, также имевший очень благородное происхождение, потому что был выходцем из императорского рода Сэйва-Гэндзи. Таким образом, в социальном плане девушка стояла гораздо выше Токити; к тому же родители уже планировали сочетать ее с Маэда Тосиэ (1538–1599), потомком уважаемого министра Сугавара-но Митидзанэ (847–903), тоже находившимся на службе у Нобунага. Но Нэнэ, как ни парадоксально, полюбила «Обезьяну», сообщила ему об этом и вышла за него. Тосиэ, отвергнутый жених, похоже, охотно смирился с этим, — за подобную деликатность следовало благодарить его самого, а также Токити, который вызывал достаточно восхищения, чтобы внушать еще и уважение.

Ясуко — или О-Нэнэ, или Нэнэ, а еще Нэмодзи, как позже будет называть ее Токити в многочисленных письмах, — умело принаравливалась к фортуне странного мужа, которого выбрала. Она дарила ему сильную и разделенную любовь, твердой рукой руководила в его большом доме всем — от наложниц до часовых — и потому играла значительную политическую роль. Токити признавал это, ссылаясь на ее мнение по столь важным проблемам, как, например, сбор налогов; однажды он ей написал:

...Вы для меня важнее, чем кто-либо, и, что касается меня, [я считаю, что] ваш талант неповторим (1593. *Boscaro*. P. 54.).

Тем не менее Нэнэ предстояло пережить две драмы. Одна, личная и болезненная, заключалась в ее бесплодии, пусть даже Токити постоянно твердил ей о любви, несмотря на свои очень многочисленные «физические утехи». Другая, вытекающая из первой, имела политический характер: род Токити, лишенный наследника, которого бы родила супруга из хорошей семьи, продолженный лишь

сыном от молодой наложницы, которая была хорошего происхождения, но глупа и очень дорожила влиянием (пагубным) на сына, не сможет сохраниться после смерти основателя. Бедная Нэнэ проживет еще достаточно долго, чтобы увидеть из своего уединения в Киото, — где ее держали *сёгуны* Токугава, внешне оказывая большую почитительность, — трагический конец единственного сына своего мужа и всех, кто ему служил, а также захват его баснословного наследства родом Токугава в 1615 году.

Глава II

РОЖДЕНИЕ ДАЙМЁ

Укоренение

Если сопоставить их с самурайским кодексом, отношения между Токити и его господином Нобунага были странными. В самом деле, в них не найти ни той субординации, признанной в обмен на покровительство, которая была характерной для феодализма, ни глубокого благоговения в сочетании с признательностью, из-за которых в Китае, согласно конфуцианским нормам, связь учителя с учеником была сильнее, чем у отца с сыном, и в ситуациях сложного нравственного выбора ей даже следовало отдавать предпочтение. Здесь, напротив, не было ни смиренного вассала, ни почтительного ученика: Токити никогда не сомневался в своем превосходстве, он умел дать своему сюзерену важный козырь в бешеной схватке за власть, темп и ожесточенность которой из года в год усиливались. Сохранилось множество анекдотов, каждый из которых иллюстрирует какую-то грань его характера, в отношении которого даже непонятно, принадлежит ли он герою романа или историческому персонажу — в жизни порой происходят более странные вещи, чем можно выдумать.

Токити смело защищался от клеветы, этого неизменного недуга всех дворов. Как-то раз один полководец обвинил его в краже маленького ножа (*когаи*), какие всегда носили продетыми в гарду меча; оскорбление было тем тяжелей, что спорный предмет был подарком самого Нобунага. Не пожелав тщетно и по-дурацки кричать о своей невинности, Токити занялся поиском виновного, разоблачил его, и Нобунага изгнал клеветника, посоветовав

сделаться самураем-паломником (*муся-сюгёдзя*), — пусть странствует по провинциям, чтобы совершенствоваться как в духовной медитации, так и в военном искусстве! Ловкий способ избавиться от докучливого человека.

Токити также умел показать себя здоровым политиком — ценное качество, которым не обладал его господин. В то же время, когда улаживалось дело с ножичком, из земли Исэ, пробыв там несколько недель, вернулись шпионы Нобунага. Они принесли заманчивые вести: Исэ трепещет от страха перед Нобунага, неопределенного, смутного, все готовы сдать без сопротивления при первом угрожающем жесте — слова, звучащие приятной музыкой для ушей любого великого завоевателя. А вот Токити увидел в них лишь основание удвоить осторожность. Он выступил против всякой ненужной военной акции, подчеркнул, как дорого будет стоять наступательная война, мало оправданная в ближайшее время, и как они рискуют, если неосмотрительно обнаружат свою базу ради наступления, исход которого, что бы ни говорили шпионы, остается сомнительным. Правда это или легенда, умело выдуманная, чтобы подчеркнуть различия между обоими персонажами в дальнейшем и объяснить необыкновенный взлет карьеры молодого человека? А также чтобы показать, что он меньше, чем его господин, был вовлечен в адский вихрь крови, которая всегда призывает кровь? Для воина от природы Токити всегда проявлял изрядную сдержанность; он любил переговоры и с наслаждением готовился к этим состязаниям в изворотливости. Нобунага умрет из-за неумеренной страсти к насилию, часто совершаемому с пренебрежением ко всякому кодексу чести или, точнее, вне всякого кодекса чести — тех правил, которые восхищают нас сегодня, но которые были разработаны только гораздо позже, в эпоху Эдо, когда, как ни парадоксально, на самом деле воины уже не имели ни права, ни возможности сражаться по серьезным поводам.

В деле Исэ доводы Токити в конечном счете убедили Нобунага. Но как лишить войска выступления — и грабежа, — к которым они уже приготовились? Значит, надо было найти жертву, место приложения сил: ей стала крепость Ивакура (в Овари, в современной префектуре Айти), создававшая помехи тем, кто базировался в Киёсу. Это годилось, чтобы успокоить людей, но надо было еще и спасти честь; тогда Нобунага распространил слух, что план похода на Исэ, во многом раскрытый шпионами, в обилии водившимися у него, как и других местах, был разработан лишь затем, чтобы обмануть врага и разоблачить предателей, которыми, конечно, кишит Киёсу.

Лютый страх перед изменой! Он вызвал к жизни бесконечное множество историй, в большей или меньшей степени имевших правдивую основу (несмотря на театральное утрирование ситуаций), к которым относится и история учителя боевого искусства Уэдзима Мондо.

Уэдзима Мондо прибыл в Киёсу как будто случайно (по крайней мере, так утверждал он), в тот самый момент, когда Нобунага с изумлением обнаружил, что побасенка о шпионах, пущенная в ход, чтобы с честью выпутаться из ситуации с несостоявшимся походом на Исэ, оказалась правдой: в Киёсу было множество шпионов, работавших на разных хозяев. Изгнать их или истребить было недостаточно: следовало снова приняться за физическую и моральную подготовку войск, несомненно имевших слишком мало боевого опыта, при помощи учебных поединков и больших охот, составлявших основу их обучения, и набрать новых учителей — самых лучших.

Уэдзима Мондо был самураем без господина (*ронин*), уроженцем Центральной Японии — Тюгоку. Его появление, как нельзя более своевременное, вызвало, конечно, подозрения у Токити: он сам принадлежал к племени авантюристов и интуитивно умел судить о людях. Конечно, изящные манеры Мондо, который якобы прибыл

из дикой горной местности, показались ему странными. Тем не менее в ближайшее время ничего беспокоящего не случилось — Нобунага старался особо не рисковать. Как было принято при дворах *даймё*, вассалы при нем сменялись, причем число бдительных стражей все росло, и никто не мог оказаться с ним наедине.

Тогда, чтобы прояснить дело, Токити в свою очередь нанял шпиона, причем уроженца родной деревни — то есть надежного человека, — и отдал его на службу к Мондо. Военная хитрость «Обезьяны» удалась сверх всякого ожидания, и дело закончилось блестящим успехом Токити в поединке с изменником. Видимо, Токити, по крайней мере так утверждает легенда, продемонстрировал физическую силу, хотя в любых случаях предпочитал работать головой — судя по портретам, она у него была крепче, чем мышцы. Но обстоятельства потребуют от него активно использовать как ту, так и другие.

Действительно, эти интриги, зарождавшиеся в мирке Киёсу, не должны заслонять от нас тех, что плелись снаружи. Выигрышей не бывает, всякая победа содержит в себе зародыши скорого поражения. Так, Нобунага пока что наслаждался своим недавним триумфом в борьбе с Имагава, пришедшимся на 1558 год; должно быть, он забыл, что последние питают сильное желание отомстить, тем более опасное, что Ёсимото, глава клана, строил политику как тонкий стратег — он внешне стал изображать себя сторонником *сёгуна*, этой светской руки правительства, резиденция которого находилась в Киото, а его шаткая власть, казалось, вот-вот рухнет. Ловкий ход в ответ на обидные истории, которые рассказывались о Ёсимото на улицах: в них он выглядел смешным, гарцующим среди десятков тысяч солдат, но быстро обращающимся в бегство под ударами малочисленных отрядов насмешника Нобунага. Вернет ли ему честь авторитет *сёгуна*, которого он намерен защищать? Снова столкновение (1560 г.), и снова победа

Нобунага, хотя его противник опять-таки имел существенное превосходство. Но на сей раз последнему не повезло: Ёсимото, глава рода Имагава, попал в засаду и погиб; его войска, увидев голову своего злосчастного предводителя, которую Токити велел отрубить и отнести в их лагерь, пришли в расстройство и начали отступать.

Физическая война, психологическая война: эти феодальные битвы отражали не столько социальные конфликты — таковые существовали, но редко выливались в схватки на поле боя, — сколько столкновения личностей и амбиций, очень похожих по своей природе. Все зависело от личностей. Когда один из этих людей вдруг умирал, на шахматной доске обязательств или союзов все могло прийти в движение, как ртуть, так же как любая большая власть, сосредоточенная в одних руках, в силу закона равновесия стремится к саморазрушению за счет компенсирующих разрывов союза: союзники переходят от более могущественного к менее сильному, но больше обещающему.

К тому же первостепенное значение имел личный престиж вождя. Личность Ёсимото, к примеру, выходила далеко за ординарные рамки, несмотря на превратности жизни, которую увенчала рыцарская смерть. Когда его не стало, многие из его вассалов отказались присягать его сыну, не проявляя к нему достаточного уважения. Некоторые предложили свои услуги иным господам, другие сочли, что настал подходящий момент утвердиться самим, и просто-напросто заперлись в своих крепостях, как Токугава Иэясу в своей замке Окадзаки. На самом деле еще ничто не было решено, все могло измениться со дня на день — требовались предприимчивые умы.

Как раз Токити в высшей степени и обладал такими организационными способностями. Он знал, что может с выгодой использовать этих недовольных людей; они выглядели склонными к дезорганизации; а он, наоборот, за-

думал создать с их помощью федерацию, сделав центром этого огромного феодального владения — крупнейшего из существовавших доселе — столицу, Киото. Эта детская мечта выросла вместе с ним и укоренилась в сердце уже сложившегося человека. Сын народа, Токити никогда не сможет обходиться без Киото. Он не обладал законной властью, приобретенной по праву рождения; он родился в провинции и все еще имел невысокий ранг; ему нужно было достичь успеха, который бы выглядел блестящим, и получить признание со стороны двора — это несомненно было политической необходимостью и еще в большей степени императивом характера, выражением верности Старому порядку, вне которого он не мыслил спасения: маленький мальчик из Накамура никогда не покинет на произвол судьбы роскошных аристократов и сделает все, чтобы вернуть им утраченный блеск и поднять их на высоту собственной безмерности.

Но как поступить в данный момент? Существовала, конечно, идея Ёсимото, которого убили прежде, чем он смог выступить в качестве защитника *сёгуна*, но тем не менее придумал ловкий ход, который Токити охотно сделал бы сам, если бы не безвестность его происхождения. Поэтому, не имея возможности действовать самостоятельно, он стал посредником. Он инициировал не очень обычный союзный договор, который подписали семьи Ода и Токугава — его господин Нобунага и Иэясу, человек его поколения. Этот договор, хитроумная смесь корыстных притязаний и стремления к романтическим эффектам, упоминавший клятвы, с какими заключали союз князя древнего Китая, скрепил странную сделку.

А именно: первая из обеих договаривающихся сторон, которая возьмет под контроль столицу — военным путем или путем соглашения, неважно, — и добьется покровительства со стороны императора, потребует от второй подчинения и верности, каковые та немедля подтвердит.

В общем, нечто вроде спортивного состязания или суда Божьего в масштабе страны. Во всяком случае, поразительная выдумка, настоящий дипломатический подвиг в эпоху, когда феодалы не обременяли себя обещаниями и мало уважали данное слово, если не были вынуждены его соблюдать. Но те, кто подписывал договор Токити, уверенно принимали на себя обязательства — обращение к императору могло только благоприятно сказаться на их делах. В те бурные времена в Японии существовал только один авторитет, чисто моральный, — авторитет императора: тот уже давно не правил, но воплощал душу нации, и потому лишь он мог предоставить высшее признание, воплощавшееся в должности *сёгуна*, если она станет вакантной.

Однако кто мог на нее претендовать? Представители родов Асикага, тогдашние обладатели этого титула, а также Токугава — вспомним Иэясу, — Мацудайра, Нитта, Такэда, Сасаки, Акамацу, Китабатакэ, словом, все, что в Японии считалось самурайской знатью, которую Токити встречал на полях сражений в своем лагере или в лагере противников. Не у всех, однако, шансы были равными: одним удача улыбалась, а от других отворачивалась. Так, если исходить из прежних назначений (и семья Минамото, и семья Асикага происходили от императора Сэйва, царствовавшего в 859–876 гг.), обычай мог быть благосклонным к Токугава, которые тоже были отдаленными потомками императора Сэйва, но не давал никаких шансов тем, кто не мог похвастаться ни одним венценосным предком, так что, вследствие одного из тех парадоксов, какие порождают великие восстания, самые активные самураи Японии — Нобунага и Токити — исключались из числа вероятных преемников *сёгуна*. Нобунага, стараясь спасти лицо, рассказывал тем, кто хотел его слушать, историю, которую несомненно выдумал его дед, а потом повторял отец: Ода из Киёсу якобы происходили

от Тайра-но Сукэмори, клан которого в XI и XII вв. вел беспощадную борьбу с Минамото, в конечном счете победившими, — то есть песнь о паладинах былых времен, где нашлось место и несправедливости! На самом деле до XV в. не обнаруживается и следов рода Ода, и только в 1530-х годах появляются Ода из Киёсу, которых следует отличать от других Ода, в XV в. служивших Сиба — правителям провинции Овари. Конечно, в течение последних ста лет это была видная семья, но престижных предков-самураев у нее не было! Что до Токити, его скромное происхождение исключало для него всякую надежду. Недостаток родовитости отныне был главным фактором, способствовавшим союзу двух этих личностей, которые объединяли свою энергию и изобретательность, с тем чтобы противостоять общему року.

Чрезвычайное обилие кандидатов — их противников, равных перед лицом обычая, если не силой, создавало запутанную ситуацию с постоянным соперничеством и с союзами, которые быстро заключались и столь же быстро распадались: предание о верности до самой смерти, столь трогательное в рыцарской литературе и столь часто встречавшееся у простых *самураев*, намного меньше значило для важных господ, едва лишь определенное экономическое могущество давало им мало-мальскую независимость.

Подобное чувство верности не слишком стесняло и Токити — он уже продемонстрировал это, покинув своего благодетеля Юкицуна, а потом приняв участие в разгроме его сюзеренов, Имагава. Но он дорожил новым хозяином, с которым они очевидно дополняли друг друга. Нобунага был воякой до мозга костей и притом гениальным стратегом, но страдал кровожадной несдержанностью, которая могла привести к катастрофическим последствиям. Токити по мере того, как все больше входил в доверие, стал упорно добиваться, чтобы господин отказался от част-

ных войн — нескончаемых вендетт, повод для которых возникал то и дело: либо утоление личной мести, либо помощь вассалу в качестве предлога. Тем не менее эти войны были характерной чертой времени, и, как ни парадоксально, благодаря одному из таких ненужных сражений Токити наконец получил признание своих талантов военачальника.

Дело началось во время осады замка Инабаяма в земле Мино, на той горной территории, которая закрывала горизонт к северу от земли Овари. Противник, вторгнувшись оттуда, мог обрушиться на Киёсу, помешать перемещениям войск Нобунага, не дать ему двинуться на столицу и, наконец, просто-напросто сбросить его в море. Долгое время ничто из этого не казалось ни неизбежным, ни даже вероятным: Инабаяма, старая (XIII век) и известная крепость, считавшаяся неприступной, принадлежала роду Сайто, а именно тестю самого Нобунага — Тосимаса. Таким образом, удачный брак защитил Нобунага от любых серьезных угроз с севера. Это равновесие могло бы сохраниться, если бы Тосимаса, на свою беду, не вздумал завести сына: поскольку природа, казалось, не благоволит его желаниям, он усыновил молодого человека по имени Ёситацу. Торопливость была, конечно, излишней: через некоторое время у него родились два мальчика! Если у Тосимаса это вызвало радость, то у приемного сына — завистливый ужас: чтобы не оказаться у разбитого корыта, последний убил обоих юных «братьев», а также отца, который в противном случае, конечно, отомстил бы за детей; потом, приняв наследство, он водворился в Инабаяма как хозяин.

После того как Нобунага узнал об этом, ему нельзя было бездействовать: помимо того, что он должен был из семейной солидарности наказать убийцу, он не мог допустить, чтобы в Мино установилась власть, враждебная ему или, во всяком случае, свободная от обязывающих

уз, какие связывали тестя и зятя (выдача дочери замуж во многих отношениях походила на передачу заложника). Тем не менее Токити снова советовал проявлять осторожность, пытался оттянуть дело и преуспел настолько, что Ёситацу, отцеубийца, умер прежде (в 1561 г.), чем Нобунага успел отреагировать. Последний пришел в ярость, сетуя, что навсегда утратил повод свершить необходимую кару; не медля более и не слушая мнений слишком хладнокровного советника, он обрушился на Мино с твердым намерением заставить злосчастную провинцию заплатить за преступление, а потом исчезновение одного из ее сеньоров. Удача как будто улыбалась ему: выйдя победителем из первых стычек с местными отрядами, он приступил к главному акту своей мести — осаде замка Инабаяма.

Он слишком быстро забыл, что не все вассалы его тестя имеют особые отношения лично с ним; многие из них, проницательные политики, отнюдь не поверили в гнев Нобунага, хотя и вполне реальный, и усмотрели за высокими чувствами скрытую амбицию, ловко используемый предлог, чтобы завоевать не только крепость Инабаяма, но и всю провинцию. Стратеги из рода Сайто быстро и толково организовали сопротивление — Нобунага, с одного фланга прижатый к реке, очень скоро оказался окруженным с другого, едва не попав в плен. Это красивая самурайская история, которая очерняет убийцу и славит талант семейства Сайто, оправдывая при этом вмешательство Нобунага. Есть и другая версия, обеляющая мнимого убийцу и его род, Токи: в соответствии с ней истинными виновниками драмы были Сайто, свалившие на злополучного приемного сына вину за убийство, которое совершили сами, и за вторжение армии, которую сами пригласили. Кстати, разве сами Сайто, всего-навсего потомки торговца растительным маслом, не стали *даймё* благодаря деньгам и пронырливости? Мы еще обратим внимание на гибкость социальных отношений и быстро-

ту возможного социального подъема, на накал борьбы за влияние внутри крупных кланов, пренебрежение кровными связями, а часто и измену им в пользу интересов отдельных лиц; как бы то ни было, Нобунага правдами или неправдами оказался под стенами крепости Инабаяма, стараясь завоевать землю Мино и подвергая свою жизнь большой опасности. Тогда-то, как и во всем этом сценарии, на сцену выступил герой — Токити.

Итак, дадим слово грезе, которая сама столь насыщена историей. Токити был недалеко, но в отношениях между «Обезьяной» и ее господином не все ладилось. Действительно, несколько часов назад Токити, вопреки всем обычаям и обыкновениям, приличествующим человеку его ранга, поднял знамя пяти ярких цветов: зеленого, желтого, красного, белого и черного. Нобунага приказал немедленно его опустить, но Токити, не убирая знамени, изготовил еще одно. Яростное изумление Нобунага, спокойные объяснения Токити. Грядет гроза — силы Сайто переходят в наступление. Токити взмахивает своим знаменем; в ответ у самого подножья замка поднимается несколько других таких же. Паника среди людей Сайто, которые, бросив Нобунага, спешат в крепость, полагая, что она окружена. На самом деле угрозу крепости изображали всего несколько знаменосцев Токити, потом скрывшихся. Сайто не понимали, где искать исчезнувшего врага. Пользуясь замешательством противника, Токити в безопасных условиях соединил свои отряды с отрядами соратников, Сакума и Сибата, и обеспечил отступление войск Нобунага в правильном порядке. Последний наконец понял, в чем состояла хитрость Токити, и в награду разрешил ему сохранить цвета, спасшие все войско, — так Токити, все состояние которого составляло знамя, поднялся над уровнем простого *самурая*.

Благополучно вернувшись в Киёсу, Нобунага тем не менее не отказался от планов завоевания земли Мино. Он

даже счел этот момент подходящим, чтобы закрепить за собой приобретенное, попросив подтверждение у официального лица — а хоть бы и у номинального сёгуна, Асикага Ёситэру, который на самом деле был опорой весьма скверной, слабой и ненадежной. Тем не менее получить такую поддержку значило бы уже оказаться одной ногой в столице. Все эти феодальные волки так любили запах почестей, их музыку, преследуя в их облике недостижимую мечту о легитимности, не зависящей от переменчивой воинской судьбы! Вот почему Нобунага был переполнен радостью, когда, наконец принятый сёгуном, покидал Киото, куда специально ездил, — еще более уверенный в себе и еще более, чем когда-либо, горящий желанием аннексировать землю Мино.

Однако география не всегда благоволила двору. Чтобы вступить в Мино, надо было пересечь широкую реку, режим которой был непостоянным и часто непредсказуемым и место переправы через которую к тому же защищала мощная крепость на противоположном берегу. Стратеги Нобунага придумали контрмеру — построить со стороны земель Овари другое укрепление, которое бы стало плацдармом для армии вторжения. Воплощение этой идеи было делом непростым, потому что владения Нобунага фактически не доходили до реки — подойти к воде означало пройти по неконтролируемой территории.

Однако один командир, Сакума, выступил туда, взяв 8 тысяч человек — 5 тысяч рабочих и 3 тысячи солдат. Они беспрепятственно дошли до места и начали строительство; но сторонники Мино — несколько солдат и много вооруженных крестьян, как все тогдашние крестьяне способные прийти на помощь своему сеньору, — ночью разрушили то, что было построено днем. Так повторялось до бесконечности, пока обескураженный Сакума не вернулся в Киёсу. Эстафету от него принял Сибата, но потерпел такую же неудачу. Теперь настала очередь Токити.

На вопрос, сколько человек он намерен взять, он неожиданно ответил: «Ни одного. Чтобы построить крепость на вражеской территории, лучше всего использовать людей врага». Как это сделать? Есть ресурсы — бандиты с большой дороги, которые рыщут в окрестностях, в том числе Хатисука Короку, которому он когда-то послужил во время тяжелой юности. Или он использовал только убедительное могущество денег? Без ведома властителей Мино все составные части крепости были вырублены, подготовлены, доставлены в место постройки — для этого понадобилась всего неделя. Так в 1562 г. появился форт Суномата.

Нобунага назначил Токити командиром этого форта, который возвели таким образом под носом у врага; чтобы поддержать его ранг, он предоставил ему годовой доход и дал новое имя, более подходящее к его новому положению, которым мы отныне и будем его называть, потому что именно под этим именем его запомнила история, — Хидэёси.

Покинув тем самым когорту анонимов, «Обезьяна» отныне имела оба атрибута, без которых нельзя быть *даймё*: замок, во всяком случае, нечто вроде крепости, и личное имя, имевшее эпическое звучание, — имя «Хидэёси» напоминает о его таланте и внушает представление о «Возвышенном Успехе».

Глава III

ГОРИЗОНТЫ РАСШИРЯЮТСЯ

Суномата

Токити исчез во мраке бурного прошлого, и началась история Хидэёси, владельца замка Суномата.

Этот форт поднялся на входе в землю Мино, землю «Трех Равнин», как ее называли, имея в виду три маленьких плато, образующие террасы и переходящие в обширную систему мощного горного массива; Мино была местностью суровой — силы сопротивления, как на всех землях со сложным рельефом, могли здесь взять верх над самыми могучими и наилучшим образом организованными армиями. Хидэёси это знал и без отдыха работал над совершенствованием своих укреплений, неустанно продолжая постройку крепости, ядро которой, возведенное наскоро, удовлетворяло лишь настоящим нуждам, но не могло надолго обеспечить оборону на вражеской территории.

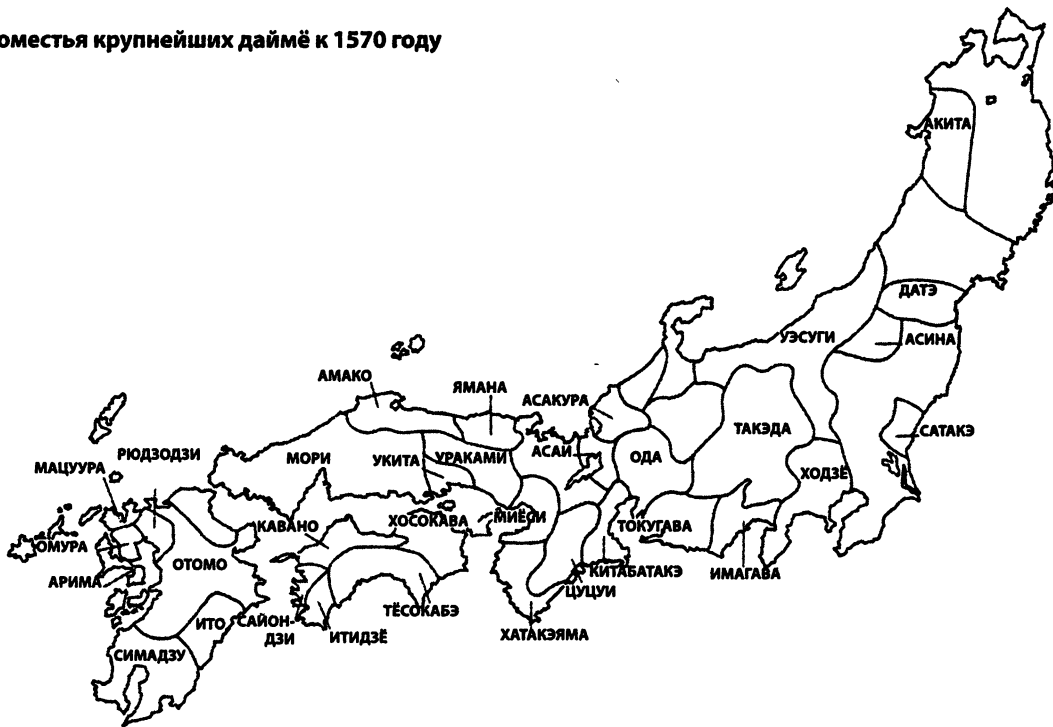
По счастью, Сайто, пришедшие в расстройство в результате смерти своего вождя и его детей, раздираемые противоречивыми чувствами, не проявляли настоящей враждебности. Хидэёси наблюдал за развитием этой запутанной ситуации, которая могла иметь как наилучший, так и наихудший исход. Он ждал и размышлял. Он знал, что сделан из теста, из которого делают величайших людей; но, дав ему ум, природа поместила этот ум в жалкое тело, и случаю было угодно, чтобы он родился бедняком на земле лена, который принадлежал к далеко не самым значительным ленам Японии. Он ничего не получил авансом. Все выигрыши, которых добивался он, были для него

наградой за ловкость, за умение размышлять, верно оценивать, за дерзость, которую уравнивал широкий обзор событий, — словом, Хидэёси обладал качествами гениального игрока. Он знал это, и так же воспринимали его другие. Он не питал никаких иллюзий насчет верности вассалов, ведущей к победе; он сознавал пределы своих сил; ему была знакома ненависть, вызванная зря пролитой кровью, и он, наоборот, ценил личные связи, созданные переговорами и взаимным уважением. Наконец, он был слишком хорошим стратегом, чтобы не опасаться многочисленных фронтов и ненадежности слишком обширных союзов. Его господин Нобунага тоже иногда проявлял некоторое понимание этого, но такое мимолетное просветление у него быстро уступало место слепой ярости; тот же порок, ядовитый плод медленного, но неумолимого разложения, которое несет с собой власть, подстережет и Хидэёси в конце жизни. Но пока, в начале карьеры, он предпочитал медлить, обеспечивать себе тылы, прежде чем наступать; хотел этого Нобунага или не хотел, на завоевание Мино не следовало рассчитывать в ближайшее время, что вскоре показала история Осава Дзиродзаэмона.

Дзиродзаэмон, владелец замка (Унума) в земле Мино, был вассалом семейства Сайто. А вот его старший брат с давних пор принял сторону Нобунага, фактически прежде всего сторону Хидэёси, восхищения перед которым не скрывал. После того как сами Сайто как будто утратили веру в собственные силы, Дзиродзаэмон, как и его брат, явился к Хидэёси, который принял его и посоветовал принести клятву верности лично Нобунага.

И Дзиродзаэмон направился в Киёсу, влекомый самыми благими намерениями. Нобунага, человек недоверчивый, относившийся ко всему с подозрением, не понял, с чего бы у него появился этот новый союзник, глубинные причины поступка которого — восхищение перед его помощником — были ему недоступны. Дзиродзаэмона он

Поместья крупнейших даймё к 1570 году

принял за шпиона, хуже того — за труса, за ненужный рот, а значит, за человека, опасного для военного вождя. И он без дальнейших церемоний посоветовал Дзиродзаэ-мону покончить с собой. Это было не более чем угрозой или, скорее, настоятельным советом, но с момента, когда уста господина произнесли приказ, никаких возражений последовать не могло, потому что сама жертва не могла показать свою добросовестность иначе, чем согласившись умертвить себя. Столь пагубное стечение обстоятельств грозило лишить Хидэёси и его людей ценного союзника на территории, еще плохо подчиненной. Своевременно предупрежденный — что за военный вождь без осведомителей, в том числе и в стане собственного сюзерена? — Хидэёси спешно прибыл из Суномата, взял Дзиродзаэмона под защиту — это показывает, насколько он лично доверял последнему, — и в последний момент не дал совершиться трагедии. Тогда он сплел одну из сложных интриг вполне в духе времени, вдохновенную китайской военной стратегией; в подобных делах он чувствовал себя как рыба в воде.

Загвоздка состояла в том, что Нобунага никогда бы не дал бы себя убедить, пока Дзиродзаэмон был один; чтобы ему поверили, последний должен был заплатить за присоединение, добившись в свою очередь союза с важным лицом, честность которого было бы невозможно поставить под сомнение. Вечный сюжет: с одной стороны — прозелитизм, с другой — система гарантий! Таким образом, требовалось найти нового союзника. По размышлении Хидэёси выбрал другого сеньора из земли Мино, Такэнака Сигэхару. Представители семейства Такэнака, потомки Минамото и, следовательно, императорского рода, выглядели людьми, стоящими выше всяких подозрений в измене, равно как и в трусости. Но как было убедить его? Этот человек, глубоко потрясенный драмами, которые произошли в семействе Сайто, удалился в свое поместье Курихара, обрил себе

череп и жил как монах, предавшись изучению священных текстов и молитве. Как было подступиться к отшельнику, чтобы раскрыть перед ним все извивы политики, которая, сколь бы огромные ставки ни разыгрывались, сводилась к перипетиям грязной схватки за власть?

Плодовитая кисть и необузданное воображение рассказчиков описали дальнейшую историю, выведя Хидэёси в комичном образе: он переоделся самураем без господина (*ронин*), чтобы вернее проникнуть к Сигэхару. В ходе беседы Хидэёси упрекает Сигэхару за то, что тот утратил интерес к миру, где злодеи истребляют добродетельных; он его умоляет поступить на службу к единственному господину, достойному этого имени, — Нобунага. Тут Сигэхару догадывается о хитрой уловке и узнает в своем госте человека с «обезьяним лицом», уже легендарного, чьими талантами пользуется Нобунага и которого кое-кто считает демоном. Сигэхару выражает изрядную досаду, однако как человеку религиозному ему ни на миг не приходит в голову кликнуть стражу, и он волей-неволей выслушивает своего собеседника. Солнце давно уже село, в поместье все спят, у Хидэёси в распоряжении целая ночь, которую он использует, чтобы доказать свою правоту. Напрашиваются трогательные литературные реминисценции — если изменить время и место действия, можно подумать, что читаешь знаменитое место из прославленного китайского романа «Троецарствие», действие которого происходит в III веке, в конце правления династии Хань, на который пришлись военные и крестьянские восстания, романа, где храбрец (Гун Мин) умоляет последнего отпрыска свергнутого императорского рода (Лю Бэя) взяться за оружие, чтобы восстановить власть своих предков.

Тем не менее, пусть перипетии этой истории принадлежат японо-китайскому эпическому воображаемому, нет никаких оснований сомневаться ни в конечном присоеди-

нении Сигэхару к лагерю Нобунага, ни в том, что существенную роль в этом сыграл Хидэёси. Когда клубок был распутан, Нобунага показал себя столь же счастливым и польщенным, сколь прежде — озлобленным и торопящимся наказать Дзиродзаэмона. Чтобы изгладить из памяти последнего пережитые драматические часы, Нобунага торжественно передал ему его замок Унума, а самурай-монаху Сигэхару посоветовал поселиться у Хидэёси, в Суномата, — то и другое было способом под видом щедрости обеспечить себе верность своих людей. Призрак измены никогда не исчезал. Как и предугадывал Хидэёси, маневр блестяще окупился: присоединение Сигэхару послужило примером, и к Нобунага примкнули многие феодалы Мино, в том числе Като Тораносукэ (Киёмаса), родственник Нэнэ — супруги Хидэёси — и один из лучших полководцев, каких последний только будет иметь под своим началом. Только тогда Хидэёси наконец согласился приняться за завоевание Мино: теперь бы никто его не понял, если бы он не воспользовался приобретенными преимуществами. Итак, в 1564 г. Нобунага вновь осадил Инабаяма, и на сей раз его тылы были надежно прикрыты: с одной стороны — крепостью Суномата, с другой стороны — рекой.

Тем не менее он получил суровый урок: задача оказалась даже более сложной, чем рассчитывал осторожный Хидэёси. Чтобы сломить сопротивление осажденных, понадобилось две недели, мало того — пришлось прибегнуть к малопочтенным услугам перебежчика, приведшего армию Нобунага тайным ходом, на выходе из которого осаждающие подожгли наружные стены замка. В этот момент Сигэхару, самурай-монах, напомнил о том, что ему пообещали в обмен на его присоединение: жизнь защитника цитадели и его семьи будет сохранена. Победенные выскользнули за пределы внешних стен, чтобы, говорят, направиться в Киото, где они действительно ис-

чезнут с политической сцены — после преступлений, совершенных их отцом (приемным сыном — братоубийцей и отцеубийцей), это могло выглядеть восстановлением подлинной справедливости. Но вместе с ними парадоксальным образом исчезли всякие поползновения к реваншу со стороны рода Сайто, и провинция Мино, столь вожденная, наконец попала в загребущие руки Нобунага.

Охмелевший от радости, тот щедро вознаградил Хидэёси, изворотливый, но эффективный гений которого внезапно выступил на авансцену театра военных действий. Горе побежденным и слава победителю! Нобунага сделал его сеньором трех округов земли Мино, дававших превосходный ежегодный доход в 80 тысяч *коку*, или мер риса (служивших денежным эквивалентом). Таким образом господин замка Суномата стал не просто *даймё*, а богатым *даймё*, тогда как Нобунага счел приятным — и полезным? — поселиться прямо напротив него, в Инабаяма, название которой он изменил на Гифу — еще один топоним, позаимствованный из китайской истории: она питала воображение этих феодалов, не обладавших большой культурой, кроме беллетристической или же исторической в той мере, в какой история была лишь переживаемым въяве романом. В Китае Гифу (по-китайски Цифу) был местом, откуда выступил царь «Воин» (У-ван) из древней царской династии Чжоу, который в XI в. до нашей эры отнял у предшествующих суверенов, династии Шан, пришедшей в упадок, бремя «мандата Неба» (понимайте: бразды правления). Для Нобунага аллюзия была ясной: из Гифу он отправится на завоевание Японии и присвоит себе высшую исполнительную власть, в то время как его тылы будут в качестве базы прикрывать замок Киёсу в Овари, колыбель его рода.

Позволительно задаться вопросом, не переоценивал ли все-таки Нобунага свои возможности, что бы там ни говорил Хидэёси, никогда не упускавший случая громко и страстно вещать о будущей славе своего сеньора.

В самом деле, завоевание Мино далеко не упрощало его задачу, а в одном отношении даже усложняло ее. Конечно, оно открывало пути к столице, расположенной на западе, но вместе с тем вынуждало Нобунага принимать в расчет то, что он до этого высокомерно игнорировал, — феодалов Восточной Японии. Там существовало такое же противостояние, как и в центре страны, между континентальными и приморскими провинциями, между горными землями и побережьями. К этим конфликтам даже добавлялась ярко выраженная враждебность между обоими «фасадами» архипелага — открытым к Тихому океану и обращенным к Японскому морю. Не чертой ли времени была такая трансформация некогда локальных стычек в огромные региональные конфликты, экономическая ставка в которых превышала возможности самых видных вождей, — если только они вовремя не находили более прочную основу для своего величия?

Обратившись таким образом к японскому Востоку, нельзя было не заметить самого грозного из этих паладинов — легендарного Такэда Сингэна (1521–1573), прославленного потомка императорского рода Сэйва-Гэндзи, того самого рода, из которого по традиции выбирали *сёгунов*.

Биография Такэда Сингэна тоже была насыщенной. Он был старшим из братьев, но отец захотел лишить его наследства в пользу младшего брата, которого больше любил. Это значило не учесть энергичности молодого человека, который без тени сожаления в 1540 г. изгнал отца и поручил держать его в заточении своему зятю Имагава Ёсимото — тому самому, которому Нобунага с помощью Хидэёси через несколько лет, в 1560 г., нанесет столь сокрушительное поражение при Окэхадзама. Таким образом, из соображений простой семейной солидарности, не обменявшись ни единым ударом, Нобунага и Сингэн в силу вещей стали врагами. А ведь Сингэн был богат и железной рукой правил провинцией Каи (ныне префектура Ямана-

си) у подножия гор Канто, западней современного Токио; он обрил голову в 1551 г., частично удалившись от мира и приняв буддийское имя Сингэн, под которым потомки его и запомнили; тем не менее его мощь подрывали — к счастью для Нобунага — нескончаемые столкновения, которые он с 1547 г. вел со своим северным соседом, Уэсуги Кэнсином (1530–1578), правителем провинции Этиго (современная префектура Ниигата). К тому же в этом мире, более взаимосвязанном, чем можно подумать, рассматривая карту, и оплетенном сетью сложных семейных союзов, любое изменение влекло за собой какое-то другое. Нобунага обосновался в земле Мино? Сингэн, покинув уединение и медитации, счел этот момент удобным, чтобы провести ряд нападений на провинцию Суруга (современная префектура Сидзуока). В 1568 г. он добился успеха; помимо радости и гордости победой, Сингэн получил в результате неоценимое преимущество — выход к морю. Если прежде его уделом была жизнь в анклаве, отныне он мог не только достигнуть других провинций Японии, не натываясь на крепости, воздвигнутые в стратегически важных точках дорог, но при желании также снарядить судно для выхода в открытое море или принять иностранный корабль, кладезь таких сокровищ, как золото, шелк, мушкетеры. Для него козырем было то же, что и для Нобунага, — взрывоопасная ситуация, порождающая всяческие конфликты.

Хидэёси чувствовал приближение грозы, он также знал, что, несмотря на бахвальство подпевал, войска его господина не готовы к столкновению с противником такого калибра, как Сингэн. Поэтому Хидэёси измыслил кратковременный союз, брак между родственницей Нобунага и сыном Сингэна, который спешно подписал соглашение об этом — ведь его снова тревожил старый враг Уэсуги Кэнсин. Каждой из сторон, подписавших договор, какими бы ни были их задние мысли, перемирие принесло необходимую передышку.

Осознал ли после этого Нобунага необходимость хоть как-то обуздать, как-то умерить свои аппетиты? Ничуть, тем более что вести, доходящие из Исэ, снова приятно распалили его воображение. Провинция Исэ, наконец и все та же, старинная колыбель самого сакрального из святилищ императорского культа, дивное обиталище древних богов Японии! Тот, кто владеет Исэ, словно бы омыт этим сверхъестественным светом, — Нобунага не впервые слышал голоса его сирен-обольстительниц. К этому надо добавить и более приземленный образ, с годами становившийся все отчетливей. Сделав своей базой Овари, колыбель его рода и его фортуны, укрепившись отныне в Мино при помощи разумного упорства, Нобунага, укоренившись в Исэ, получил бы неоценимый козырь — узкий морской залив, бухту Исэ, нечто вроде маленького Внутреннего моря для себя, откуда бы он мог разъезжать во всех направлениях; комбинацию того же типа пытались устроить Такэда в лице Сингэна в бухте Суруга, дальше к востоку. И вот опять шпионы повторяли восторженные рассказы: Исэ вот-вот падет, достаточно осмелиться и напасть.

Тогда Нобунага попробовал нанести смелый удар, не лишенный известной дерзости: атаковать замок Яда, крепость как крепость, которую, однако, защищали Кусуноки — самые удивительные из паладинов старой Японии. Их предок Масасигэ (1294—1336) некогда покончил с собой, потому что не смог отстоять дело императора против сторонников *сёгуна*, в эпоху, когда обе эти власти терзали друг друга, вместо того чтобы поддерживать. Смелость и верность Масасигэ были столь велики, что молва о них прошла через века и поколения. Еще и сегодня нельзя лучше похвалить храбреца, чем сказав «это настоящий Масасигэ» или «это настоящий Кусуноки». Вот семья, на которую замахнулся Нобунага в надежде завоевать Исэ в одном сражении, тем более решительном, что он метил

выше. Сознал ли он, что атакует еще и традиционного защитника императорской легитимности? Едва ли: раздел Японии между двумя соперничающими императорскими родами, этот раскол, так потрясший страну в XIV в., уже более двухсот лет как закончился, и если Нобунага при случае строил глазки *сёгуну*, он не менее глубоко почитал императора, воплощавшего иные ценности — высшие, вечные.

Тем не менее простодушие окупается не всегда, и удача тем более не всегда улыбается опрометчивым смельчакам: армия Нобунага, отброшенная, преследуемая, отступила так же быстро, как и подошла, даже не дав времени подоспеть подкреплениям. Катастрофа произошла молниеносно, сообразно удару, задуманному столь легкомысленно. Потерпев поражение от Кусуноки, Нобунага потерял престиж и мог ожидать немедленного отпадения союзников. Теперь пробил час Хидэёси: он был мастером придавать вещам интригующее обличие, ценное дополнение к вооруженному конфликту, довершавшее действие последнего.

Принцип был прост: потерпев поражение, ни в коем случае нельзя останавливаться, признавая, что Ода были разбиты. Единственный выход? Нападение, опять-таки в земле Исэ, но цель должна быть более слабой, чтобы правитель этого места, испугавшись, сразу предложил мир и даже свои услуги по вовлечению соседей в союз с Нобунага. Тут на сцену выступает живописный и коварный персонаж — Ямадзи Дандзё, мелкий помещик из Исэ, дрожащий за свое имущество и свою жизнь; он хвалится, что может добиться союза с самыми могучими персонами, и таким образом от своего имени предлагает Нобунага всю провинцию. Сибата, соратник Хидэёси, но его противоположность в психологическом отношении, видит в этом гарантию быстрой победы и вступает в переговоры с Дандзё, как вдруг приходит тревожная весть:

Такэда Сингэн вот-вот осадит Гифу, штаб-квартиру Нобунага в Мино. Через несколько дней — неожиданная развязка в виде опровержения: атаку Сингэна якобы просто выдумали шпионы Дандзё, чтобы усилить его позиции на переговорах и форсировать их завершение.

Где правда? Где ложь? Одни посылают шпионов, другие их ловят. И все это происходит в замкнутых пространствах, где сведения мечутся подобно ошалевшей коннице или купцам, всегда ждущим подвоха для коммерции. Пугая население, укrywшееся на своих фермах, рисовых плантациях, в своих мастерских: угроза войны лишает их будничных упований и радостей созидания, производства, торговли. Хидэёси думает. Конечно, опытной армии по силам любой переход, тем более что бои идут здесь же, на Хонсю; легковооруженные войска движутся быстро и проникают повсюду, никакие горы для них не преграда. Но прошло всего десять дней с тех пор, как он покинул Гифу и направился в Исэ, — и он тоже; ничто не намекало на приближение пресловутых людей Сингэна, ни один беглый крестьянин об этом не обмолвился. Следовательно? Надо ли вообразить, что Сингэну удалось без малейшего шума переместить значительную армию на двести наших километров? Из Канто, со всей неизбежной суматохой, с реквизициями на фермах, с огнями биваков, пусть даже переходы были очень быстрыми, — за три-четыре дня? И чтобы эти передвижения не привлекли внимания ни одного из наблюдателей Нобунага, прячущихся во всех мелких ленах, друзей или врагов на периферии его владений? Вывод Хидэёси был весом, как приговор: эту весть распространили шпионы Дандзё.

Эта пронизательность, это хладнокровие, это умение ловко разоблачить «дезинформацию» потенциального противника стоили самой героической осады — множество мелких сеньоров из Исэ примкнуло к Нобунага из восхищения тактическим гением его странного помощ-

ника; эти новые друзья были очень кстати в момент, когда Нобунага стал все чаще поглядывать на столицу, что, конечно, не расстраивало и Хидэёси.

Но возникали вопросы, которые столь долго скрывала пыль, поднятая победоносными войсками, — неявные, упорные, неотступные и приземленные.

Нервы войны: деньги

Слава не исключает проблем, в том числе самой неотступной из них — финансовой неопределенности.

Пропитание, содержание, снаряжение тысяч солдат, необходимых как для больших походов, так и для престижа *даймё*, постройка и функционирование крепостей и домов, нужных для размещения многочисленной свиты, которая должна выглядеть блистательной, — все это быстро поглощало уйму средств. Конечно, эта система давала много преимуществ для разных типов сообществ: замок — это место, при котором, кроме служащих самого хозяина, кормилась масса «субпоставщиков». Разве вокруг резиденций феодалов в течение минимум двух веков не селились ремесленники и купцы, образуя «города-рынки», законы которым диктовал только хозяин крепости и которые избегали системы корпоративных привилегий и свобод, в свое время полезной, но ставшей столь же стеснительной для мелкого труженика, как и налоги и притязания *даймё*? Свою выгоду находил в этом и сеньор. Тенденция к автаркии, которую проявляли расширяющиеся общины, давала ему возможность более плотно контролировать снабжение и обмен. Полномочия и деньги двигались в замкнутом цикле, и сеньор вполне мог не допустить какой-либо концентрации капиталов в руках людей, не находящихся у него на службе. Эта фиксация сообществ, сосредоточенных в одном месте, могла позволить в большой мере пресечь анархию, которая тогда была правилом, и достичь неко-

торой определенности, разделения задач под бдительным оком командующего цитаделью. Став владельцем форта, Хидэёси ясно понимал, что *даймё* — не только военный вождь: он должен быть и администратором, и в его мозгу уже намечались основные направления деятельности. В своих принципиальных чертах они не выглядели по-настоящему оригинальными, а скорей отражали талант, наличие которого подтвердят последующие годы, — умение приспособлять институты и установления, которые все были оправданы только при прежнем состоянии японского общества, к реалиям XVI века.

Главной ячейкой этого общества оставалась деревня или же совокупность деревень, составлявшая поместье, приобретенное сеньором (*бункоку*) либо объявленное его полной собственностью (*сики*). Оно представляло собой развитую форму прежней вотчины (*сээн*), складывавшейся из целинных земель и раскорчеванных участков, сначала находившейся под определенным контролем правительства, а потом освобожденной от всяких обязательств по отношению к государству; такие вотчины (с X века) передавали предприимчивым младшим сыновьям больших семейств, и эти сыновья становились колонистами. Во времена Хидэёси такие поместья приобретались путем завоевания или по наследству; это с них взимали натуральный налог, знаменитый *нэнгу*, кошмар крестьян и главный ресурс сеньора, налог, без которого все мечты о могуществе развеивались прахом. Но за любое богатство надо платить: расчет налогов, как и их сбор, требовали определенных забот и создания административной организации, что было намного сложнее простого и грубого захвата или физического принуждения.

Сначала нужно было выявить человека, который должен платить, определить собственника или, скорее, официально признанного пользователя рассматриваемых земель, потому что собственности теоретически не существовало:

в соответствии с принципом, согласующимся с китайской традицией, японская земля принадлежала только Японии, символом которой был император. Но воины не морочили себе голову философией, хоть бы и экономической: они просто искали плательщика и с этой целью периодически пересматривали кадастры — документы, разрабатываемые прежде всего для подготовки базы обложения, от которых сохранились очень старинные образцы.

Так, в эпоху Камакура (1180–1333) существовало множество «отчетов, касающихся рисовых полей» (*табуми*), самая типичная структура которых соответствовала бухгалтерским формам, например, такого типа:

«Декларация обо всех осмотренных рисовых полях за год такой-то, в вотчине такой-то.

— Всего: [например, 300 *тё* (около 417 гектаров)].

— «Исключенных» земель (не учитываемых при расчете налога): [15 *тё*].

— Бесплодных земель: [2 *тё*].

— Неводеланных земель: [10 *тё*].

— Речных берегов: [3 *тё*].

Заключение.

— Фактически используемая площадь: [285 *тё*] (396 га 75 а).

— Поземельный налог, который следует выплачивать рисом с означенных рисовых полей: [1250 *коку*] (2255 галлонов)».

(См.: *Jouon des Longrais, Frédéric. Age de Kamakura: Sources (1150–1333): Archives, chartes japonaises (Monjo). Tokyo: Maison franco-japonaise, 1950).*

К «исключенным» землям, освобожденным от налога, относились рисовые поля синтоистских или буддийских храмов, в свое время получивших освобождение, потому что они осваивали трудные, нездоровые территории, которые были далеки от больших центров и которые никто не хотел брать; сюда же относились «рисовые поля, пожа-

лованные в собственность» (*нинку*), данные мирянам, которые, однако, занимались такой же первопроходческой деятельностью, как и монахи.

Эти «отчеты, касающиеся рисовых полей» (*табуми*), служили дополнением к «тетрадам осмотренных земель» (*кэнти*), которые сами входили в состав «реэстра кадастра» (*кэнти тё*); один самых знаменитых и самых старинных — реестр кадастра храма Исияма в земле Оми (близ озера Бива), датированный 1197 годом.

В самом деле, когда-то в «вотчинах» (*сёэн*) сначала чиновники, представляющие государство, — которому теоретически причитался налог, — а потом, вскоре, только местные помещики составляли при необходимости кадастр для подсчета ресурсов, на которые могли рассчитывать. Тетрадь (*наёсэ тё*), содержащая названия разных земель, дополнялась документами и перечнями, касающимися рисовых полей (*кэнти* и *табуми*).

Во времена юности Хидэёси, около 1550 г., эта система еще достаточно систематически действовала приблизительно в ста двадцати больших поместьях Японии. Однако почти все главы этих поместий были «новыми людьми», никак, даже чисто морально, не связанными с прежней администрацией, за исключением разве что десятка потомков *сюго* — чиновников, которых когда-то (в 1185 г.) Минамото направили в помощь «губернаторам» (*кокуси*), назначенным в бывшие владения Тайра (наследственных врагов Минамото). В эпоху Нобунага и Хидэёси эти *даймё*, потомки *сюго*, представляли собой аристократию — по крайней мере благодаря происхождению они имели некоторое понятие о том, как управлять землей, а не одной провинцией и тем более не деревней. А ведь первый сюзерен Хидэёси, Имагава Ёсимото, принадлежал к этой категории. Кто может сказать, не в его ли тени, пусть и далекой, Хидэёси усвоил свое бесспорное чувство единства и нации?

Масса остальных *даймё* происходила от помощников этих некогда авторитетных *сюго* — от *кокудзин*. По природной склонности они не замедлили счесть себя собственниками тех деревень, где надзирали за сбором налогов, и со сменой поколений приобрели полный суверенитет в пределах этих поместий, границы которых иногда сдвигались и владение которыми создавало поводы к конфликтам.

Однако и они не избегли обязательного кадастра, возможность составления которого обуславливала эффективность любой власти: пустят ли те, кому подчиняется деревня, в нее представителей этой власти? Не зарится ли на деревню другой *даймё*, вмешательство которого в связи с этим создаст затруднения? Ведь понятие собственника понемногу менялось: разные сборы и повинности, которые присваивали себе *даймё*, ускользали из рук бывших хозяев поместий, которые имели крестьянское, штатское происхождение. Чтобы навязать свой закон, нужно было обладать железной хваткой, и бремя войны ложилось на все социальные слои. Например, взамен за согласие *самураев* участвовать в походах *даймё* стремились избавить их от любых податей, поскольку основное вооружение *самураи* приобретали за свой счет; зато все больше и больше платили земледельцы согласно неумолимому закону компенсации, все отчетливей делившему общество на две группы — тех, кто платит налог кровью, и тех, кто платит зерном. К этому добавлялись щекотливые правовые вопросы: ведь тот, кто платит господину налоги, подчиняется и его кодексу законов, который крупные феодалы непременно стремились навязать. То есть принимает материальное и моральное бремя кадастра и всех его пересмотров, которые предпринимали *даймё* с намерениями разными, но никогда не безобидными.

Нобунага активно интересовался всем этим. В самом деле, с 1568 г. число таких списков, пропорционально

его личным успехам, стало увеличиваться по восходящей кривой, тем более приближавшейся к вертикали, чем существенней были нужды армии. Чтобы дело двигалось быстрее, он поощрял «кадастры на основе анкет» (*саси даси кэнти*), составленные как сборники вопросов, адресованных реальному или предполагаемому собственнику земли. Цель заключалась в том, чтобы ускорить операции, которые реальное измерение земель поневоле замедляло; но, если эта процедура была удобной, она оказывалась при этом не очень достоверной — похоже, существовал большой соблазн подавать ложные декларации, чтобы уйти от налогов! Нобунага отреагировал на это в своей манере, как всегда, жестокой: когда в области Нара появился его уполномоченный Такигава Кадзумасу, чтобы надзирать за составлением кадастровых списков, он прибыл с настоящей армией и начал с того, что отрубил головы четверем богатым крестьянам — предполагаемым авторам фальшивых деклараций. Этот метод, опиравшийся на неизбежные доносы и проявления недоброжелательства, несомненно должен был у многих отбить охоту лгать.

Но, вопреки расчетам Нобунага, он оказался применимым не везде. На монастырских землях монахи издавна привыкли защищать свое имущество и свои идеи с оружием в руках, поэтому на ревизоров кадастра они без колебаний обрушивали мечи, и рутинная фискальная операция очень часто выливалась в форменное сражение.

В целом, похоже, Нобунага недооценил запутанность ситуации с правами и зависимостями, определявшими тогда официальный статус земель, доходы с которых не всегда доставались ему так легко, как он рассчитывал. Словом, по-видимому, Нобунага, человек умный, но раздражительный, алчный и нетерпеливый, ничего не понял в хитросплетениях административного и феодального права своего времени. Для него важны были только деньги, о которых иногда несколько опрометчиво говорят, что

самураев они не интересовали; однако крупные полководцы без них обойтись не могли.

Хидэёси наблюдал, размышлял, оценивал наличные силы — такие, как неожиданно могущественные монастырские общины, военная значимость которых уже почти сравнялась с их духовным или экономическим влиянием. Из этого он несомненно делал вывод о невероятной запутанности ситуации и о необходимости принять суровое решение: провести реорганизацию на основе единственно возможного, незыблемого образца — модели эпохи Нара, славной Японии VIII века или, еще проще, — Японии былых времен, историческое представление о которой, возможно, было и смутным, но точно отражало национальную идентичность.

Глава IV

В НАПРАВЛЕНИИ СТОЛИЦЫ

В направлении Киото

Сколь бы могущественной ни была провинция, сколь бы раздробленной ни выглядела феодальная страна, моральное и официальное признание нельзя было обрести нигде, кроме столицы, этой точки схождения линий, идущих из прошлого, в котором живые находили для себя легитимизацию. Нобунага, Хидзэси — мелкие феодалы, у которых всё, кроме успехов оружия, могло быть оспорено и оспаривалось, — более чем кто-либо нуждались в том, чтобы их облекли полномочиями в Киото, уже почти восемьсот лет как резиденции императора.

А ведь едва Нобунага водворился в земле Мино, в 1564 г., он получил очень любопытное письмо, подписанное царствующим императором Огимати. Там суверен привел весьма причудливый список владений в Мино и Овари, непосредственно подчиненных короне; он сообщал, что рассчитывает вернуть их (и причитающиеся ренты) благодаря авторитету Нобунага, которого без колебаний именовал, прибегая к китайским выражениям, которые применялись для оценки пригодности того или иного человека к власти, «лучшим из всех, тем, чье вдохновение следует Путем Неба». Странная похвала авантюристу в устах императора: должно быть, последний был беден и находился на грани нищеты, как и все его предшественники в течение более ста лет, пока длились внутренние войны! Уже несколько лет как вступив на престол (в 1557 г.), он еще даже не был коронован, потому что денег, необходимых для церемонии вступления во власть, у него никогда не было.

И он искал того, кто заплатит, кто даст больше, — решение рискованное, но как раз со стороны Нобунага, казалось, в меньшей степени следовало ждать неприятностей, чем со стороны других. При всем масштабе своих амбиций, Нобунага в конечном счете был только простым *даймё*, военным вождем из числа многих других, столь же компетентных, как и он, и имеющих лучшее происхождение. Достаточно сильный, чтобы помочь, недостаточно уважаемый, чтобы помешать, — разве он не был лучшим защитником императорского дела? Это сочетание выглядело настолько удачным, что в то же время к тем же выводам пришло и окружение *сёгуна*.

Ведь в Киото только что произошло драматическое событие — в 1563 г. был убит Ёситэру, номинальный обладатель должности *сёгуна*. Его брат Ёсиаки искал покровителей для себя и для своего клана, но после многих лет нерадивого правления семья утратила авторитет, и ни один из вассалов не приходил к ней на помощь.

Поразмыслив, Нобунага принял на себя эту неблагодарную миссию, не обременяя себя моральными соображениями ни по поводу некомпетентности или трусости *сёгунов* Асикага, ни по поводу их ответственности за глубокий упадок Японии в течение двух последних веков: разве именно эта прискорбная ситуация не могла принести ему больше власти, чем когда-либо имели его предки? Пусть же Ёсиаки поселится в цитадели Гифу, это придаст ему уверенности, в то время как Нобунага направится в Киото под превосходным предлогом — добиться для Ёсиаки признания всех прав и наследства брата, на которое еще претендовал убийца.

Подобная линия поведения была жесткой, но ясной, однако ее реализация выглядела не столь простой. Чтобы из Мино достичь Киото, надо было пересечь большую провинцию Оми, где Нобунага не был хозяином, — цветущую область с обилием рисовых полей в долинах

и чайных плантаций на холмах. Что делать, если кто-то из местных сеньоров преградит дорогу? Не будет ли неразумным начинать с завоевательной войны то, что должно остаться политическим, гражданским действием — помощью в восстановлении старинных административных законов?

Когда феодальный сеньор не мог использовать свое оружие, он неминуемо прибегал ко второму средству из двух, какие знал: к помощи клана, воплощенной в выгодном браке. И, чтобы добиться благосклонности правителя важного замка Одани, стоявшего близ озера Бива, Нобунага предложил ему руку собственной сестры. Брак этой девушки и правителя Одани, Асаи Нагамаса, состоялся в 1565 г. — дело было сделано! Тем не менее можно задаться вопросом о реальном влиянии таких браков по расчету в длительной перспективе — у японских феодалов оно несомненно существовало столь же недолго, как и у западноевропейских. В лучшем случае эти браки становились частью традиционного декора политических альянсов — эфемерные, всегда непрочные, напитанные неверием и издающие аромат измены. Брачный союз родов Нагамаса и Нобунага, насыщенный дурными намерениями, едва не кончился — или не начался — убийством.

Конечно, не все вассалы Асаи одобрили брак, который собирался заключить их господин. Многие даже слишком хорошо представляли глубинные причины, вызвавшие внезапный интерес Нобунага к делу *сёгуна*. А если они убьют этого лицемерного союзника? Но Хидзёси, со своим зорким глазом и неусыпной подозрительностью, раскрыл их замыслы. Почувствовав, что настает удобный момент для преступления, он вдруг заплясал, как обезьяна, — смешно и гротескно, неожиданно, несообразно. Его странная внешность придавала его танцу сходство с движениями животного, и при его виде можно было слегка содрогнуться. Однако Нагамаса захохотал, как не смеялся

никогда; драма обернулась фарсом; рука убийцы, едва начав движение, замерла, ее жест превратился в пантомиму, и день закончился так, что веселее некуда. Но, когда они наконец покинули нового родственника, Хидэёси шепнул своему господину на ухо, что Нагамаса его не любит, рано или поздно перекроет ему дорогу на Киото и что при первой возможности с ним надо будет разделаться — таким советам Нобунага всегда внимал с удовольствием.

Тем не менее первейшим долгом последнего было, как он и обещал, вполне мирно съездить в Киото. Он выполнил свой план по всем пунктам: засвидетельствовал почтение императору Огимати, попросил его назначить Ёсиаки сёгуном на место брата и преуспел во всем. Император осыпал его комплиментами. Ёсиаки, узнав об этом, в свою очередь назначил Нобунага вице-сёгуном (*фуку-сёгун*), тем самым сделав своего благодетеля вторым главой административной власти в Японии. Не был забыт и Хидэёси, о тайном участии которого в этой тонкой игре знали все: император пожаловал ему должность генерал-губернатора Киото и предоставил — беспрецедентная честь — право носить на гербе свою собственную эмблему, павлонию. Настоящее признание оказанных услуг? Или любезная снисходительность императора, которому было нечего терять и который мог рассчитывать добиться всего благодаря бездонному людскому тщеславию?

Во всяком случае, этот расчет был верен, так как Хидэёси показал себя чрезвычайно благодарным: он сразу же (в 1565 г.) отстроил Императорский дворец — не на личные средства (в них он очень нуждался), а благодаря «вкладу» купцов Сакаи, создав фискальную «систему», которую будет употреблять и которой будет злоупотреблять вплоть до границ приличия. Сакаи — которым мудро управлял Совет старейшин (*Эгосю*) — был крупнейшим портом Японии; располагаясь на восточном берегу Внутреннего моря, он разбогател прежде всегда благодаря производству соли

и торговле ей. Правду сказать, щедрость горожан объясняется не только этим богатством: Хидзэси — как говорят — сыграл с ними шутку в своем духе.

Еще слишком слабый, чтобы просто-напросто приказать купцам заплатить, он распустил слух, что Нобунага по неизвестной причине — как у феодалов бывало часто — хочет сжечь город и перебить жителей всех до одного. Бедные горожане тотчас начали лихорадочную подготовку к обороне; тогда Хидзэси изобразил себя удивленным, громогласно возвестил о недовольстве (мнимом) императора тем, что кто-то вооружается против его благодетеля и восстановителя старинных устоев. Когда ужас перешел в панику, Хидзэси явился в спасительном образе необходимого и благосклонного вестника: платите, восстановите дворец, и император забудет свой гнев! Сколь бы изощренной эта выдумка ни была, она оказалась эффективной сверх всех ожиданий: горожане платили и платили, не считая денег. Такое было не в первый раз и будет не в последний.

В больших портах имелись обширные склады товаров; феодалы считали их бездонными и черпали из них не глядя. У купцов были бесчисленные завистники, которых становилось все больше, тем более что существовала тенденция превращения купцов из простых поставщиков оружия в поставщиков огнестрельного оружия и его неизбежного дополнения, пороха. Взамен они получали китайские «сапеки» (мелкие медные монеты) и серебро. И тем больше серебра, чем больше интереса японские вельможи проявляли к золоту — тому золоту, которое поступало преимущественно из Индии через посредство иностранных negociантов. Когда у сеньора больше не было наличных, он испытывал искушение взять товар прямо со склада.

Но, по примеру крестьян, кормивших нацию, купцы, которые ее обогащали, не имели иного выбора, кроме как удовлетворять аппетиты своих обременительных защитников.

Последним 1569 год представлялся годом богатства, роскоши: Нобунага торжественно восстановил сёгунский дворец, давно сторевший, и построил «Нидзё госё» — удачный компромисс между княжескими палатами былых времен и укрепленными резиденциями военных вождей, без которых в то суровое время и при новой стратегии обойтись было нельзя.

Что же, на дымящихся руинах древнего прошлого Японии еще можно было что-то отстроить? Из той былой пышности, от которой остались лишь ностальгические воспоминания? И скоро над массой наскоро возведенных крыш из простой дранки, держащихся на крестовинах из коротких брусьев, — однообразным покровом обычных домов, поднимутся внушительные черепичные кровли правительственных зданий? И сквозь облака, которые скапливались во впадине, где располагался Киото, и которыми художники умело пересекали свои картины, наконец можно будет видеть что-то другое, кроме языков пожаров либо толп лохматых и машущих руками солдат, занятых своим делом?

Возможно, но мира следовало ждать еще не завтра, даже если страх порой бывал хорошим советчиком — когда, например, он дал Нобунага возможность занять всю провинцию Исэ, не встретив сопротивления и не услышав голоса совести. Только последний из Кусуноки, неспособный этому противостоять, но бесстрашный, удалился в монастырь, откуда он будет взирать на мир, чувствуя себя еще сильнее, чем когда смотрел с высоты своих укреплений. Велико было искушение расправиться с ним, но вовремя вмешался Хидэёси: такие личности мертвые еще опасней, чем живые! Времена неощутимо менялись. Нобунага и его кровожадность уже принадлежали прошлому, Япония поворачивалась к своим всегдашним великим ориентирам — императору, феодальной знати, Китаю и к чувству нравственного долга. Это был наилуч-

ший шанс для Хидэёси: как многие лидеры, вышедшие из низов, он ни о чем так не мечтал, как об отождествлении с национальной традицией, и если заявлял о готовности ради этого к любым революциям, то старался закрыть за собой дверь, чтобы другие смутьяны не сокрушили того, что восстановил он. Пришло время вдохновенных завоевателей, рыцарей, для которых война — только средство служения порядку.

Может, и императорские чиновники тоже чувствовали, что ветер меняется? Используя сегментарный календарь того времени в китайском духе, двор как раз объявил, что меняет название эры, выражая таким образом, через новую фазу лунного календаря, надежду на обновление мира, на то, что он станет милосердней и будет проявлять больше истинного почтения к старинным японским ценностям.

На первый взгляд эта идея выглядела эффективной — во всяком случае, шла на благо архитектуре: разве не было действительно необходимым восстановить и построить дворцы для церемонии провозглашения новой эры? Императорская наживка, на которую приманивали феодалов, порой пренебрегавших самой элементарной осторожностью. Например, Нобунага — он послал в Киёсу в Овари и Гифу основные силы войска под двумя предлогами: помощи в строительстве и достойного участия в церемониальных смотрах. Но гарнизоны на его базах Киёсу в Овари и Гифу в Мино соответственно ослабли, о чем вражеские шпионы немедленно доложили своим хозяевам. И некоторые из последних, как бы они тоже ни были заняты в столице, увидели в этом соблазнительную возможность для удара. И совсем уж легкомысленно — надо ли обвинять в этом Хидэёси? — семейство Ода, словно на пустом месте, испортило отношения с семейством Асакура, властителями области, расположенной к северу от Мино и выходящей на Японское море. Более того: враждебность со стороны Асакура немедленно повлекла за собой, вследствие хи-

тросплетения союзов и дружеских связей, враждебность Асаи Нагамаса — того самого, чей поспешно заключенный брак с сестрой Нобунага едва не обернулся трагедией, если бы не бурлескное вмешательство танцующего Хидэёси. А ведь силы всех этих семей, и рода Ода, и рода Асаи, как раз находились в Киото под официальным предложением восстановления старинных дворцов — ситуация взрывоопасная! Асаи мобилизовали своих союзников во имя Асакура и *сёгуна*, защитником которого, на их взгляд, Нобунага не имел права считаться — он только что проявил вероломство, без предупреждения напав на две крепости семьи Асакура, несправедливо обвиненной в том, что она выражает верность недостаточно усердно. К счастью для Нобунага, он, непредсказуемый игрок, нашел такой козырь, на какой не слишком рассчитывал, — Токугава Иэясу.

Иэясу, когда еще был ребенком, в свое время попал в руки семейства Ода, а именно отца Нобунага, которому семья его передала в качестве заложника, — мальчик несомненно тяжело пережил то, что свои его оставили, и оценил, что хозяин не стал его мучить. Став взрослым, он помог Нобунага сокрушить род Имагава; потом возникли официальные союзные отношения вместе с неминуемым браком — дочери Нобунага и старшего сына Иэясу; для человека происхождения скорее скромного, как Нобунага, родство с отпрыском Иэясу, потомком императорского рода Мацудайра, было весьма престижным. Как раз в этот драматический момент тот же Иэясу, человек бесспорно родовитый и высокого рода, берет на себя выполнение самой решительной акции, какая может быть, — без дальнейших церемоний осуществить военную оккупацию Киото, не заботясь ни о легитимности, ни о союзах, которые всегда ненадежны.

Так в истории высунулись уши третьего и последнего из великих диктаторов, создавших современную Япо-

нию. Одна гравюра XVIII в. увековечит его в комическом виде: Нобунага при помощи своего полководца Акэти Мицухидэ, перевязав лоб характерной повязкой чернорабочих, с огромным напряжением и весь в поту, растирает густую смесь риса с водой, из какой делают *моти* — традиционные новогодние пирожки. На втором плане Хидэси, узнаваемый по обезьяньему лицу, искаженному усилием, тоже с полотенцем рабочего на лбу, неутомимо месит тесто, придавая ему необходимую тонкую структуру. Наконец, на заднем плане восседает на троне Токугава Иэясу, безмятежный, сверкающий парадными доспехами; он спокойно и важно поглощает пирожок, плод тяжелого труда двух остальных персонажей.

Несомненно, в том 1570 году в Киото он уже лелеял надежду на это.

Итак, целью была военная оккупация Киото. Однако это проще было сказать, чем сделать! Киото, закрытый с трех сторон горами, можно было изолировать, умело расставив заслоны, но при условии, что не забудешь о четвертой стороне, обращенной к Внутреннему морю, где как раз готовились высадиться отряды Асакура. Все та же угроза с моря, связанная со своеволием ветров, непредсказуемая и неизменно внушавшая страх! На земле шпионы быстро проводили разведку и позволяли почти ежедневно отмечать перемещения врага, но что они могли сделать на море, если флот мог воспользоваться прикрытием тумана или, с большим риском и бесшумно, пройти ночью?

Хидэси встал в арьергарде, между Киото и побережьем; говорят, он имел в распоряжении три тысячи солдат, и это ему казалось недостаточным, с учетом территории — обширной долины реки Ёдо. Он также знал, как и все его противники, что это сражение несомненно будет решающим и что на кону стоит судьба исторического союза: защитник, надлежащим образом признанный *сёгуном* и императором (может быть, эта легитимность и предре-

шила выбор Иэясу), выступает против врагов, которые, оспаривая у него это достоинство, тем самым вновь ставят под вопрос значимость императорских решений. Казуистика? может быть; право сильного? конечно; но все смутно чувствовали, что предстоящая битва определит далеко не только участь этих непрочных альянсов.

Хидэёси опасался худшего — он понимал, что слаб. Верный старым приемам, магия которых срабатывала всегда, он велел расставить вокруг свои штандарты и с наступлением вечера зажечь со всех сторон большие костры, чтобы создать видимость огромной армии. Эта хитрость, древняя, как сама война, тем не менее произвела свой эффект: Асакура Ёсикагэ, прибыв ночью, велел разбить бивак, чтобы собраться с мыслями, а его армия заснула, изнуренная морским путешествием. Ёсикагэ не торопился — гонцы сообщили ему, что это огни всей армии Нобунага, зажатой меж своих противников и лихо-радочно готовящейся к отступлению. Непростительная наивность для военного вождя: эти гонцы были агентами Хидэёси, они внушали иллюзию. Когда в лагере Асакура все уснуло, Хидэёси бросился на них и устроил побоище, а потом поспешил присоединиться к своему господину в Киото, посоветовав ему как можно быстрее вернуться на базы в Мино и Овари, тогда как он сам с соратниками укрепитя в трех крепостях, от владения которыми зависело удержание столицы.

Так Нобунага ловко выпутался из опасного положения; он быстро помчался к своим базам, в то время как его лучший полководец остался сторожить Киото. Позиция выгодная, однако ненадежная, потому что между обоими стояли две преграды, находившиеся в руках противников: одна — Ёкояма, которую Хидэёси удалось быстро захватить в 1573 г. благодаря Иэясу, пришедшему ему на помощь, и другая — Одани, штаб-квартира семейства Асаи, где укрепился Нагамаса, опираясь на своего друга Асаку-

ра, разбитого в ту роковую ночь в проливах выше Осаки. В общем, надежный оплот, центр обороны Асаи, ключ к земле Оми, слишком важное место, чтобы атаковать его не задумываясь: Хидзёси предпочел обойти его и быстро вернуться в Гифу.

Своевременная предосторожность: едва он выступил, как все карты смешала весть о восстании в тылах — окрестности Осаки, земля Сэтцу, юго-западнее Киото, имевшая широкий выход ко Внутреннему морю, из которой можно было контролировать один из проходов в бухту, оказалась в огне и крови. Так Хидзёси познакомился с новым следствием феодальной войны, восстанием народа и прежде всего крестьян; но эту жакерию поддержал самый грозный противник из всех — буддийское духовенство.

Непохоже, чтобы до тех пор Хидзёси когда-либо имел возможность оценить опасность со стороны последнего и его смертоносную мощь. Эти люди, превосходно вооруженные, по преимуществу монахи, укрывшись за прочными крепостными стенами, защищавшими их общины, образовали как бы маленькие независимые княжества. Они не очень-то признавали над собой господство двора и официальной политической власти, и того меньше — феодалов. Зато они пользовались огромным авторитетом у народа, сопровождая своими молитвами всю его трудную жизнь, а потом помогая в самый ее торжественный момент — смерти. Из многочисленных течений буддизма, порожденных в течение веков разными толкованиями основных текстов и различными аспектами одной и той же мысли, в Японии особо популярным было одно — Дзёдо Синсю, или Истинная секта Чистой Земли. Созданная в 1224 г., в середине эпохи Камакура, она учила, что смерть — не конец и не угасание, как утверждал первоначальный буддизм. Темой всех проповедей Дзёдо Синсю было понятие рая, где возродятся души людей, лишь бы

последним хватило мудрости воззвать к помощи Амиды, одного из пяти будд созерцания, носящего красивое имя — «Вечный свет». Таким образом, монахи, защитники слабых, которых при необходимости они укрывали за стенами монастырей, несли также высшее утешение, в котором так нуждался простой народ. Их «демократическое» учение во многом противоречило интересам феодалов: монахи ставили вне закона войну — пусть даже при случае вели ее сами, и очень умело; они без конца кичились свободами и иммунитетам, полученными при создании общин, потому что брались возделывать брошенные, неприветливые земли, и пытались распространить это освобождение от налогов на все земли, зависимые от них. В целом служить монастырю было выгодней, чем замку! Для этих почитателей сакрального равенство всех людей перед лицом смерти в какой-то мере означало относительное равенство в жизни. Подобное утверждение, брошенное в народ, который с давних пор терроризировали частные войны, воспламеняло души даже самых спокойных; иными словами, монахи Дзёдо Синсю могли разжечь восстание где хотели и когда хотели. Приказы поступали из одного храма в Осаке, Исияма Хонгандзи: туда монахи укрылись после уничтожения их общины в Киото, Хонгандзи, монастырь которой был сожжен в 1532 г. разъяренными монахами другой буддийской общины (Тэндай) с горы Хиэй, со склона к востоку от Киото.

Община монахов Дзёдо Синсю, которых в народе называли Икко, в целом враждебно относящаяся к феодалам, тем не менее при случае не гнушалась участием в интригах того или иного военного вождя. В данном случае игра на стороне Асаи с целью выбить Хидэёси с его позиций была одной из самых элементарных тактик. Хидэёси был вооружен, ему еще надо было пройти всю провинцию, а до него уже доходили слухи о неминуемой высадке Асаи и Асакура, рассчитывающих очень

быстро наложить руку на Киото. Окруженный со всех сторон, оттесненный к юго-западу восстанием в Сэтцу, через несколько дней он узнал, что все его враги заняли гору Хизэй северо-восточней Киото — исторически важный стратегический пункт, прикрывавший столицу, между тем как жакерия распространилась подобно пожару до самых ворот города; разъяренный народ требовал голов его и Нобунага — виновников всех тогдашних бед по утверждениям монахов, указывавших крестьянам на них. В этой пляске смерти у Хидзэси оставался всего один козырь — скорость и скрытность его гонцов, которым удалось пересечь охваченные смятением земли и попросить помощи в Гифу.

На помощь к нему поспешил сам Нобунага со всеми силами, какими располагал, — союзники пропустили его, очень довольные, что предстоит битва, в исходе которой они не сомневались. Оба полководца соединились, но что было делать дальше? Осадить гору Хизэй и надеяться на счастливую победу, которая бы их избавила сразу от нескольких врагов, одних опаснее других? Но на чью поддержку можно было рассчитывать? Может быть, «генерала Зимы», столь суровой в Киото. Осажденные, конечно, занимали всю гору, но их было много; снабжение постепенно сокращалось, а сражаться зимой было не в обычае. Как выдержать снег, если большинство воинов одето только в плащи и плетеные сандалии?

Хитрый сёгун, затаившийся в своем перестроенном дворце, увидел здесь неожиданную возможность поднять свой престиж: он предложил тем и другим свое посредничество и в конце концов добился заключения перемирия до весны. Все вернулись к себе на базы; большая смертельная игра возобновится, когда потеплеет.

Нобунага и Хидзэси тоже подчинились — как они могли поступить иначе? Конечно, непосредственное наступление, какие бы опасности оно ни представляло, мог-

ло привести и к успеху: ведь сам противник только что признал свою усталость, с первого раза согласившись на перемирие. Но в качестве правой руки *сёгуна* было невозможно выступать против мира, если в данный момент твой господин его заключает! Тогда богатое воображение Хидэёси измыслило одну из тех красивых интриг, которые как умелый психолог он так ловко плел, играя на вспыльчивом характере соперников.

Был выдвинут совершенно схоластический принцип: тот, кто изъявляет покорность *сёгуну*, должен также выразить верность его первому заместителю, назначенному официально, — Нобунага. А ведь глава рода Асаи только что подтвердил свою покорность велениям *сёгуна*; значит, первый из его вассалов, Исоно Хидэмаса, в свою очередь должен подтвердить свои обязательства, засвидетельствовав верность первому вассалу *сёгуна*, Нобунага. Как всегда, присоединение Исоно послужило примером для многих мелких сеньоров — ленников Асаи, перешедших таким образом в прямое распоряжение Нобунага.

Психологическая война имела успех превыше всех ожиданий: Асаи Нагамаса первым разорвал перемирие и объявил войну, послав при этом к Хидэёси гонца с требованием объяснить его махинацию, которую он счел слишком тонкой, чтобы она могла родиться в голове самого Нобунага. Хидэёси ответил длинным письмом, образцом жанра; в нем он внушал, что всякое признание вассальной зависимости непосредственно выражается передачей гарнизонов на службу Нобунага:

Ваш вопрос, хоть на первый взгляд и естественный, фактически не таков. Нобунага действует по прямым указаниям *сёгуна*, и что бы он ни делал, Вы не должны забывать, что он действует не под собственную ответственность. Вам известно, какое уважение Нобунага питает ко всем желаниям *сёгуна*. Так, недолгое время тому назад Нобунага против своей воли согласился

заклучить мир с Вашим господином и Ёсикагэ, с которыми вел войну. Когда Хидэмаса оставил Саваяма и поселился в Такасима, он действовал в соответствии с приказами сёгуна. Разве все мы не слуги сёгуна? Коль скоро мы заключили мир, нам не следует смотреть друг на друга как на врагов и противиться тому, чтобы тот или другой переходили непосредственно на службу сёгуну. Размещение войск в Саваяма также соответствует директивам Асикага Ёсиаки: замок нельзя было оставить без охраны; вот почему мы поместили туда солдат. Поскольку и другие замки были покинуты, мы поставили в них гарнизоны, чтобы предотвратить проникновение бандитов с большой дороги. Вы дурно истолковываете вещи и обвиняете нас в захвате Ваших крепостей. Иными словами, Вы ставите под сомнение честность непосредственных слуг сёгуна, и это показывает, что Вы ищете предлога для объявления нам войны. Позволять себе так судить о действиях сёгуна означает оскорблять его знамя, за что нам следовало бы требовать от Вас объяснения (*Dening*. P. 84).

Тогда Асаи Нагамаса решил пренебречь традициями, законами тактики и страданиями своих солдат — он открыто начал враждебные действия. Начался глубокий кризис, сопровождаемый насильственными конвульсиями, игра, ставкой в которой была реальная власть, хотя ни одно из действующих лиц драмы не мыслило ее вне феодальной пирамиды.

Кто окажется вне закона?

Несмотря на молниеносный взлет, очень высокий при скромном происхождении, Хидэси еще был всего лишь воином, как многие другие: он обладал для этого главным качеством, удачей, и тем пренебрежением к правилам игры, какое свойственно детям, выросшим не в серале. Это было важно, но недостаточно для великой судьбы.

В 1573 г. он внезапно оказался связанным с событием национального масштаба. Заботясь о своей славе больше, чем кто-либо другой, позже он станет постоянно ссылаться на этот факт, внушая мысль о некоем предопределении, которое якобы неуклонно вело его к вершинам, где его ждали Япония и ее народ. Это был привлекательный образ, к тому же при взгляде с временной дистанции он возникает почти сам собой. Тем не менее той зимой, когда лучшие солдаты империи с мечами в руках стекались к Киото, еще ничто не было предрешено. И если верховный глава исполнительной власти давал знать о своей потребности, каждый из глав крупных областей мог надеяться что-то на этом выгадать — Уэсуги Кэнсин, Такэда Сингэн, Ходзэ Удзиясу из восточных и центральных провинций (Канто и Тюгоку), Мори Тэрумото с запада (Кансай). Каждый из них мог обеспечить безопасность *сёгуна*, потому что это было актуальной проблемой. Все они пользовались лестной репутацией и хвалились видным происхождением. Но, на их несчастье, одна угроза жестко не позволяла им уходить надолго, а значит, действительно ограждать Киото — угроза нескончаемых местных войн, не имевших решающего характера, потому что силы сторон были равны, но достаточно неприятных, чтобы помешать любому дальнему походу. Таким образом, эта лихорадочная военная активность парадоксальным образом всех сковывала. Кто мог, как Нобунага, похвастаться, что имеет такого надежного и талантливого помощника, который может где угодно заменить господина и никогда не предаст? Возможно, тайна успеха того и другого заключалась в том, что они встретились и в удачные и неудачные годы сохраняли союз, многим обязанный умению Хидэёси находить согласие.

Так возникла завязка драмы: в то время как крупнейшие полководцы Японии занимали или окружали Киото, *сёгун Ёсиаки* удалился в монастырь — один из крупнейших храмов столицы, Тодзи, дорогой его сердцу, его по-

следнее прибежище; это заведение, приверженное дзэн-буддизму, было основано во второй половине XIV в. его предком Асикага Такаудзи, тем самым, который отобрал титул *сёгунов* у Минамото, — именно там с XIV в. каждый *сёгун* этого рода ставил свою статую. Может быть, Ёсиаки в этих спасительных стенах просто-напросто вспоминал своих великих предков? Нобунага этого не понимал: он обвинял *сёгуна* в проведении политики невмешательства, противной самому смыслу его должности (только император царствует, не правя), упрекал за вялость, эпикурейство. Что касается *сёгуна*, он все болезненней переносил порядки, которые с 1570 г. ему навязал Нобунага: разве одно из распоряжений последнего не гласило, что, поскольку Ёсиаки официально заявил о доверии к Нобунага, все дела государства будет напрямую рассматривать последний, в обход *сёгуна*? Уже некоторое время Ёсиаки вел тайную переписку с баронами северо-востока. Он возлагал громадные надежды на Такэда Сингэна — правду сказать, единственного, кто ответил на его призыв и обещал прийти и сокрушить Нобунага, с его железной хваткой и незаконным господством.

И вот как Сингэн держал слово: он соединился с врагами Нобунага, с семействами Асаи, Асакура; он поддержал сопротивление монахов горы Хизэй и сверх обязательств даже напал на Токугава Иэясу на землях последнего, в Тотоми! Сколь далеким выглядело это все от условий союзного договора, который в 1565 г. скрепил дружбу Нобунага и Сингэна! Земля Тотоми заколебалась, готовая сдаться, несмотря на присутствие войск Иэясу. Все склонялось перед Сингэном, паладином прав императора и *сёгуна*. Но случилось непредвиденное: скошенный случайной пулей под замком Нода в Микава (современная префектура Айти), Сингэн умрет от раны. Эта смерть героя в старинном духе, сраженного оружием, которое было изобретено далеко от древней Японии, поразит клан Такэда в

самое сердце. Сингэн это понимал: осознав, что умирает, он посоветовал, чтобы его смерть держали в секрете как можно дольше и чтобы повсюду его представляла «тьень» (*кагэмуся*). В этом распоряжении, странном для нас, в тог-дашней Японии не было ничего удивительного: персона вождя, как и в Китае, находилась в торжественной тени, которую прикрывал внушительный декор. Так делалось на всех ступенях иерархии — было немыслимо, чтобы простой человек мог прямо обратиться к своему сеньору, даже находясь физически в трех шагах от него. Всегда надо было действовать через посредника или в крайнем случае говорить из-за ширмы.

К тому же хитрость Сингэна была не более исключительной и удивительной, чем самообладание последнего даже в то время, когда он умирал. Но в те времена все крупные полководцы имели «двойников» на случай возможных покушений. Например, когда Хидэёси будет достаточно богат, чтобы делать, что захочет, он воспроизведет свои парадные доспехи в количестве семи, даже девяти экземпляров, чтобы *кагэмуся* прогуливались в них в одно и то же время в разных точках одного и того же поля сражения. Тем не менее кто когда-либо сравнивается с Сингэном? Народ, говорят, не знал о его смерти в течение двух лет. Но его друзья и особенно его самые неумолимые враги, должным образом информированные шпионами, по-настоящему на этот счет не заблуждались. Злосчастный *сёгун* оплакивал лучшего из своих защитников; Асаи Нагамаса провозгласил, что настал решительный момент, и бросился в последнюю атаку, готовый тоже умереть. Но Хидэёси разгромил его союзников; оставшись в одиночестве в своем замке Одани, куда вместе с ним укрылись все остатки его клана, Асаи Нагамаса утратил всякую надежду и сделал *сэппуку* одновременно с сыном.

Когда распространилась новость о самоубийстве, войска Ода захватили крепость, убив всех, кто еще оставался

жив из группы Асаи. Согласно правилам, Хидэёси велел отрезать головы убитых, подлежащие осмотру и опознанию. Когда принесли головы Асаи Нагамаса и Асакура Ёсикагэ, его друга, — уже отрубленные ассистентом в соответствии с ритуалом сэппуку, — Хидэёси распорядился отправить их в Киото, чтобы выставить там. Некоторые рассказывают, что Нобунага это доставило большое удовольствие, и ему даже пришла в голову оригинальная мысль — передать их лакировщику, после чего обе головы врагов, должным образом покрытые роскошным лаком, смешанным с золотом, находились во главе стола и одушевляли пир в честь победы.

Выдумка несомненно была зловещей, но соответствовала происходившим тогда кардинальным переменам: в июле 1573 г. Нобунага захватил *сёгуна* Ёсиаки и отправил его в ссылку, сначала в Вакаэ (в Кавати, близ Осаки), а потом в провинцию Кии (современная область Миэ и Вакаяма), откуда тот несколько раз вернется, без конца пытаясь склонить на свою сторону того или другого. Фигура глупая и порой жалкая — на ней завершился сёгунат Асикага, начавшийся в 1333 г., почти два с половиной века тому назад, а с ним закончился и период, известный в истории Японии как эпоха Муромати, по названию квартала в Киото, где Асикага когда-то устроили резиденцию своего правительства.

Как было принято, победители разделили меж собой владения побежденных. Хидэёси получил в награду — кроме почетного титула (*Тикудзэн-но kami* [1574], сеньор провинции на Кюсю) — в 1573 г. земли семьи Асаи в Оми, земли семьи Асакура в Этидзэне, потом, в 1574 г., замок Имахама на северо-восточном берегу озера Бива, но счел его плохо расположенным и построил новый, недалеко оттуда, назвав его Нагаханама.

Впервые ему приходилось действовать в качестве владельца поместья, а не просто командира форта или

гарнизона. В письме, отправленном им жене через посредство дамы-компаньонки, воскресают запутанные проблемы с налогами и людьми, навалившиеся на него. Заметна решимость хозяина, берегущего свой авторитет, но старающегося — в чем Хидэёси всегда превосходил других — не убивать курицу, несущую золотые яйца. Он пришел к хитрой мысли — освободить жителей деревни Нагахана от непопулярного *нэнгу*, земельного налога, способствуя экспансии и процветанию этого места, — такую политику он будет проводить всегда, и она станет одним из ключей к его могуществу. Еще нужно было, чтобы число освобожденных осталось в допустимых пределах!

...Что касается обитателей поселка [Нагахана], я велел освободить их от всех видов повинностей только потому, что пожалел их. Но совсем не следует, чтобы они толковали закон на свой лад и приглашали в поселок фермеров из окружающих деревень.

Им позволено приглашать людей из других поместий, но непозволительно звать людей из моих собственных поместий на севере земли [Оми] и рассылать общие приглашения, чтобы народ приезжал без конца и чтобы пустели целые деревни, поскольку их жителям приятней не платить налог. Я вижу, что это происходит, потому что освободил людей поселка от *нэнгу* и иных повинностей...

[Тем не менее] я сохраняю освобождение [для тех, кто уже живет в поселке]... потому что этого от меня потребовали вы... Прошу вас, объясните это внятно... (12 декабря 1574 г.) (*Boscaro*. P. 2–3).

Здесь возникает светлый образ Нэнэ, исполненной сострадания, и видно, что Хидэёси не был глух к ее призывам. Они служили интересам и его политики: разве не соблазнительно переманивать население из соседних леннов? Это значило отбирать у соперников рабочие руки.

Прочно засевший в провинции Оми, на превосходной стратегической позиции, в богатой области, находившейся в авангарде аграрного прогресса (здесь опробовали новые методы земледелия), Хидзёси парадоксальным образом оказывался ближе к столице, чем его господин. Может быть, это было и неплохо, — Нобунага уже возбудил к себе ненависть своими излишествами и требованиями денег, сопровождавшимися грубым насилием.

Извлечет ли «Обезьяна» выгоду из этих козырей? Возьмет ли в свою очередь власть, не дожидаясь более ничего? Зная, что позиция «второго» позволяет умелым людям подниматься выше, чем положение «первого», спешно приобретенное и плохо обеспеченное, Хидзёси все-таки предпочитал сохранять верность сюзерену.

Глава V

ОГОНЬ НАГАСИНО

Нагасино

Лучшие стратегические приемы — те, которые осуществляются вовремя; весть о смерти Такэда Сингэна скрыто пробивала себе дорогу, пробуждая жгучую ненависть в душах некоторых.

Кацуёри, его сын, не простил ни кончины отца, ни использования огнестрельного оружия, ставшего ее причиной, орудием вероломного злодейства. Глаз за глаз, зуб за зуб! Старый Сингэн погиб в Микава, под крепостью, принадлежащей роду Токугава? Значит, реванш будет взят в Микава и в борьбе с Токугава.

Кацуёри выбрал Нагасино, крепость, побывавшую в руках Такэда и отбитую Токугава Иэясу несколько месяцев назад, в 1573 году. Ее командиром был поставлен надежный человек, Окудайра Нобумаса; лишенный средств к сопротивлению, ошеломленный тем, что на него могут напасть в самом сердце владений Токугава, и считая свое положение безнадежным, он в качестве последнего шанса обратился за помощью к Нобунага. Однако Нобунага, которого Иэясу известил давно, уже двигался к осажденной крепости во главе огромной армии в 50 тысяч человек, крайне поспешно набранной Хидэёси. Одни только боги знали, какие последствия повлечет готовящееся столкновение, — в те трудные времена, когда похожие борющиеся силы никогда не могли надолго оттеснить друг друга, тот, кто проигрывал сражение, часто проигрывал и войну.

Когда гонец сообщил о неизбежном прибытии подкреплений, он спешно направился к другим соратникам,

чтобы принести им надежду и призвать не поддаваться слабости. Но тем временем блокада усилилась — пройти стало почти невозможно. Схваченный при обратном переходе через рубежи Такэда, он был распят у подножия стен Нагасино, на глазах у своих, которые, заблокированные внутри форта, ничем не могли ему помочь. Так началась первая великая битва Японии нового времени — битва при Нагасино 1575 года. Поскольку, что бы ни воображали себе Такэда, силы присутствующих армий на сей раз не имели никаких шансов сравняться. Отказавшись от китайских тактических принципов, отринув древние самурайские правила, Хидэёси применил любопытную и убийственную новинку — вооружил три тысячи пехотинцев фитильными мушкетами, и его изобретательный ум уже измыслил новую стратегию.

Фитильный мушкет, иностранное оружие, конечно, не был для Японии внове — с ним познакомились еще в 1543 г., когда португальский корабль стал на якорь в Танэ-гасима, в южной части Кюсю, близ Кагосима. Знаменитый текст «Записка об огнестрельном оружии (Тэппоки)» лет через шестьдесят рассказывает о перипетиях этой истории.

В 18 *ри* от южного берега Осуми находится остров под названием Танэгасима, где мои предки жили из поколения в поколение. Согласно древней легенде, название Танэ появилось из-за того, что, несмотря на незначительность размеров острова, его жители не прекращая плодились, словно зерно, вовремя посеянное. Во время эры Тэммон [1532–1554], 25-го числа восьмого месяца года Воды и Зайца (1543), к западу от острова показался большой корабль. Никто не знал, когда он пришел. Его экипаж состоял из сотни человек, чей внешний облик был непохож на наш и которые говорили на непонятном языке, что возбудило у всех подозрение. Среди них находился китайский грамотей, чьего родового имени никто не знал, а литературное его имя было Гохо. Так вот, староста одной деревни с западного

берега [острова], по имени Орибэ, очень хорошо знал китайский. Он вступил в общение с китайцем, записывая знаки своей тростью на песке. Он написал так: «Откуда прибыли путешественники на корабле? Почему они так непохожи на нас?» Гохо написал в качестве ответа: «Это купцы *намбан*; они знают этикет обращения с царями и министрами, но не ведают учтивости. Так, они пьют, не меняя чаш, едят руками, не используя палочек. Они умеют удовлетворять свои аппетиты, но не могут выражать своих мыслей письменно. Эти купцы перемещаются с место на место в надежде обменять то, что у них есть, на то, чего у них нет. В них нет ничего подозрительного».

Тогда Орибэ написал: «Приблизительно в 13 ри отсюда есть порт под названием Акаоги, где из поколения в поколение живут мои сюзерены. Население этого порта достигает нескольких десятков тысяч домов. Эти люди богаты и процветают; туда постоянно прибывают купцы и негодьяны с юга и с севера. Кораблю там было бы намного лучше, чем здесь, потому что воды порта глубоки и спокойны». Тогда о прибытии иностранного корабля сообщили моему деду и моему отцу; последний отправил несколько десятков джонок, чтобы привести корабль в Акаоги, куда он прибыл 27 числа.

В те времена в порту жил человек, практиковавший *дзэн* и достигший очень высокого уровня; он был учеником Рёгэна из Хюга [провинции на востоке Кюсю]. Желая следовать путями Лотоса и благого закона, он пребывал в Акаоги, где в конечном счете поступил в Дзюдзё, монастырь секты Лотоса. Очень сведущий в письменах и в творениях классиков, он был способен быстро и разумно писать. Он встретился с Гохо и вступил с ним в беседу через посредство письма. Гохо отнесся к нему как к другу на иностранной территории [и сообщил ему следующее]:

«У купцов есть два предводителя: одного зовут Му-расюса, а другого Кристиан Мота. Они держат в руках предмет длиной два-три фута, твердый, полый внутри и сделанный из очень тяжелого материала. Сквозь этот

предмет проделан внутренний канал, но с одного конца он закрыт. Сбоку находится отверстие для огня. Его форму нельзя сравнить ни с чем, что мне известно. Чтобы его использовать, они наполняют его порохом и маленькими свинцовыми зернышками. Они ставят на возвышении большую белую мишень. Они берут этот предмет в руки, [уперев в живот], встают в позицию и, закрыв один глаз, подносят огонь к отверстию. Тогда свинец попадает в мишень. Вспышка похожа на пожар, а шум напоминает гром. Те, кто находится рядом, должны заткнуть себе уши... Одним ударом эта вещь может рассыпаться в прах серебряную гору или железную стену. Если бы в кого-то, кто желает покуситься на владение другого, попал такой свинец, этот человек сразу бы расстался с жизнью. Бесплезно говорить, что то же относится к оленям, опустошающим поля».

Когда Токитака увидел это, он подумал, что это чудо из чудес. Он не знал ни его названия, ни точного способа, как им пользоваться. Потом кто-то сказал об «огнестрельном оружии», но неизвестно, называл ли так его китаец или этот термин употреблялся только на нашем острове. Однажды Токитака обратился к обоим предводителям иностранцев через посредство толмача: «Хотя большого таланта у меня нет, я отныне хотел бы научиться этому делу». Предводители ответили, также через толмача: «Если вы этого желаете, мы вам покажем его чудеса». Тогда Токитака спросил: «В чем его секрет?» Предводители ответили: «Секрет в том, что вам надо сосредоточиться и закрыть один глаз». Токитака сказал: «Древние мудрецы часто говорили о способе сосредоточения, и я у них кое-чему научился. Если ум не сосредоточен, в том, что мы делаем или говорим, не может быть никакой логики. Вот почему я понимаю то, что вы говорите о сосредоточенности. Но если закрыть один глаз, не помешает ли это видеть отдаленные предметы? Зачем нужно закрывать глаз?» Предводители ответили: «Потому что все зиждется на сосредоточении. Когда сосредоточиваешься, иметь широкое поле обзора не обязательно. Закрытие одного глаза не мешает ви-

деть, напротив, позволяет сосредоточиться и направить взгляд дальше. Учтите это». Обрадовавшись, Токитака ответил: «Это сообразуется с тем, что говорил Лао-цзы: “Иметь хорошее зрение означает видеть то, что очень невелико”».

Утром, когда погода была хорошая, образцы оружия наполнили порохом и свинцом; установили мишень более чем в ста шагах и выстрелили. Первой реакцией зрителей было удивление, а потом страх. Но наконец все сказали: «Следовало бы учиться нам!» Несмотря на высокую цену оружия, Токитака купил у иностранцев два экземпляра для своей семейной сокровищницы. Он поручил своему вассалу Синокава Сёсиро изучить искусство молоть, просеивать и смешивать порох. Со своей стороны Токитака проводил все время, с утра до вечера, без отдыха, за обращением с этим оружием. Наконец он стал способен компенсировать свои первоначальные неудачи такими же успехами: из ста выстрелов он сто раз попадал в «яблочко»...

Токитака так увлекся огнестрельным оружием, что поручил нескольким металлистам месяцами и сезонами изучать его, чтобы научиться его изготавливать. Таким образом он получил предметы, имевшие обличье иностранного оружия, но никто не знал, как закрыть оконечность полученной трубки. В следующем году иностранные купцы вновь бросили якорь в бухте Кумано, одного из наших островов... По счастью, среди них находился металлист, к которому Токитака отнесся как к посланнику Неба. Он велел коменданту Кимбэи Киёсада выяснить у металлиста, как закупоривают оконечность трубок. Он узнал, что внутри находится пружина; это открытие позволило немногим более чем за год произвести несколько десятков единиц огнестрельного оружия. Потом изготовили деревянный приклад и украшение, напоминающее ключ. По сути Токитака интересовали не приклад и не украшение, а их применение в бою. Поэтому бан и арьербан из его вассалов упражнялись в обращении с новым оружием, и вскоре многие из них были способны попадать в «яблочко» сто раз

из ста. Потом искусству обращения с огнестрельным оружием научился один купец, Татибана-я Матасабуро, поселившийся у нас на острове на год или два. Он стал в этом деле очень умелым, и когда он вернулся к себе, все его называли не по имени, а Тэппомата, «человек с мушкетом». Так понемногу искусство обращения с огнестрельным оружием распространилось по провинциям берегов Внутреннего моря, а потом по западным и восточным провинциям Японии...

Уже прошло более шестидесяти лет с тех пор, как в нашей стране появилось это оружие. Это событие еще хорошо помнят несколько человек с седыми волосами. Действительность заключается в том, что Токи-така сумел приобрести два экземпляра этого оружия, чтобы изучить их, и всего одними стрельбами удивил шестьдесят провинций нашей страны. К тому же это он выяснил у металлистов способ его изготовления и позволил этому знанию распространиться по всей нашей стране (*Sources of Japanese tradition*. P. 317–321).

Так писал потомок Токи-така, сеньор острова Танэ-гасима. Задним числом легко вообразить молниеносное развитие новой техники. На самом деле все должно было происходить гораздо медленней, даже если количество произведенного оружия могло казаться значительным.

Несомненно, выдающиеся тактики того времени не могли не оценить очевидной выгоды использования столь замечательного изобретения. Многие из них уже включили огнестрельное оружие в арсенал своих войск. Но в армии, структура которой оставалась неизменной, его использование могло дать немногим больше, чем использование хорошо известного лука: мушкетами вооружали только авангард с той же целью, что и традиционными луками, — прикрытия пехоты, вооруженной копьями и длинными алебардами (*нагината*).

Конечно, это была уже не средневековая армия — ва-тага витязей, основную часть которой составляла кавале-

рия. Последняя утратила значение еще в эпоху Муромати из-за своей бесполезности. Сёгуны Асикага недавно покинули Киото, не избавившись от отжившей привычки к вмешательству в чужие дела. С утверждением автономии провинций любая война, будучи локальной, чаще всего происходила на территории, ограниченной пределами области, — не с этого ли началась карьера Нобунага? Только даймё Севера и Востока, такие как Уэсуги и Такэда, еще обладали многочисленной конницей, потому что их земли, гористые, часто непригодные для земледелия, тем не менее представляли собой превосходные пастбища. Но в областях с глубокими долинами, зажатыми между скалами и перерезанными бурными реками, часто было невозможно развернуть конные войска. Поэтому и там тоже роль лошади во многом свелась к перевозкам: прибыв на место боя, солдаты спешивались и сражались холодным оружием, а также используя лук и стрелы или же, по новому методу, мушкеты.

Пехота составляла главную силу армий второй половины XVI в.; она продвигалась вперед в строгом боевом порядке и делилась, от авангарда до арьергарда, на правое и левое крыло. Темп маршам и маневрам задавали барабанщики и трубачи, трубившие в раковины. Кавалерия была только средством поддержки, пусть даже при случае ей выпадала решающая роль. Таким образом, был сделан первый шаг: вооруженный пехотинец смог стать стрелком из огнестрельного оружия. Еще надо было уметь использовать его и поставить в нужное место; не будет нелепостью полагать, что среди тех, кто развил эту стратегию, был Хидэёси.

Вернемся в горную местность Нагасино, где войска Ода, применив военную хитрость, сумели отвлечь войска Такэда в сторону от крепости, на холмистую территорию: Хидэёси сделал вид, что прижат к реке по классической формуле древней китайской стратегии, катастрофической

для тех, кто сражается традиционным оружием. Хидэёси, командующий левым крылом авангарда, как будто растворился. Тем временем Иэясу гарцевал во главе двадцатитысячного главного корпуса, приняв героический вид, как будто готовился «победить или умереть» в соответствии с величественным ритуалом палатинов того времени. Но его верный полководец Сакаи Тадацугу скрытно проник в лагерь противника и сумел поджечь его. Едва увидев поднимающееся пламя, Окудайра Нобумаса, злополучный осажденный, вышел из крепости и ударил Такэда в тыл, используя эффект внезапности; при помощи войск Иэясу он неумолимо подталкивал противника к укреплению, где словно бы исчез Хидэёси. Уже не было видно ни его, ни его людей, боязливо спрятавшихся за временными укрытиями — кустами, частоколами. Почуял бы здесь неладное старый Сингэн? Его сын, опьяненный предчувствием неминуемой победы, разъяренный зрелищем пожара в своем лагере и исполненный презрения к вероломству «Обезьяны», бежавшей от противника, надеялся наконец отомстить за отца. Но, просунувшись меж жердей наскоро сооруженных частоколов, изо всей нечеловеческой силы своих металлических стволов мушкеты начали плевать смертью, сражая людей тысячами. После этого, как в те же времена в Европе и по той же причине, отважные рыцари старины и их барды принялись оплакивать конец света или почти что: конец эпохи поединков и храбрости голых рук, погибшей вместе с воинами Такэда.

Чтобы увенчать этот единственный в своем роде триумф, Нобунага разрешил своему полководцу сменить фамилию. Отбросив скромное «Киносита», звучавшее по-крестьянски, Хидэёси придумал патроним, созданный из элементов фамилий его соратников — Сибата Кацуиэ и Нива Нагахидэ. По законам японской фонетики получилось Хасиба. Таким образом, творца победы при Нагасино отныне звали Хасиба Хидэёси.

Нагахاما

Обширные территории, победоносное имя, замок, воздвигнутый в месте, примечательном своей красотой и, более того, своими стратегическими достоинствами, — это было намного больше, чем глава партии может позволить своему вассалу, хоть бы и гению, и даже тем более в подобном случае. Нобунага, конечно, давно должен был относиться к Хидзэси с тем большим недоверием, что тот, как и прочие *даймё* на его службе, пользовался широкой автономией. Этим *даймё* было поручено управлять вновь полученными поместьями, и они руководили ими, как за благорассудится, назначая людей на должности по своему выбору. Они, похоже, даже не отчисляли Нобунага никакого процента с взимаемых налогов, потому что последние служили для набора и снаряжения гигантских армий, необходимых для завоевательной политики, — с приобретением каждой новой провинции сразу же появлялись новые соседи, а значит, новые угрозы и, следовательно, начиналась новая война, целью которой объявлялись, в зависимости от конкретного случая, умиротворение или аннексия. А как Нобунага мог бы вознаграждать своих полководцев за рвение, кроме как «заинтересовав» их в своем успехе? Единственная свобода, которой пользовался сюзерен, — но она обуславливала все прочие, — состояла в возможности «оборота» ленов: за любую услугу платили более или менее значительной или богатой территорией; за всякую постоянную преданность и талант их обладателю пропорционально добавляли имущества. Поскольку земли, имевшиеся в распоряжении, невозможно было растянуть до бесконечности, то, чтобы дать одним, надо было отобрать у других в соответствии с системой разумных компенсаций. Эта непрочность связи японского вассала с его землей несомненно объясняет, почему в XVII в. феодалы смогут быстро перейти к централизо-

ванному, авторитарному режиму, в котором от феодального останется одно название и уважение к наследственному распределению должностей и который фактически приблизится к абсолютной монархии. Так, Хидэёси поддерживал со своим господином очень тесные вассальные связи; но земля в этом не играла той необходимой посредствующей роли, как во французском или английском обществе XI и XII веков — она была просто подобием разменной монеты, таким же имуществом, как прочее. Привязан Хидэёси к своим владениям или нет, зависело от психологических тенденций, а не от социальных факторов. Ведь все завоеванное в конечном счете принадлежало господину, который не упускал случая напомнить об этом вассалам: если форма управления оставалась — относительно — свободной, она также предполагала, что ему, хотя бы символически, предоставляют точные отчеты и что ничего важного не делается без его разрешения.

Поэтому неудивительно, что Нобунага не пожелал, чтобы его резиденция по-прежнему оставалась дальше от столицы, чем резиденция его первого помощника. Он выбрал место Адзути, также на восточном берегу озера Бива, — холм, природную скальную глыбу, здание на которой могло бы господствовать над лежащими внизу полями и безграничным зеркалом озера, волны которого накатывались на белый песок побережья.

Работы начались в 1576 г. под руководством полководца Нива Нагахидэ. Понемногу из земли выростала невиданная прежде цитадель; ее архитектурное решение, немислимое еще несколько лет назад, делало из нее одновременно крепость и почти княжескую резиденцию, способную противостоять огнестрельному оружию. Фланкированная башнями, задуманная как подражание тем домам собраний или церквам, какие тогда в Киото строили португальские иезуиты, она символизировала недавние, но необратимые перемены в Японии: военные больше не приобретали

власть исключительно мечом — чтобы править, они также должны были уметь организовать мирную жизнь и располагать солидной экономической базой.

В это дело впряглись все видные военачальники Нобунага — конечно, Нива Нагахидэ, но также Такигава Кадзумасу и Хидэёси, который, имея дело уже не с первым замком, в конечном счете приобрел настоящую компетентность в этой сфере. За три года, с 1576 по 1579 год, им удалось возвести шесть более или менее концентрических поясов стен из циклопических камней, возвышающихся на талусах из утрамбованной земли. Эти стены обеспечивали безопасность бесчисленных продуктовых складов, арсеналов и жилищ, необходимых для представителей семейства Ода и их клиентелы. Но еще больше, чем эти структуры, уже применявшиеся в лучших крепостях, удивлял размер замка Адзути, а также шесть башен, вознесшихся над крепостными стенами, не считая донжона — последнего бастиона сопротивления.

Внутри замка, пригодного как для представительства, так и для боя, шла анфилада роскошных салонов, ритм которым задавали бесчисленные деревянные колонны, покрытые ярко-красным лаком или позолотой. Отделку раздвижных перегородок и дверей Нобунага заказал самому именитому художнику Киото — Кано Эйтоку, чьи вариации на китайские классические сюжеты были на пике моды в то время. И — верх изысканности — полы решили целиком покрыть плетеными циновками (*татами*), какие когда-то служили только для сиденья или сна; конечно, использовать их в качестве пола, по которому идут, предварительно разувшись, начали почти три четверти века тому назад, но разве можно сравнивать маленькие, интимные и изящные покои Серебряного павильона, рая для *сёгуна*, мечтавшего об уединении, с огромными пространствами феодального замка, который, по замыслу, должен был вмещать весь клан?

Так замок-убежище, замок-оружие стал замком-престижем, замком-блефом. Следует ли после этого удивляться безмерной пышности, какой захочет окружить себя Хидэёси? Если только сам Нобунага не вдохновлялся замком Нагахана, роскошным творением своего странного вассала!

Как и Хидэёси, который развивал начала, уже заложенные его господином в Гифу, Нобунага привлекал в Адзути всех купцов, этих разносчиков чудес, каких только мог; феодальные сборы, пошрины, чрезмерные корпоративные привилегии были отменены; зато кредиторы и различные инвесторы получили заверения, что долговые обязательства перед ними упразднены никогда не будут. Кто бы мог устоять перед чарами Адзути? И кто бы посмел отрицать, что из Адзути и Нагахана Нобунага и его верный помощник держат Киото в своей власти?

Однако, как всегда, у любой стратегической позиции есть тылы. Тыл позиции Нобунага и Хидэёси был жестоко оголен, пусть они и хвастались, что теперь господствуют надо всеми провинциями вокруг бухты Исэ. Кто обеспечит охрану земли Мино? Нобунага назначил Сибата Кацуиэ — уместная предосторожность. Похоже, ожидалось неизбежное нападение Уэсуги Кэнсина, готового обрушиться на Мино со своих северных позиций. Нобунага, импульсивный и никогда не отягощавший себя чрезмерными раздумьями, узнав об угрозе, немедленно бросил весь свой генералитет в полном составе на борьбу с Кэнсином.

Как и от прочих, от Хидэёси потребовали выступить в поход. Он воспринял этот приказ с раздражением и ощутил опасность: ему казалось, что атаковать Мино готовы и многие другие противники, тем более что Кэнсин в результате неосторожного маневра Кацуиэ получил возможность громогласно заявить о вероломстве, взбудоражив всех северных дайме, до тех пор не проявлявших

беспокойства. После резкой перепалки с Кацуиэ Хидэёси проигнорировал приказы Нобунага, отказался как-либо помогать Кацуиэ и предельно безмятежно вернулся на свое место в замке Адзути. Неслыханная дерзость; Нобунага изгнал Хидэёси и подверг его домашнему аресту в его замке Нагаханама.

Можно представить себе ужас домочадцев Ода, представляющих себе страшные последствия такой ссоры и вероятного вооруженного соперничества между двумя равно влиятельными личностями. Но ничего не происходило, а из Нагаханама доносились странные вести. Говорили, Хидэёси занят тем, что пьет, развлекается с женщинами, пробует свои силы в качестве комедианта вместе с актерами, которых пригласил сам. Его друзья с удивлением смотрели на человека, которого уже не узнавали: что за кутила и любитель шумных увеселений вдруг завладел телом «Обезьяны», на чьем изможденном лице когда-то так явственно выражалось напряжение ума, занятого только высокими военными или политическими проблемами? Это театральное представление в основе своей сходно со знаменитым сюжетом о сорока семи *ро-нинах*, имитировавших разгул и разложение, чтобы усыпить бдительность врагов. Однако в рассказах о жизни Хидэёси, написанных в первой половине XVII в., в его уста вкладываются длинные речи, которые, пусть и выдуманные, все-таки содержат частицу истины:

С тех пор как я поступил на службу к Нобунага, я никогда не знал отдыха. С утра до вечера я трудился, как только мог. День и ночь я находился в седле. Я шел от сражения к сражению, от подвига к подвигу, даже не снимая доспехов. За завоеванием Мино последовало завоевание Оми, потом — Этидзэна, и все увенчалось аннексией земли Исэ. Все это я делал не ради себя, а ради Нобунага. После годов тяжелого труда я наконец нашел возможность отдохнуть благодаря милости господина,

которому я служил. Он так вознаградил меня за все, что я совершил ради него. За возможность снять физическую и моральную усталость многих лет неустанной работы я испытываю глубокую признательность. Чтобы изгнать меланхолию, нет ничего лучше *сакэ*. *Сакэ* — это метла, выметающая из груди пыль печали. Но совсем одному пить невесело. Лучше собраться и собрать столько собутыльников, сколько только можно; они будут пить, пока не упьются до полусмерти, пока не перестанут ничего бояться и ни о чем не будут беспокоиться, чтобы небо и земля уже не казались обширными, а огонь и наводнение — ужасными, пока они не свалятся в сон и не раздуются толще, чем бочка, — вот величайшее благословение, какое лишь бывает у пьяниц... (*Dening*. P. 200.)

Но не все это сразу поняли. Некоторые даже призывали вмешаться Нэнэ, супругу, которой Хидэёси писал, чтобы держалась и не поддавалась на призывы хулителей «плешивой крысы», которая приходится ей мужем. Наконец один вассал понял скрытый смысл ситуации:

Поведение Хидэёси свидетельствует о неординарной прозорливости. Если бы он не давал о себе знать, люди бы не преминули пустить слух, что он затевает мятеж против своего господина; Нобунага, человек весьма подозрительный и завистливый, наверняка поверил бы в это, и между двумя этими исключительными личностями возникли бы поводы для серьезного противостояния. Сознывая эту опасность, Хидэёси сделал все, что было в его силах, чтобы показать: то, как с ним обошлись, ничуть его не огорчает; опасаясь же, что Нобунага не прослышит о его поведении, он дошел до того, что пригласил танцовщиц в самую цитадель Адзути. Таким образом, ничто в его поведении не должно нас тревожить (*Dening*. P. 200).

Такэнака Сигэхару был проницателен и не ошибался. Через несколько недель за Хидэёси приехал гонец со

срочным призывом Нобунага: в 1577 г. страшные монахи Икко разожгли сильные народные волнения в самом сердце старой Японии, где призвал к восстанию Мацунага Хисахидэ.

Если в самом этом факте ничего удивительного не было — брутальность этого персонажа, как и ненадежность его вассальных клятв, были хорошо известны, — тем не менее весть была неприятной. Нобунага, чтобы добиться непрочной дружбы этого опасного человека (это он в 1563 г. организовал убийство *сёгуна* Асикага Ёситэру в своем дворце Нидзё), в 1568 г. назначил его губернатором провинции Ямато. Выбор оказался неудачным, и все могло обернуться плохо, если бы не проворство Хидзёси, который, проведя молниеносную кампанию, довел мятежника до самоубийства и вернул Нобунага замиренную провинцию. Таким образом основная площадь земель к югу от столицы расширила ленные владения, напрямую зависимые от Нобунага, и престиж «Обезьяны», причины поведения которого теперь понимали все, был восстановлен, став еще выше, чем когда-либо. Но Хидзёси окончательно утратил все иллюзии, если они когда-либо у него были:

Ода Нобунага в глазах всех представляется человеком беспристрастным, готовым признать достоинства везде, где их встречает, словно бы ничто не возбуждает в нем зависти. Но реальность совсем не такова. В глубине души он очень завистлив, и я знаю: если он увидит, как я рад стать сеньором большого поместья, моя жизнь окажется под угрозой (*Dening*. P. 209).

Тем не менее Хидзёси мог оставаться в фаворе у Нобунага по двум причинам — психологического превосходства «Обезьяны» и того, что приводило последнего в отчаяние в часы раздумий: у него не было детей, что исключало для него, по крайней мере на взгляд партнеров, любые поползновения к неустанному поиску апанажей,

а также к созданию клана, который бы соперничал с кланом Ода. Напротив, умелое использование этой ситуации позволило организовать комбинацию, которая пока что устраивала обе стороны: Хидэеси — которого как следует уговорили? — попросил дозволения усыновить одного из сыновей Нобунага, обещав передать ему большую часть только что приобретенных территорий.

Нобунага снизошел и предложил своего юного сына Хидэацу (1568–1585): беспримерная милость, которая, однако, означала, что семейство Ода энергично присваивает земли, завоеванные Хидэеси. Последний очень дорого заплатил за этого высокородного отпрыска — хотя злые языки утверждали, что тот был всего-навсего сыном наложницы: обязавшись отдать ему все свои владения и завоевания, Хидэеси сохранил за собой только тень добычи — одну провинцию, Харима, завоевание которой было еще даже не начато. Мошенническая сделка, над которой Нобунага несомненно смеялся про себя! Пусть же «Обезьяна» отхватит себе новый лен на западе, ведь удача ему улыбается, — если сумеет, отблеск его славы падет на весь клан, если потерпит поражение — умрет от рук врагов, и никто не оспорит вполне реального наследства Хидэацу.

Хидэеси был достаточно прозорлив, чтобы не замечать этого аспекта проблемы, но, как все великие стратеги и талантливые люди, он умел сознательно отступать и много терять, чтобы потом выиграть еще больше. Он несомненно верил в свою звезду и в свой гений.

К тому же Нобунага соблюдал официальные формы почетного обмена. Он передал Хидэеси *кихэй*, жезл главнокомандующего, предоставляющий последнему все полномочия, — тем самым он давал Хидэеси право независимо принимать любые решения вместо своего сеньора. Когда тот в 1577 г. выступил в путь во главе тщательно и с большими затратами набранной армии, знак его новой должности бросался всем в глаза.

Во главе процессии двигались знаменосцы (*хатамото*), а за ними авангард: корпус мушкетеров и корпус лучников. Потом шла пехота, вооруженная отчасти копьями и алебардами, отчасти мечами. Дальше гарцевала кавалерия, а за ней шел оркестр: барабанщики, трубачи с раковинами и ударники с гонгами. Замыкали колонну гонцы и курьеры, а также целый обоз — запасные лошади, оруженосцы со сменными доспехами наготове, носильщики, инженеры и саперы, предназначенные для возведения временных укреплений и частоколов. Только вслед за армией как таковой несли личный штандарт главнокомандующего, по недавнему обычаю имеющий его цвета (*ума-дзируси*). Далее наконец следовал заместитель: он размахивал значком военачальника. Хидэёси сам придумал для себя удивительный и хорошо заметный значок — «тысячу калebas» (позолоченных), *сэн нари хисаго* — символ доброго предзнаменования, которые сверкали и позвякивали на ветру.

В арьергарде шла процессия вассалов: Като Киёмаса, Фукусима Масанори, Катагири Кацумото, Хорио Ёсихару, Вакидзака Ясухару, Хатисука Короку и, наконец, Такэнака Сигэхару. Каждый из них двигался в окружении маленькой армии, воспроизводящей в миниатюре армию командующего. Рассказывают, что при виде этого впечатляющего зрелища Нобунага воскликнул:

Блеск войск [Хидэёси] превосходит все, что можно вообразить. С подобной армией ничто бы не помешало идти до Индии. Он, человек, вышедший из ничтожества, которого презирали и называли «Обезьяной»! Его обезьянья голова не изменилась, но кто бы посмел называть его так сегодня? (*Dening*. P. 212.)

Прохождение войск по-прежнему вызывало восторг, но поход в Хариму рисковал обернуться не самым лучшим образом. В самом деле, напасть на Хариму означало

выступить против самого сильного из властителей Западной Японии — Мори Тэрумото. Напрямую или через подставных вассалов он владел всем Западным Хонсю, и у Нобунага до сих пор хватало мудрости не меряться с ним силами. Единственным шансом Хидэёси были мелкие сеньоры «западного центра», близкие к Киото и непостоянные, которых часто раздражала претензия на опеку со стороны далекого сеньора. Не имея сил для прямой борьбы ни с Тэрумото, ни с Нобунага, они шли на увертки, тянули время, чтобы понять, к какому клану им лучше примкнуть, и эта неопределенность поначалу создала у Хидэёси опасное впечатление, что ему предстоит «военная прогулка». Но, как несомненно он и ожидал, ситуация внезапно переменилась, когда распространилась весть о сопротивлении — его оказал Бэссё Нагахару, укрепившись в своей крепости Мики.

Старинный род из Харима, происходящий от Минамото, — так называемая ветвь Мураками Гэндзи, потомков Минамото Морофуса, — Бэссё воплощали, насколько это было возможно, сопротивление Запада сеньорам Востока. После того как они взялись за оружие, могло произойти все, и, казалось, даже легендарная удача Хидэёси изменяет ему. Один из его лучших соратников, Такэнака Сигэхару, возглавлявший арьергард, умер за несколько недель от неизвестной болезни, развития которой не могло остановить никакое лекарство. Умирая, Сигэхару поверил своему господину свои мрачные предчувствия: пусть Хидэёси будет настороже и постарается успокоить ревнивую зависть Нобунага — возможно, тот так возвысил его, чтобы вернее от него избавиться! Военная прогулка превращалась в западню.

Однако внезапно снова открылся просвет: Укита Наоиз, имевший владения как раз на западе Харима, в Мимасака и Бидзэне, все взвесив, примкнул к сторонникам Ода — их положение повелителей Киото сияло в его

глазах неотразимым блеском. Ситуация в игре переменилась: глава священного восстания сеньоров Запада Бэссё Нагахару превратился в затравленного отщепенца, изолированного на вражеской территории. Хидзэси опрокинул его правый фланг, в то время как Наоиэ, отныне союзник того же Хидзэси, вклинился в расположение левого. Следовало ли опасаться, что Наоиэ вновь переменит лагерь? Тоже нет, потому что Хидзэси, согласно неумолимым феодалным правилам, потребовал от последнего передать сына в заложники в качестве гарантии его верности.

Тем не менее Нагахару был не так прост: хоть он и был изолирован в своем замке Мики, ему удалось отправить сигнал бедствия могущественным Мори; те немедленно ответили, крайне спешно собрали ударные силы и форсированным маршем двинулись на помощь своему союзнику в Харима. Но, едва они выступили, на западе Хонсю вспыхнули волнения, достаточно серьезные, чтобы армия повернула назад: никто из могущественных глав областей, представляя угрозу для других, не мог не опасаться угроз сам.

Потеряв единственную надежду на успех, Бэссё Нагахару покончил с собой; его примеру последовал его брат; Хидзэси оставалось только занять Мики, и вся провинция Харима оказалась у него в руках.

Через несколько лет, в 1582 г., Хидзэси, по обыкновению лицемера, будет утверждать, что был очень удивлен «неожиданным» сопротивлением клана Бэссё:

Тогда как наш сеньор велел мне идти в авангарде в провинции Запада и я находился в походе в Харима, Бэссё из замка Мики поднял мятеж и причинил мне большие неприятности, тем более что тогда же взбунтовался и Араки в Итами, в провинции Сэтцу [между Киото и Харима], отрезав мне путь к отступлению. В конечном счете я получил голову Бэссё! Тогда мой господин преподнес мне несколько наград и направил

несколько благодарственных писем, передав мне золотые рудники в Тадзима [на севере современной префектуры Хёго] и принадлежности для чайной церемонии (*Berry*. P. 76).

Счастлив, кого в горестях утешит золотой рудник! Правда, в этот самый момент Хидэёси испытывал одно сильное желание — его очень заинтересовала одна старая крепость, стоящая на холме с поэтичным названием *Химэяма*, «холм принцессы».

Химэдзи, Белая цапля

Белый силуэт на горизонте, схожий элегантными изгибами с горделивой «белой цаплей», поэтическое зрелище опавших цветов вишни, лежащих на склонах, как убитые в бою солдаты, — самый стойкий из замков Хидэёси ныне сохраняет свое очарование. Он уже называется не *Химэяма*, а *Химэдзи* и ныне представляет собой самую красивую из цитаделей Японии.

Когда Хидэёси вырвал его из рук рода Кодэра в 1577 г., от замка осталась лишь грудa пепла. Но само место было исключительным: холм, возвышающийся посреди окрестной равнины, как островок в море рисовых плантаций и полей; местность, излучающая чары земли Ямато — колыбели императоров. При таком расположении крепость сочетала преимущества «равнинного замка» и «горного замка». К башням, донжону и стратегическим укреплениям «феодального мотта» постепенно добавились две неприязательных стены, тянувшиеся по равнине, защищая одновременно клан сеньора и ремесленников, привлеченных к нему на службу, — у подножия замка зарождался город. В целом это вариация замка Адзути, работы по строительству которого на берегу озера Бива в тот момент все еще продолжались. Однако не стоит представлять себе изысканную цитадель, какую можно видеть в наши

дни. Ее стены будут завершены не раньше 1608–1609 гг., а позже, с наступлением мира, к ним добавятся флигели и павильоны для отдыха.

В замке Хидзэси размещалась штаб-квартира нового хозяина провинции Харима, завоеванной с бою и пока плохо подчиненной. Химэдзи был прибежищем первоходца, плацдармом, вклинившимся между землями Мори на западе и землями буйных феодалов, обосновавшихся на востоке и готовых перекрыть дорогу в столицу, — ситуация тем более опасная, что ленная верность этих мелких сеньоров была ненадежной, они всегда были готовы примкнуть к самому сильному или, по крайней мере, к тому, кто казался таковым. Два года придется запугивать их и торговаться с ними, чтобы убедить их покориться. Но награда оказалась достойной стараний: в 1580 г. Нобунага назначил Хидзэси «военным губернатором Срединной земли» (*Тюгоку тандай*), что означало признание его завоеваний к тому моменту, а также давало ему власть над еще не завоеванными землями: термин «Тюгоку» объединял все шестнадцать провинций, расположенных западнее Киото.

Тем временем Хидзэси устроил триумфальное возвращение в Адзути, рассматривая его как посвящение в новую должность, — парад, еще более ослепительный, чем тот, каким ознаменовалось его выступление в поход. Он привез баснословную добычу, состоящую из богатств, изъятых у покоренных феодалов. Лошади, оружие и драгоценности, торжественно положенные на землю в качестве подношения, словно опоясали укрепления Адзути. Впервые Нобунага, испытав сильное впечатление, вел себя со своим полководцем уже не как с вассалом, а как с другом. Казалось, их отношения впервые приняли мирный характер.

Но в том нестабильном мире эти слова еще не имели смысла. И кто мог сказать, как назревает, а потом прояв-

ляется враждебность, движущие силы которой скрыты за фальшивыми предложениями? В 1581 г. внезапно заволновался гарнизон замка Тотори в провинции Инаба, на севере, на побережье Японского моря. Это был передовой бастион Мори, принадлежность которого той или иной группировке могла во многом изменить расклад в северной части Центральной Японии. А в тот момент Хидэёси как раз сделал неожиданный ход — напал на остров Авадзи, господствовавший с востока над входом во Внутреннее море. Не он ли стал подстрекателем восстания в замке Тотори, чтобы отвлечь разрозненные силы Мори подальше от места, где происходили события реальной стратегической важности? Удар по Авадзи понемногу принес свои плоды — через три недели Хидэёси полностью овладел этой территорией, столь важной в национальной мифологии: говорили, что он был создан первым из всего архипелага, когда Идзанаги и Идзанами, две сестры*, от которых пошел японский народ, месили копьём первозданную грязь и уронили несколько ее капель в море. Став после этого хозяином восточного побережья Внутреннего моря, Хидэёси направился в Биттю (современная префектура Окаяма), далеко на запад от своего замка Химэдзи, на территорию, принадлежащую самим Мори. Мишенью он избрал замок Такамацу, игравший роль заслона первостепенной важности.

Крепость, возведенная в середине XIV в. и после этого долго обустроиваемая, считалась неприступной: водный поток и два озера прикрывали ее фланги, из которых атаковать можно было только один, но вал и бдительная стража охраняли его от всякого посягательства.

Чтобы вынудить такую крепость сдаться, в классическом варианте была возможна лишь одна тактика — затопления (*мидзудзэмэ*), операция очень эффективная, но

* Муж и жена (*примеч. пер.*).

деликатная, поскольку могла обернуться против ее организатора, неумолимо и надолго обрекая его на изоляцию на вражеской территории. В самом деле, одним из существенных факторов стратегии такого типа, требующей проведения значительных работ, было время.

Этот принцип состоял в том, чтобы, сделав состояние местности экстремальным, затопить цитадель, которую и в естественном состоянии окружала вода. Такая операция была возможной, если перекрыть естественное течение реки. Для этого солдаты, саперы и рабочие принялись наполнять бесчисленные мешки песком и гравием, как это делается и сегодня при сооружении дамб. С течением дней плотина удлинялась, достигнув нескольких сотен метров в длину и пяти метров в высоту. Она становилась берегом водохранилища, и вода мало-помалу образовала озеро, воды которого соединялись с водами двух других. Из недели в неделю уровень поднимался, и осаждающие соответственно наращивали высоту стены из мешков. Дома, теснившиеся к подножью замка, — жилища воинов, лавки купцов, мастерские ремесленников, снабжавших гарнизон, — скрывались под водой: безмолвный кошмар, потому что они давно были оставлены обитателями, укрывшимися с начала осады в крепости.

Уровень продолжал расти. Вода медленно подмывала стену замка. Изнутри доносился шум, признаки лихорадочной активности: спешно строили временные сооружения, мастерили пешеходные мостки, плоты из всего, что попадет под руку. Осажденные не теряли надежды и готовились пережить наводнение, чтобы дожидаться помощи. Они знали, что со всех сторон к ним направляются войска Мори Тэрумото. Открыто перекрыв осаждающим пути отступления, те пытались спровоцировать Хидзэси, чтобы он на несколько часов отвлекся от упорной работы и выполнения своей задачи. Осажденные выжидали момента, готовые к быстрой вылазке: достаточно было

проделать брешь в плотине, чтобы воды реки вернулись к нормальному течению и ситуация переменялась. Но упрямый Хидэёси игнорировал угрозы и вызовы — он усердно добивался наводнения. Во всяком случае, так внешне выглядела позиция опытного воина, что не мешало ему тайно послать Нобунага срочное сообщение, где без прикрас описывалась ситуация, баланс надежд и опасностей.

Более пространных объяснений отнюдь не требовалось: Нобунага набрал войска, желая ускорить победу, — она обеспечила бы ему господство над Западным Хонсю и укрепила его позиции в столице.

Армия тронулась в путь, и в нее входили все соратники Хидэёси — Хори Хидэмаса, Акэти Мицухидэ, Цуцуи Дзюнкэй, Икэда Нобутэру, Накагава Киёхидэ, Такаяма Юсю (Укон). Нобунага следовал сзади, согласно традиционному походному порядку. Эта военная машина выглядела столь неумолимо отрегулированной, что Нобунага дал ей больше самостоятельности, чем было принято. Еще удивительней, что он задержался в Киото с эскортом всего из сотни человек. Может быть, он счел за благо находиться в столице, чтобы вернее ее контролировать во время особо рискованной операции?

Тем временем Хидэёси по-прежнему блокировал Такамацу, куда уже скрыто просачивалась вода. Эта тактика *мидзудзэмэ* поглощала всю энергию осаждающих, требуя от них неусыпного внимания. Каждая из сторон удерживала свои позиции и выжидала, чтобы другая устала или совершила ошибку, которая бы мгновенно погубила ее. А клещи Мори Тэрумото сжимались, и вести циркулировали все с большими затруднениями, — их передавали редкие гонцы и прежде всего всевозможные шпионы, чье ремесло и состояло в том, чтобы проходить через непроходимые рубежи.

Владения великих даймё к началу 1582 года

Великие даймё

ОДА

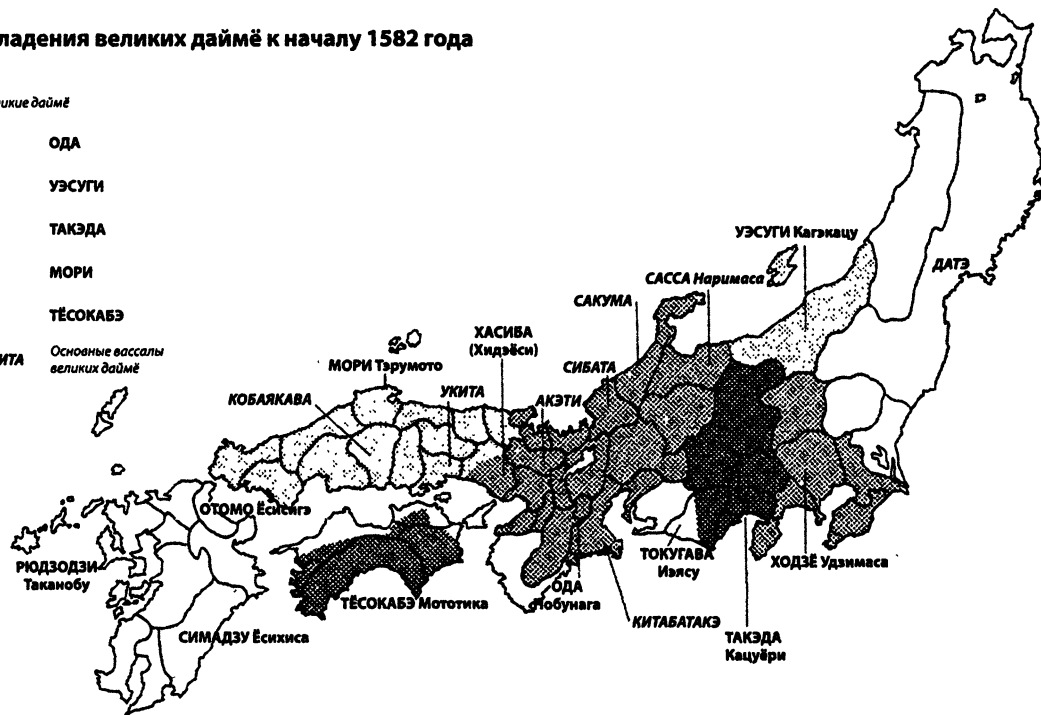
УЭСУГИ

ТАКЭДА

МОРИ

ТЁСОКАБЭ

УКИТА
Основные вассалы
великих даймё

Глава VI

ПЕРЕЛОМ

Покушение

Итак, Нобунага остановился в хорошо знакомом ему месте, в Хоннодзи — это был храм секты Нитирэн, где он часто располагался на постой, приезжая в Киото, с тех пор как был официальным покровителем *сёгуна*. Не успев еще построить в столице дворец — впрочем, не было ли это ловким ходом? — он находил в Хоннодзи все увеселения, достаточно роскошные для того, чтобы олицетворять его власть: от павильончиков для чая до театральных подмостков для спектаклей *но*, а также просторные салоны, где могли собираться вассалы и высокопоставленные сановники. Он здесь располагал также всеми средствами защиты, необходимыми для военного вождя, — внушительной наружной стеной, глубокими рвами, дозорными башнями, в общем, оборонительной системой, какую умели выстроить только монахи-воины.

Дело было 1 июня 1582 года. Нобунага предпочел не следовать за армией, а остаться здесь, внимательно следя за партией, которая разыгрывается далеко отсюда, за боевыми рубежами Мори. Пусть последние победят (они на это способны) — и вся затейливая ткань завоеваний Хидэёси расплзется так же быстро, как она возникла. Важно контролировать столицу, где в конечном счете будет решаться все. Пока ничто не внушало тревоги. Со всем напротив, изысканная жизнь двора текла со своей светской пышностью, пусть даже несколько поблекшей из-за нехватки денег. Нобунага совершенно неожиданно устроил чайную церемонию: на ней присутствовал пра-

витель империи, и задолго до наступления ночи гости восхищались коллекцией чашек и чайных принадлежностей, составлявшей гордость Нобунага. Наконец многочисленные приглашенные улеглись, и потекла безмятежная ночь. Пробуждение оказалось более чем грубым: на ранней заре слишком слабую защиту преодолела свирепая армия. Вот она, измена, тень которой никогда не прекращала тревожить Нобунага: он успел заметить искаженное ненавистью лицо Акэти Мицухидэ, приверженца, обратившегося во врага, и сопротивляться уже не было смысла. Оставался один выход — смерть, самоубийство, если удастся опередить захватчиков. Вскоре вспыхнул огонь и разгорелся, пожрав все, — тело великолепного хозяина Адзути, умершего в зените славы, в возрасте сорока восьми лет, так и не найдут.

Что же случилось? Как вчерашний почтительный вассал мог превратиться в безжалостного убийцу, предавшего огню все: своего господина, храм, приютивший последнего, и даже неповинных гостей?

Надо вернуться к событиям, происходившим несколько раньше. Эгоцентрик, полностью поглощенный своими делами, Нобунага несомненно редко интересовался жизнью своих людей, еще меньше его волновало их душевное состояние. Несмотря на заслуги Мицухидэ, он не раз грубо обращался с последним, при случае высмеивал его, как любил делать и в отношении Хидэёси, но не все обладали терпением «Обезьяны» и его непоколебимой уверенностью в будущем успехе. И, что намного хуже, — Нобунага был прямым виновником страшной смерти, постигшей родную мать Мицухидэ.

Драма началась под замком Яками, недалеко от Киото, в провинции Тамба. Чтобы избежать бесполезного затягивания осады, всегда опасного, когда оно сковывает силы и осаждающего, Мицухидэ предложил защитнику крепости, Хатано Хидэхару, сохранить ему жизнь. Тот согласил-

ся на сделку, но потребовал в обмен на немедленную сдачу выдать ему заложника — родную мать Мицухидэ, что в военном обществе той эпохи было обычной гарантией. Но как раз Нобунага не всегда соблюдал феодальные законы своего времени — иногда он даже находил определенное удовольствие в том, чтобы их попирать. Когда Хидэхару явился в Адзути, чтобы заявить о том, что присоединяется к Нобунага, последний велел его казнить, и притом столь позорной казнью, как распятие, словно уголовного. Когда люди казненного узнали об этой развязке, они схватили заложницу, мать Мицухидэ, и замучили ее страшными пытками. Тогда Мицухидэ бросился к крепости Яками; словно демон отмщения, он захватил замок и истребил в нем все живое. Но эта неумолимая месть была неспособна утолить худшей ненависти, плававшей у него в сердце, — ненависти к своему господину Нобунага, который, вопреки всем законам гостеприимства и рыцарской войны, нарушил данное слово, обошелся с *самураем* столь же непочтительно, как с вором, и стал причиной ужасной смерти неповинной старой женщины.

Тем не менее долг службы обязывал: надо было как можно скорей набирать войска и идти выручать Хидэси, попавшего в ловушку под Такамацу. Мицухидэ вернулся в свой замок Сакамото в земле Оми и собрал всех людей, кого мог найти, верный своей задаче и готовый отправиться в поход на защиту своей группировки, как подобало.

Но когда он узнал, что Нобунага заехал в Хоннодзи с маленькой командой, мир перевернулся. В голове Мицухидэ возник план, который он немедля выложил своему главному штабу: Киото находится по пути в далекую провинцию Биттю, где ждет Хидэси; прежде чем достиг Такамацу, армия остановится в Киото и осуществит правосудие, то есть убьет Нобунага. Все поняли, какие последствия неумолимо влечет за собой это решение, но ни один из присутствующих не смог возразить решению

вождя; значит, надо было победить, добиться успеха или, скорее, мужественно встретить смерть — было невысказано, чтобы другие полководцы Нобунага оставили безнаказанным поступок, который, сколь бы оправданным он ни был, представится им прежде всего изменой, а потом опасным прецедентом. Так Нобунага захлебнулся в крови, которую сам щедро проливал до тех пор.

Тем временем ситуация вокруг Такамацу, подтопленного замка, никак не могла разрешиться. Защитник цитадели, которому сообщили, что к Хидэёси неминуемо придут подкрепления, чувствовал, что надежды тают. В то же время Хидэёси захватил ценного пленника — гонца Акэти Мицухидэ, направлявшегося к Мори. Хидэёси мгновенно понял все — какая драма произошла в Хоннодзи и какие она влечет опасности; оставалось только действовать, прежде чем эта весть донесется до врагов. После этого он с готовностью принял гонца от Мори — монаха по имени Анкокудзи Экэй. Прежде, чем рассказ о событиях в Хоннодзи дошел до Мори и участника переговоров с их стороны, было заключено перемирие. Но, похоже, достигнутое таким образом равновесие удовлетворило всех, потому что Мори не возобновили враждебных действий, даже узнав о смерти Нобунага. Этот мир несомненно отражал относительное равновесие сил обеих сторон, могущество которых стремилось к максимуму, нечто вроде раздела основной части Японии: группа Ода доминирует в центре Хонсю, Мори сохраняют за собой Запад и помогут Хидэёси наказать вероломного полководца.

Мечь

Атмосферу в Киото определяли подозрительность и страх. Никто не пролил ни слезы по покойному тирану, но повсюду царил неуверенность, и каждый задавался вопросом, что предпримет сосед. Говорили, что Мицухи-

дэ намерен убить Хидэёси; но почему его, а не кого-то другого? Каждый из крупных полководцев Нобунага мог лелеять мечту встать во главе клана, в котором, кстати, Мицухидэ мог рассчитывать на многих союзников — на семейства Тёсокабэ, Хосокава, Такаяма, Накагава, Цуцуи. Претендовать на гегемонию мог и он сам, потому что личная гвардия его бывшего господина погибла вместе с последним в Хоннодзи, тогда как старший сын Нобунага, Нобутада, окруженный без надежды на помощь во дворце Нидзё, тоже покончил с собой вечером дня покушения.

Десять долгих дней ни с одной стороны не было никакой реакции. Но воображение людей работало активно, и это его порождения в большей степени, чем факты, дошли до потомства, населив коллективную память японцев рассказами об откликах эпического характера. Поскольку люди того беспокойного времени сами находились в необычной ситуации, отделить реальное от вымышленного часто трудно.

Пока каждый подсчитывал собственные шансы и шансы других, Мицухидэ направился во дворец Адзути, гордость Нобунага и образец новой японской военной архитектуры; рукой, которую направляла ненависть, он ломал, разорял, уничтожал, потом, наконец успокоившись, вернулся в Киото, к императору. Бедный суверен предоставил ему все и еще больше — например, титул *сёгуна*, до тех пор никому не присвоенный.

Мицухидэ, который сам был отпрыском рода Сэйва-Гэндзи, в свою очередь проявил щедрость: объявил об освобождении жителей Киото от налогов, преподнес императору пять серебряных слитков, раздал милостыню храмам и святилищам. Но за кулисами началось движение. Токугава Иэясу удалился на земли Микава, чтобы набрать войска. В Осаке второй сын Нобунага и полководец Нива Нагахидэ размышляли, придумывали план действий, как и весь бан и арьербан семейства Ода.

Что касается Хидзэси, он уже принял решение. Мчась во весь опор — он проделывал в день восемьдесят километров, — он вернулся в Киото и встретил Мицухидэ в Ямадзаки, в земле Ямасиро, близ столицы; он искрошил армию мятежника, измученную маршами, контрмаршами и неизбежностью гибельного исхода. Мицухидэ попытался укрыться в своем замке Сакамото, чтобы организовать оборону, но по пути его опознали крестьяне, схватили и убили.

Через тринадцать дней после смерти своего господина Хидзэси выставил голову убийцы на месте преступления, чтобы успокоить душу жертвы. И сказители на улицах начали со множеством подробностей, реальных или вымышленных, рассказывать трагическую историю бунтаря, который в конечном счете оказался всего лишь «тринадцатидневным сёгуном» (*дзюсан кубо*).

Глава VII

К ВЫСШЕЙ ВЛАСТИ

Наследство

Драма, в соответствии с правилами морали, завершилась образцовым наказанием преступника; но положение группировки Ода тем не менее вызывало тревогу. Союз с Мори, официально заключенный, чтобы дать возможность справедливо наказать убийцу, грозил в любую минуту распасться; на восточном фронте Сибата Кацуиэ продолжил сводить личные счёты с семейством Уэсуги, едва только от него смогли добиться минимального участия в карательной экспедиции; Такигава Кадзума-су, может, и друг Хидэеси, но еще больший друг Сибата Кацуиэ, тоже воевал на востоке, в земле Сагами (современная префектура Канагава), — он без особого успеха нападал на владения Ходзё; что касается Токугава Иэясу, он командовал мощной армией, набранной против Акэти Мицухидэ, но Хидэеси опередил его, и все с ужасом задавались вопросом, что теперь Иэясу будет делать с этими войсками, готовыми схватиться с кем угодно. Тем временем победители при Ямадзаки — конечно, Хидэеси, но вместе с ним Маэда Тосиэ и Нива Нагахидэ — вышли из этой битвы в полном ореоле славы. Это сборище полководцев и полков, готовых к бою, имело взрывоопасный характер, тем более что чувства они испытывали смешанные и часто враждебно относились друг к другу!

Кончался июнь 1582 года. Уже месяц как погиб Нобунага, а с его наследниками ясности скорей не было. Его старший сын Нобутада, отец Самбоси, недавно покончил с собой в замке Нидзё; у Нобунага было еще четыре сына, но

два из них тоже оказались не при деле: четвертый, Хидэацу, — потому что был усыновлен Хидэёси, а пятый, Кацунага, — потому что погиб одновременно с отцом в Хоннодзи. Таким образом, из сыновей господина на наследство могли претендовать только второй, Нобукацу, и третий, Нобутака. Тот и другой не скрывали стремления к власти и уже набирали сторонников среди бывших вассалов отца. Однако эта торопливость и это быстро начавшееся соперничество могли им повредить, тем более что в их репутациях ничего особо привлекательного не было. Тот и другой, находясь в возрасте около двадцати пяти лет — возрасте расцвета для *самурая*, — выглядели бесцветными, неспособными руководить кланом, в котором их собственный отец никогда не возлагал на них особо ответственных поручений. Шептались, что в мести за отца они принимали лишь очень вялое участие, а то и вовсе никакого. Такое количество слабостей, которыми мог умело воспользоваться Хидэёси, по контрасту выделяло надежды, подаваемые маленьким Самбоси: помимо того, что он принадлежал к старшей линии — линии Нобутада, умершего одновременно с отцом, Самбоси обладал незаменимым преимуществом любого трехлетнего ребенка: его назначение наследником означало, что правление будет долгим.

Однако такой выбор нравился не всем. Игра Хидэёси, желавшего поставить это правление под свой контроль, слишком бросалась в глаза. Начали раздаваться обвинения: удивлялись спешке, с какой Хидэёси покарал Мицухидэ; подчеркивали, что убийство матери предполагает долг отомстить, который не следовало бы смешивать с обычной изменой; намекали, что Хидэёси быстро воспользовался возможностью устранить неудобного соперника. Возбуждение достигло таких масштабов, что едва не вылилось в форменное побоище.

Тем не менее после долгих и упорных споров было достигнуто соглашение. Обоих сыновей Нобунага решили

не допускать на место главы клана — с тем важным нюансом, что Нобутака стал опекуном Самбоси, своего племянника. Но до достижения мальчиком совершеннолетия делами будет руководить частный совет, куда войдут Сибата Кацуиэ, Икэда Нобутэру, Нива Нагахидэ и Хидэёси — словом, четверо присутствующих крупных полководцев. При организации власти по консульскому типу каждый из них будет жить поочередно в Киото в течение трех месяцев — управлять поместьем Ода было почти то же самое, что управлять империей!

Эта система, внешне усложненная, функционировала намного проще, чем кажется с первого взгляда, о чем свидетельствуют недавно изученные архивы одного чиновника, назначенного Хидэёси и работавшего на него, — Маэда Гэнъи (1539–1602). Маэда Гэнъи прибыл в Киото в мае 1583 г.: Хидэёси назначил его «магистратом Киото» (*Киото бугё*). Едва заняв пост, он должен был провести в жизнь семь указов, которые в 1583 г. издал его господин для жителей столицы. В этом привлекательность бумаг Гэнъи, к которому каждый приходил за советом: они под непривычным углом иллюстрируют сложные отношения феодалов и горожан. Привилегии ремесленников и купцов, акты признания собственности — все эти дела, будничные, приземленные, но жизненно важные для нормального существования города, находились в ведении Гэнъи и решались им лично, не проходя через тяжеловесную — и с давних пор утратившую содержание — прежнюю иерархию сеньориального или государственного надзора. Между мирными горожанами и военными, ставшими управленцами, возник естественный союз, отличавшийся большой прочностью: купцы и ремесленники требовали от Гэнъи жесткого мира, необходимой защиты для их деятельности. Взамен они, организуя частные ополчения, обеспечивали общественный порядок — борьбу с огнем или с мелким бандитизмом на уровне квартала.

Они даже изъявляли готовность давать больше: деньги, займы, сроки выплаты которых удлинялись до бесконечности, в конечном счете превращая их в дары, — необходимые движущие силы для создания огромных армий: с удовольствием рассказывали, что Хидэёси содержит или оплачивает 50 тысяч человек, на вооружении которых находится почти пять тысяч мушкетов. Часто купцы сами предлагали займы, которые считали необходимыми их сеньору.

Словом, Хидэёси явно утверждал свою власть — его статуты от 1583 г. не оставляют в этом никаких сомнений, — но он не нуждался ни в каких мерах принуждения, чтобы навязывать свои законы. Горожане Киото были с ним единодушны и не ждали от него иного языка, лишь бы уважались старинные привилегии, благодаря которым когда-то завертелся мир. Только факты и эффективность диктовали издание законов. И Гэнъи признавал права любого, священника, горожанина или аристократа, но при условии, что эти права основаны на давней традиции либо порождены острой необходимостью. Поэтому проблемы улаживались спокойно, без борьбы разных социальных групп; тем не менее надо признать, что эти решения принимались на уровне достойной, пусть и скромной буржуазии. Было бы ошибочным видеть в Хидэёси, исходя из его происхождения, защитника простого народа, — к последнему никогда не прислушивались прежде и не стали прислушиваться теперь. Хидэёси выступал скорее не в качестве новатора, а в качестве продолжателя давнего дела *сёгунов* Асикага; он не измышлял никаких «революций», но старался поддерживать порядок. Например, любое распоряжение, любая декларация о собственности должны были подаваться ему на согласование, подлежали его одобрению, и уступать этого права он не желал. Но, поскольку одинаковые причины везде вызывают одинаковые следствия, каждый великий *даймё* в своих ленах, самое

меньше уже полвека, боролся с распадом власти, с анархией. И предельная раздробленность власти постепенно, но неуклонно вела к централизации нового образца.

В этом деле Хидэёси и нашел свою настоящую дорогу и свои самые надежные опоры — как уважение народа, так и нервы войны [деньги].

Наряду с этими неотложными проблемами существовали другие острые вопросы в большей степени феодального характера, такие как неизбежный, но очень щекотливый вопрос раздела земель Нобунага.

Земля Оми (район озера Бива, в том числе замки Адзути и Нагахамма) отошли к маленькому Самбоси; оба дяди получили соответственно земли Овари (с родовым замком Киёсу) и Мино (с крепостью Гифу); остальное поделили полководцы, за исключением Хидэёси, который, много приобретя благодаря своим недавним завоеваниям на западе Японии и обладая прекрасным замком Химэдзи, и так был богаче всех. Равновесие было непрочным — враги клана по-прежнему грозили ему со всех сторон, да и внутри группировки Ода имелись интриганы.

Ненависть внутри клана

Поскольку Хидэёси официально получил свои поместья в Харима, Сибата Кацуиэ добился передачи себе бывшей крепости «Обезьяны» на озере Бива — Нагахамма, которая, может быть, послужила прообразом для Адзути. Это отражало его законное стремление к стратегической эффективности, но вместе с тем стало инцидентом, во многом определившим окраску сложных отношений, портившихся изо дня в день, между этими двумя людьми.

Кацуиэ, конечно, пользовался немалым престижем, — доблестный полководец, он был еще и зятем Нобунага, хотя судьба его брака оказалась причудливой. Несомненно в 1557 г., в момент, когда он принес Нобунага вассаль-

ную присягу, последний предложил ему в жены свою младшую сестру О-Ити. Тем не менее через несколько лет, в 1565 г., опять-таки по приказу брата, она покинула мужа, чтобы выйти за Асаи Нагамаса, властителя провинции Оми (в районе озера Бива), — вне сомнений, лучшего залога у Нобунага не было! Когда Нагамаса погиб в ходе большого разгрома семейства Асаи, в 1573 г., ее брат забрал ее обратно в Овари вместе с тремя дочерьми, но без сына, с которым жестоко расправился, как и с его бабкой по отцу: Нобунага видел в злополучном ребенке не столько племянника, сколько сына врага, в дальней перспективе потенциально опасного. Осенью 1582 г. Нобутака, рассчитывая использовать Кацуиэ против Хидэёси, вернул ее первому мужу, за которым она с тех пор следовала в походах.

Это были еще только наметки борьбы за влияние. На укрепление семейных связей между Кацуиэ и Ода Хидэёси ответил убедительной демонстрацией своего могущества. Не имея опоры в происхождении, он умел поддерживать свой престиж сам и мог добиваться его подтверждения только со стороны императора, двора, Киото — этой геометрической точки в Японии, которая, сколь бы бедственным ни было ее непрочное материальное положение, тем не менее сохраняла значение символа. Эти постоянные обращения к императору иногда придавали политике Хидэёси пассаистский или искусственный характер, словно он без конца ссылался на миф о легитимности, которой за ним никогда твердо не признают. Он в самом деле нуждался в такой ссылке, чтобы управлять, затыкать рты сплетникам и, еще в большей мере, получать право руководить постоянно расширяющимися владениями, не обладая привилегиями за счет происхождения и союзов. Итак, Хидэёси снова обратился к покладистому императору Огимати, и суверен признал за ним титул «генерал-майора» (*сёсё*). В ореоле этого неожиданного

чина Хидзэси и организовал в Киото, на огромной территории Дайтокудзи, впечатляющую похоронную церемонию в честь своего покойного господина: как и сражение, демонстрация могущества была эффективным средством приобретения сторонников, действуя на две столь чувствительные струнки, как страх и зависть.

Этой церемонии в Дайтокудзи — самом обширном монастыре Киото — предстояло надолго запечатлеться в памяти жителей Киото, которых годы бесконечных войн лишили прежней легендарной роскоши. Все крупные феодалы империи, которые, будь они друзьями или врагами Нобунага, внимательно следили за событиями, явились туда в самых богатых облачениях. Каждый город, каждая деревня владений Ода прислали по делегации. В городе один экипаж следовал за другим, и люди теснили друг друга, чтобы увидеть самые пышные, в то время как постоянные дворы гудели от лихорадочной толчеи.

Но какой странной была эта церемония! К грандиозному декору Хидзэси добавил широчайшую систему безопасности. Курода Ёситака, Хатисука Короку и Асано Хатидзаэмон стояли со своими отрядами в предместьях, готовые вмешаться и оцепить Дайтокудзи. Многочисленная охрана прикрывала Императорский дворец, чтобы предотвратить возможное похищение императора, как это уже произошло в эпоху Хэйан. Сам храм, обширное огороженное пространство со множеством садов, построек и участков леса, был наштапигован вооруженными солдатами: они прятались за широкими занавесями, натянутыми, по официальной версии, чтобы не пропускать ветер и обеспечить комфорт для зрителей и участников церемонии.

Она достигла кульминации, когда вошел Хидзэси, неся на руках маленького Самбоси. Его сопровождали шестнадцать полководцев в парадной форме, вооруженных до зубов. Вся эта сцена создавала странную атмосферу — крайней дерзости и предельной мощи. Кацуиэ несомнен-

но бледнел от ярости, но что он мог поделывать? Даже дядья Самбоси не знали, как себя вести: в конце концов, их не ввели в регентский совет!

Вдруг был подан сигнал — спрятанные войска вышли из своих укрытий, в то время как затрубили раковины и забили барабаны военных частей, находящихся в городе: солдаты Хидэёси вне и внутри храма вступили в нескончаемый, неумолимый диалог. Дальнейшее действие проходило в тишине, чреватой грозой. В конце ритуала Сибата Кацуиэ в величайшей спешке покинул столицу, окончательно убежденный, что сокрушить Хидэёси — задача неотложной важности. Но подобный план предполагал хорошую подготовку, и, как всегда в таких случаях, каждый направился к себе: Кацуиэ — в землю Этидзэн на севере, у Японского моря, а его друг Такигава Кадзумасу — в землю Исэ. У каждого из них в распоряжении была вся зима — большие кампании проводили только в теплое время года, — чтобы набрать войска, вооружить их и заключить полезные союзы, в том числе с обоими сыновьями Нобунага, дядьями ребенка Самбоси.

Однако шли дни, а организовать оказывалось не так просто. Сыновья Нобунага, конечно, поносили позицию Хидэёси, расценивая ее как провокаторскую и дерзкую, но их самих разделяла глухая вражда. Через несколько месяцев дело началось. Нобутака примкнул к стороне Кацуиэ, тогда как Нобукацу считал более благоразумным доверить защиту своих интересов Хидэёси. И вот Киото и окрестности покрыл снег — началась долгая зима. А ведь оставить антагонистические противоречия ждать до весны было трудно! Обе стороны сочли за благо пойти на соглашение, хотя бы временное. Хидэёси и Кацуиэ объявили о заключении мира, но более лицемерного мира еще не было: в январе 1583 г. Хидэёси двинулся на главного союзника Кацуиэ, Такигава Кадзумасу, и блокировал его в его замке Кувана, в земле Исэ. Началась осада — нескон-

чаемая и менее эффективная, чем можно было бы рассчитывать: осажденному удалось выскользнуть из крепости и бежать за помощью к Кацуиэ, который, несмотря на стужу, спешно вооружился и помчался на выручку другу. Тогда Хидэёси, вынужденный снять осаду и сильно рискуя получить удар с тыла, начал первую большую кампанию, которую вел один и в защиту лишь одного дела — он служил уже не господину, а самому себе и представлению, которое он составил о своей персоне и своем могуществе. Не скупясь на откровения, когда они служили созданию ореола величия вокруг него, он писал одной из молодых женщин, которые в тот момент привлекали его сердце:

Придет время, я верну себе Осаку и поселю там своих людей. Я велю им снести замки на всей территории, чтобы не допустить других мятежей и сохранить для нации мир на пятьдесят лет (*Berry. P. 75*).

Здесь в нескольких словах было выражено все: стремление к власти и представление о великом национальном деле, которому следует служить.

Первая задача состояла в том, чтобы разделить армию на несколько частей и поместить их в форты, спешно возведенные в стратегически важных точках. Пока что он предложил Нобукацу атаковать своего брата в Гифу — тем самым сыновья Нобунага оказались друг против друга, готовые растерзать один другого, что позволило Хидэёси переместиться в Оми, в район озера Бива, в то время как Кацуиэ, отойдя на свои земли в Этидзэне, готовился к столкновению, которое, как все чувствовали, будет решающим. Потом сам Хидэёси направился к Нобутака, сыну Нобунага, выступившему на стороне его врагов. Но надолго он там не задержался: в конце апреля его помощники уведомили его, что в Оми на них внезапно напал Кацуиэ и его армия — как говорили, тридцать тысяч человек, которые как раз собираются к Сидзугатакэ. Хи-

дэёси опроретью проскакал пятьдесят два километра, отделявших его от этого стратегического пункта. При поддержке девяти из его лучших помощников его кавалерия обрушилась на армию Кацуиэ, которая, одержав полную победу и не готовая к этому новому бою, в беспорядке отступила. Кацуиэ форсированным маршем достиг своего замка Китаносё в далеком Этидзэне, но усилия были потрачены напрасно — Хидэёси неумолимо преследовал его. 24 апреля Кацуиэ скончался, совершив *сэппуку*.

Хидэёси не упустил случая прокомментировать, с пафосом и трактуя все в свою пользу, эту прекрасную смерть, образцовую смерть воина:

Он поднялся на девятый этаж своего донжона, откуда обратил несколько слов к тем, что собрались внизу, и объявил о намерении покончить с собой, чтобы послужить примером грядущим поколениям. Его люди, потрясенные, промокали слезы рукавами одежд, надевших поверх доспехов. Когда повсюду воцарилось безмолвие, Кацуиэ убил свою жену, детей, прочих членов семьи, а потом вскрыл себе живот одновременно с восьмьюдесятью из его вассалов (*Berry. P. 78*).

Слова, конечно, почтительные, но впечатление от них несколько ослабляет предшествующая фраза:

Кацуиэ был воином, который проводил все дни, упражняясь в военных искусствах. Но, когда мы атаковали его до семи раз, он оказался неспособен держаться дольше (*Berry. P. 78*).

Так погиб бывший друг, у которого Хидэёси позаимствовал часть своего нынешнего имени (Сибэ, отчего получилось Хасибэ); за ним в могилу последовала родная сестра Нобунага — О-Ити, которая более десяти лет назад смогла выжить во время истребления клана тогдашнего ее мужа, Асаи Нагамаса. Но дочерям Нагамаса снова повезло: под охраной верного эскорта они смогли покинуть

донжон до начала трагедии, истребления всей оставшейся семьи и разрушения прекрасного замка Китаносё в пламени пожара, который велел зажечь сам Кацуиэ, прежде чем умереть. Поняв, что означает этот костер, и ни на миг не усомнившись в мужестве своего врага, Хидэёси покинул крепость, не дожидаясь, чтобы ему по обычаю принесли голову побежденного, — этот рыцарский поступок, увенчавший чрезвычайно дерзкую операцию, одну тех войн преследования, которые так любили *самураи*, принес Хидэёси горячие поздравления не только от Токугава, но и, чего он меньше ожидал, от бывших врагов или почти врагов — семейств Ходзё и Уэсуги.

А для тех, кто еще сомневался в эффекте этой победы, самоубийство Нобутака, осажденного родным братом в Гифу, утвердило в глазах всех грозную мощь того, кто начинал выступать в роли нового распорядителя игры, — Хидэёси. Что касается Такигава Кадзумасу, статиста Кацуиэ, против которого Хидэёси направил первый удар, то в августе 1583 г. он предпочел подчиниться.

Тогда, как и было обещано, Хидэёси наконец утвердился в Осаке, положение которой недалеко от Сакаи, достоинства крупнейшего и богатейшего порта Японии казались ему крайне важными со стратегической точки зрения. Здесь он также увидел возможность восстановить сеньориальную традицию, право следовать которой Нобунага пожаловал ему в 1578 г., — провести чайную церемонию. Этот ритуал был необходим по многим причинам: Хидэёси взял к себе на службу трех мастеров чайной церемонии, прежде служивших Нобунага, — Сэн-но Рикю, Цуда Сокию и Имаи Сокию, очень известных, и было бы неуместно отпускать их на службу к другому господину; к тому же право собирать гостей на чай было одним из атрибутов и привилегий великих *даймё* — по блеску церемонии и количеству присутствующих судили о них самих; наконец, они давали возможность по умолчанию

домогаться даров, стоимость которых могла достигать очень значительных сумм.

Чайная церемония была большим событием и для населения — та, которую устроил Хидэёси для инаугурации замка Осака, длилась неделю и включила в себя, наряду с торжественными ассамблеями для друзей и вассалов, шесть собраний, куда сходились жители города. Он таким образом более, чем когда-либо, утвердил себя в новой роли верховного главы большой области.

Однако оставалось немало трудностей. Конечно, регентский совет лишился одного беспокойного члена, Кацуиэ, и теперь состоял просто из ставленников Хидэёси. Но на границах владений, собранных Хидэёси, по-прежнему рыскали феодальные волки: в Сагами — Ходзё Удзимаса, в Муцу — Датэ Масамунэ, в Этиго — семейство Уэсуги. Что касается Кюсю, большого острова на юге, откуда приходили богатые купеческие корабли, он пользовался фактической независимостью, которая объяснялась его как политическим, так и географическим положением.

Еще хуже было то, что правил передачи высшей административной власти не существовало. Должность *сёгуна* оставалась вакантной и поэтому служила объектом многих притязаний, причем Хидэёси оказывался исключен из этой борьбы из-за неизвестного происхождения. Следовало действовать быстро и не дать никому совершить новый налет на Киото, вроде того, какой в свое время удался Нобунага.

Официальные почести

Японский феодальный мир был мало готов к формированию стабильной власти. Ни один из альянсов, заключенных Хидэёси, не выглядел прочным — даже Нобукацу, наследник Нобунага, примкнувший к нему, проявлял все больше раздражения: он заявлял, что его собственное «наследство» захватили, и начал искать других покрови-

телей, подстрекая их к враждебным действиям, которые могли оказаться опасными, когда их вел, например, Токугава Иэясу. Такие интриги уже стоили Хидэёси двух поражений в земле Овари — одно при Комаки, а другое, в 1584 г., при Нагакутэ — знаменитое сражение, если можно говорить о сражении, поскольку судьбу битвы там, как и при Нагасино в 1575 г., решило умелое использование огнестрельного оружия. Однако с заметной разницей, истинное значение которой Хидэёси мог оценить как никто иной: на сей раз, в апреле 1584 г., Иэясу получил преимущество за счет такого количества стрелков, какого никогда не могли собрать Ода. Неодолимая сила денег во всей Японии порождала колоссальный престиж! Иэясу тогда показал себя достойным наследником Нобунага.

Как восстановить положение? В распоряжении Хидэёси было два средства — заключить мир с Иэясу, пока антагонизм не обострился еще сильнее, и прибегнуть к покровительству императора, соединить себя с прошлым династии, окружить себя почестями (его хулители обличали их как симптомы навязчивых идей, поиск заемной легитимности).

Первый пункт программы удалось реализовать легко — Иэясу не больше, чем Хидэёси, желал продолжения борьбы, на ненадежный исход в любой день мог повлиять какой-нибудь фактор. Оба хорошо знали и уважали друг друга; ни один не был уверен, что оттеснит другого. После нескольких месяцев взаимного наблюдения они выбрали мир. В качестве залога своей честности Хидэёси отдал за Иэясу свою родную сестру, а к себе на службу принял Хидэясу, сына Иэясу, в качестве пажа и прежде всего заложника.

Теперь на повестку дня встало исполнение второй части программы — император должен был выразить признание в какой-либо форме, и он пожаловал Хидэёси должность *найдайdzина*, министра внутренних дел. Этот

титул не имел постоянного обладателя и не давал никаких реальных полномочий, зато считался высоким саном. Кстати, чтобы получить его, Хидэёси заплатил очень высокую цену: помимо обязательства продолжить восстановление дворца, чтобы наконец провести коронацию императора, он немедленно выплатил изрядное количество серебряных слитков (1000 рё), преподнес большой обоюдоострый меч *тати* и, наконец, дал слово — в 1587 г. он проведет коронацию нового императора, Го-Ёдзэя, который в то время наследует своему отцу Огимати, тогда как последний в возрасте семидесяти лет удалится на покой, так и не получив этой почести. Наконец, благодаря умелому бряцанию оружием Хидэёси в 1584 г. захватил замок Такэхана, принадлежавший Нобукацу в земле Мино: удача навсегда отвернулась от потомков Нобунага, которым по характеру и по уму было далеко как до Иэясу, так и до Хидэёси.

Тогда Хидэёси начал две операции: одну на Сикоку, а другую в провинции Кии (современные префектуры Миэ и Вакаяма), против монахов Нэгородэра и Коясана: вооруженное вмешательство оправдывала уже их политическая и военная активность, но на взгляд дальновидного стратега эти монахи обладали еще и соблазнительной собственностью — лучшей мануфактурой по производству огнестрельного оружия во всей Японии. Первым был атакован Нэгородэра, и сорокатысячная армия быстро обратила его в пепел. Надо было дать острastку — Хидэёси громко и с силой провозгласил это в 1585 г. в письме монахам Коясана, которые, хоть и принадлежали к эзотерическому буддизму Сингон, а не к группе буйных Икко, тем не менее изменяли долгу своего сословия:

...Монахи, священники пренебрегли своими религиозными занятиями. Производить и накапливать бессмысленное оружие, мушкеты и прочее — измена и зло...

...Увидев своими глазами, что гора Хиэй и храм Нэгоро были в конечном счете разрушены за мятеж против Короны, вы легко это поймете (*Berry*. P. 86).

Это предостережение дошло до Коясана, и его монахи в марте 1586 г. спешно сложили оружие. К счастью, потому что они поддерживали Токугава Иэясу и не преминули бы при случае нанести «Обезьяне» удар с тыла.

Тогда началась кампания на Сикоку — любопытная операция, потому что Хидэёси впервые отважился выйти за пределы тех полей сражений, где он прежде одерживал победы, воюя за дело Ода. Это было началом экспансионистской политики заново централизованной власти — настолько выраженной экспансии, что через семь лет он даже попытается выйти за пределы архипелага, сочтя их слишком тесными. Поход, начавшийся в июне 1585 г., закончился в августе победой Хидэёси. Сюзерены острова, род Тёсокабэ, перестали быть безраздельными властителями этой территории, но зато получили огромный лен. Сохранив тем самым место первых феодалов острова, они примкнули к Хидэёси, чья политика представляла собой ту умелую смесь запугивания и великодушия, которая позволяла ему удерживать первенство: быть на его стороне означало выигрывать.

В самом деле, с этого момента Хидэёси как будто выработал линию поведения. Едва Сикоку был «замирен», он попытался использовать тот же опыт в Эттю (современная префектура Тояма), где разгром Сасса Наримаса — бывшего вассала Ода, не скрывавшего враждебности к Хидэёси, — выразился, как он и обещал, в передаче лена верному Маэда Тосиизэ, но без всякого кровопролития: Наримаса, побежденный, сам пришел к Хидэёси с бритым черепом и в монашеском облачении, тем самым дав знать о своем отречении от треволнений мира, истинные силы которого он не сумел оценить верно. Это стремление остановить неумолимую машину войн в отместку, чтобы вернее заняться восстановлением, привычка пугать

людей, чтобы лучше их устроить, с того года определяли оригинальную политику Хидэёси — строитель хотел стать сильнее воина.

Одно письмо к Нэнэ, его жене, придает человеческое измерение этому почти механическому перечислению походов и подвигов:

...[Сасса Наримаса] несколькими способами совершил покаяние; поэтому я просто конфисковал его поместье и сохранил ему жизнь; вчера я отослал всех его вассалов в Киото. Им дали средства для существования, но его резиденция в Тояма была разрушена. Я отдал всю провинцию [вокруг Тояма] Маэда Тосиизэ. Отделавшись таким образом от этого дела, я вывел свою конницу и сегодня выступаю на Канадзава... Я вернусь в Осаку к двадцатому... Я снова чувствую себя хорошо, но не писал раньше, потому что это было для меня слишком сложно (7 августа 1585 г. *Boscaro*. P. 21–22).

За несколько месяцев Центральная Япония вновь пришла к согласию, чего не удавалось добиться почти три века, и обрела центр. Было ли это из стремления выразить благодарность, а также желания, чтобы столь благорасположенный человек оставался у власти, — но еще до завершения захвата Сикоку, в июле 1585 г., император возвел Хидэёси в ранг, невысказанный для военного, *кампаку*, самый высокий придворный сан, которого быстренько лишили прежнего обладателя, Нидзё Акидзанэ, бесцеремонно отправленного в отставку.

Должность *кампаку* восходила к IX в.: первым этот титул получил в 880 г. один из членов очень знатного рода Фудзивара, Мотоцунэ. Регент при взрослом императоре, он играл роль премьер-министра; как посредник между сувереном и чиновниками он был первым лицом государства. Конечно, с конца эпохи Хэйан эта должность быстро утратила реальный вес в администрации, но титул сохраняет престиж до самой реставрации империи в 1868 году.

Церемония возведения Хидзэси в этот сан осуществила его старую забытую мечту — примирение между военными и придворными: те и другие толпились на спектакле театра *но*, показанном по этому торжественному случаю. Более чем когда-либо Хидзэси олицетворял вновь обретенное единство старой Японии: возможно, суверены хотели не столько выразить ему признательность в материальной форме, сколько поддержать его в этом качестве, ловко соединив историческую легитимность и политический гений.

Через несколько месяцев, чтобы показать себя более достойным нового чина, Хидзэси попросил разрешения еще раз поменять родовое имя: в 1585 г. он выбрал имя Тоётоми, «министра, исполненного великодушия». Как он и желал, под этим патронимом он войдет в историю.

Однако простого преобразования имени было недостаточно: по традиции титул *кампаку* всегда присваивали потомку Митинага (966–1027), самого знаменитого из Фудзивара. Выход был только один — крайне срочно и любой ценой найти какое-то родство Хидзэси с семейством Фудзивара; это было сделано, когда Коноэ Сакихиса — потомок Фудзивара — формально усыновил его, в то время как разным членам его семьи, прежде всего матери и жене, были предоставлены разные придворные чины; эта щедрость понемногу распространилась на всех вассалов клана, и в результате вновь вошли в обращение протокольные формы, некогда соблюдавшиеся в отношении *сёгунов* Асикага и их свиты.

Оставалось закрепить, и Хидзэси очертя голову принялся возводить свои дворцы грёз — Дзюракутэй в Киото и замок Осака, строительство которого началось в 1583 г. недалеко от Осаки, на побережье.

Странная компенсация вреда, нанесенного нескончаемой войной, в стране, которую так долго разоряли феодальные распри. Надо было отстраивать все или почти все, но следовало считаться с двумя требованиями. А именно —

воссоздать былой блеск и отразить происшедшие перемены: окончательное подчинение буддийского духовенства, которое терпят и которому покровительствуют при условии, что оно повинуется; насаждение христианской веры, которую сначала поощряли, а потом воспринимали все хуже и хуже, веры, столь чуждой всему, что знала Япония до тех пор; подъем воинов в ранг аристократии, достигнутый неустанной борьбой и утвержденный властью.

Из чаяний этих людей, настолько разных и разделенных острым соперничеством, проистекало чувство, которое те и другие испытывали с равной интенсивностью, — любовь к грандиозному в сочетании с желанием создать новый образ жизни, не отказываясь, однако, от традиций двора или *сёгунов* Асикага, главных опор национального духа. Возник стиль «библиотеки и дворца» (*сёин*), просторных залов, геометрию которых можно было менять с помощью хитрой системы подвижных дверей, открывая или пряча помещения, чтобы точно приспособлять пространство к ситуации и к количеству присутствующих. Это усовершенствование традиционного японского дома выросло из изобретения, на первый взгляд незначительного, — умелого применения опор квадратного сечения, а не круглого, как колонны прежних эпох. Образец, Хиункаку, сегодня сохранился в Ниси Хонгандзи в Киото — имеется в виду элемент первого дворца в Киото, Дзюракутэя, который Хидэёси был вынужден разобрать в 1595 г., предложив монахам Икко вновь поместить в столице некоторые его обломки.

В нем можно узнать основные элементы архитектуры *сёин*: деревянные столбы, поверхность которых не покрыта ничем или просто отлакирована, но уже не отделана алым лаком; изящные этажерки, поставленные у окна, где расположен стол для чтения; альков, где, как в храмах дзэн-буддистов, достаточно вазы, цветка, картины, чтобы задать тональность комнате, в остальном лишенной украшений, и указать место гостю. К этим особенностям

интерьера, позаимствованным у сёгунов Асикага, роскошные военачальники XVI в. добавили богатейший декор, скользящие двери и кессонные потолки (последние в Японии были известны со столь же давних времен, как и архитектура в китайском духе), соответствующие пышным шелкам костюмов. Ширмы и стенки, раздвижные или нет, позолоченные, посеребренные или нет, представляли собой прекрасную основу для картин на радость художникам — Кано Эйтоку (1543–1590), Кано Мицунобу (умер в 1608) давали там полную волю своему синтетическому гению, изысканно смешивая традиции черно-белой китайской живописи, яркой и цветной японской живописи эпохи Хэйан и некоторые формы западноевропейской живописи, привнесенные португальскими иезуитами.

За пределами домов самураи и монахи, следуя дзэнской монашеской традиции, сооружали сады камней или создавали изощренные сочетания мхов с разными породами деревьев, образовавшие редкостные гризайли в зеленых тонах. Наконец, между домом и садом они устраивали как можно более совершенные, изящные и удобные переходы с крытыми галереями; причем эти галереи, снабженные рейками с особым скрипом, служили не только для удобства и увеселения, но представляли собой полезную систему сигнализации: тревога война, чьей жизни угрожают, постоянные волнения господина, которого терзает призрак измены, никогда надолго не прекращались.

Самому Хидэеси, уже после смерти, предстояло испытать это на собственном трагическом опыте.

Золотой век Киото

Если сегодня спросить жителя Киото, на какое время приходится золотой век его города, много шансов, что он ответит «на эпоху Хэйан» (эпоху основания города) или «на эпоху Хидэеси», строителя сегодняшнего Киото.

Она началась с восстановления императорского жилища и достигла апофеоза в 1587 г. в возведении собственно дворца Хидэёси, располагавшегося на западной границе тогдашнего города, за жилыми поселениями и с видом на поля, в месте, где когда-то стоял Императорский дворец. Так родился *Дзюракутэй*, «Дворец всех удовольствий», который был разобран в 1595 г. и остатки которого ныне составляют гордость Ниси Хонгандзи — прибежища монахов Икко, которым Хидэёси в 1591 г. разрешил вернуться и поселиться рядом со столицей, что давало возможность изгладить память о былых драмах, а также лучше контролировать их потенциальных участников.

В самом деле, хоть этой пышной резиденции давно не существует, остались изображения на ширмах, столь модных в конце XVI в. и в первой половине XVII в.: на фоне золотых облаков и в ярких красках они представляют великолепие Киото, наконец восстановленное, и рассказывают о жизни в его окрестностях, где в густых лесах прячутся очаровательные долины, освежаемые поющими родниками и горными реками. Один из таких экранов более подробно изображает жилище *Дзюракутэй**, гордость тогдашнего Киото, в городе со множеством дворцов: защищенные циклопическими стенами, грозный облик которых смягчает легкая тень сосен, эти дворцы отражаются на глади прудов или рвов. Военное назначение, конечно, никуда не делось, его олицетворяет донжон, но он превратился в воздушный павильон, взмывающий на четыре-пять этажей или выше; его конек гордо венчают два золотых дельфина, в то время как блестящая черепица, серая или синеватая, тускло мерцает под небом, обличья которого бывают самыми разными. Валы, потерны, дозорные пути принимают здесь облик сказоч-

* Мицуи Бунко, Токио, но выставлен в Киото, в Муниципальном музее.

ных украшений; стены, тщательно покрытые белилами из порошка, получаемого при перемалывании раковин, с окнами, которые затенены решетками с бесчисленными и изысканными рисунками, выражают уверенность в том, что для Киото настал мир.

В Дзюракутэе они также славят бесподобное богатство хозяина, велевшего их воздвигнуть: входные двери с тяжелыми медными створками поворачиваются на двух железных столбах, донжон усыпан звездами, по черепице крыши мчатся тигры с отделкой из драгоценных камней и драконы, словно бы кричащие в воздух, во всех главных воротах есть два прохода, для экипажей и для пеших, личная резиденция Хидзэси крыта, в традиционной японской манере, деревом, но притом изысканным кипарисом, наконец, ансамбль включает то, что необходимо любому сеньориальному дворцу, — помещения для чая, помещения для любования луной и сцену для театра *но*, расположенную в саду.

Что можно сказать об интерьере? На раздвижных стенах, покрытых позолотой и серебрением, скачут тигры и львы или же расцветают цветы четырех времен года, последовательность которых при переходе из комнаты в комнату соответствует совершению церемоний в зависимости от месяца. Хидзэси выбрал лучшего мастера, которого смог найти и который уже показал свой талант в Адзути, дворце его господина, — Кано Эйтоку (1543–1590).

Вокруг, внутри ограды и за оградой, поселилась семья и основные вассалы — к северу, югу и западу от резиденции (с востока простирался город). Во многих из этих сеньориальных домов, часто рассчитанных на многие сотни жителей, также были чайные павильоны и подмости для *но*. В 1591 г. Хидзэси еще расширит квартал своей резиденции, велев снести все городские постройки, отделяющие его от императорского дворца, расположенного параллельно ей, но с другой стороны столицы, на востоке.

Жителям предложат очистить территорию в несколько дней; они должны будут разобрать свои жилища, сделанные из легких деревянных, бамбуковых или глинобитных конструкций, и заново их поставить в другом месте, по возможности в кварталах, где никто никогда не хотел селиться, — например, в Нисидзине, квартале ткачей, расположенном на северо-западе.

Как любитель архитектуры Хидэёси не мог отказать себе в удовольствии перестроить столицу. После десятилетий войн и переменчивой удачи она в этом очень нуждалась. Благоустройство проспектов, перенос больших храмов — перемены из года в год пробивали себе дорогу. Как и можно было ожидать, обычные увеселительные заведения, на появление которых с готовностью соглашались, занимали немного места и служили прикрытием для военного аспекта того, чему предстояло стать градостроительным планом современного Киото.

Как в давнее время, в эпоху созидания Хэйан (794), Хидэёси выдворил за стены города обременительные монастыри, стратегическое значение стен которых он понимал лучше, чем кто-либо; монахи сект Нитирэна, Дзёдо, дзэн, Тэндай должны были за свой счет организовать переселение и обосноваться в местах, где лишь новейшее расширение города создает впечатление, что они входят в городскую черту. Смятение, вызванное этой политикой, ничуть не затронуло традиционных крупнейших святилищ, чья история в большей или меньшей степени сливалась с историей Японии, поскольку они изначально были возведены далеко от центра: так, Нандзэндзи, Тофукудзи, Сёкокудзи, Кэнниндзи, Тодзи, Дайгодзи, Рокухара Мицудзи, Мёхоин, Сандзюсангэндо не шелохнулись, тем не менее все они получили субсидии на реставрацию и улучшение.

Хидэёси желал не потрясений, а опять-таки стремился к восстановлению ортодоксального порядка: с IX в.

японские суверены пытались, успешно или безуспешно, заставить уважать строгое разделение светской и духовной властей.

Те же военные соображения побудили наконец построить городскую стену Киото, которая, хоть и входила — по китайскому образцу — в изначальный план, до сих пор не была возведена. Решение этой огромной задачи, провозглашенной в 1591 г., растянется на пять месяцев и завершится постройкой странного сооружения, скорее имевшего символический характер, чем реально защищавшего город. Но пока что Хидэёси вынашивал другие планы, более срочные, на его взгляд, — установки гигантского Будды, колоссальной бронзовой статуи, сравнимой с той, которая с VIII в. составляла гордость Нара, и еще более важный — возведения нового замка Осака.

То, что Хидэёси обосновался в Осаке, было не случайностью. Его поселение там в самом деле соответствовало определенному количеству военных, исторических и экономических императивов. Осаку прикрывает залив, хорошо защищенный, откуда можно контролировать движение во всей восточной части Внутреннего моря; эта выгодная позиция делает ее лучшим выходом к морю из областей Киото, Нара, Ямато, словом, из всего сердца старой Японии. Это место действительно производит сильный эмоциональный эффект: окружающая равнина усеяна как возвышенностями, поросшими лесом, так и искусственными холмами, венчающими могилы суверенов древности. В эпоху Хидэёси еще не знали, кому их приписать, и путники, используя выражение туманное, но отмеченное той меланхолией, которая благоприятствует мечтам, говорили о «заброшенных могилах Нанива» (*Нанива но ара хака*) — разве могли они себе представить, что это погребения могущественных военных вождей железного века? Ведь для японца XVI в. Осака прежде всего была священным местом — тем, где в 593 г.

заложили первый буддийский храм Ситэннодзи, «Храм четырех царей-хранителей», а потом император Котоку (царствовал в 645–654 гг.) основал Нанива, свою столицу. Но император Котоку — это величайший законодатель Японии, давший ей первый после «Конституции Сётоку-тайси» набор установлений и законов в китайском духе, взаимодействие которых дало возможность для расцвета богатых культур, сначала Нара, потом Хэйан; словом, это было особое место, где прошел весь период вызревания исторической Японии. Со смертью императора Котоку двор покинул это место в соответствии со старинной японской традицией: по правилам синто всякое место, оскверненное смертью, становилось нечистым, во всяком случае, даже если провести обряды очищения, не годилось для дальнейшего проживания императора — источника и символа жизни всего сообщества. Поэтому Нанива оставили, как поступали и дальше со всеми императорскими дворцами и всеми столицами, пока в 710 г. двор не обосновался в Нара: правительственные механизмы стали слишком громоздкими, чтобы перемещать их с каждым поколением.

Представляется вероятным, что Хидэёси оценил историческое значение Осаки, тем более что в течение веков на основе порта сформировался значительный город, не столь блистательный, как совсем близкий Сакаи, но разделяющий с ним фундаментально важную роль «чрева» столицы. Более скромный, он изначально не имел замка — в отличие от Сакаи, благодаря чему вел относительно спокойную жизнь мирного торгового города до 1532 г., когда монахи Икко, изгнанные из Киото монахами с горы Хиэй, построили здесь цитадель, Исиямадзё — это с ней Хидэёси от имени своего господина Нобунага боролся до самого 1580 года. Избавившись наконец от Икко и оцененная Хидэёси, Осака наконец сможет вернуться к своему историческому призванию — торговле.

С 1583 г. Хидэёси без конца строил здесь башни, донжоны и крепостные стены; его примеру последовали вассалы, и вот изнутри и снаружи валов выросли жилища, свидетельствующие о высоком положении их хозяев. Такой приток населения придал городу активность, превосходящую все, что он видел до тех пор, и еще несколько лет — как минимум до 1590 г., когда замок будет сочтен «завершенным», — город будет жить в режиме грохочущей стройплощадки.

Однако сегодня от этого великолепия осталась лишь бездушная декорация — бетонный замок: после смерти Хидэёси, в 1615 г., Токугава Иэясу разрушит основную часть крепости, а бомбы второй мировой войны уничтожат то небольшое, что от нее оставалось, спалив в одном пожаре все части замка, которые с XVII по XIX век восстановили Токугава. Но эти драмы выходят за рамки истории «Обезьяны», которая тогда достигла самого славного периода в своей жизни.

Глава VII

**КАК ДАЛЕКО
ПРОСТИРАЕТСЯ МИР?**

Мир в представлении Хидэёси

В этом-то новом замке Осака, еще строящемся, в 1586 г. Хидэёси принял удивительный визит двух иезуитов — вице-провинциала Гаспара Коэлью и отца Луиша Фроиша.

Правду сказать, Хидэёси никогда безоговорочно не одобрял несколько легкомысленного благоволения, которое оказывал иностранным священникам Нобунага; их церемонии, их проповеди, их столь хорошо подвешенные языки вызывали подозрения, по меньшей мере настороженность. Но разве вместе с ними не появились вещественные и восхитительные богатства? Образы, которым он никогда не уделял большого внимания, прошли у него перед глазами: сахар, который иногда подавали в доме Нобунага, редчайший продукт, торговля которым начала развиваться после того, как на Филиппинах обосновались испанцы; шелк, в виде сырца или ткани, из которого сделаны его одежды и который теперь импортировали в больших количествах из Вьетнама, Бенгалии, Персии, поскольку японское производство покрывало лишь малую часть потребностей, а после того, как в 1557 г. Китай закрыл доступ для японских купцов, им приходилось искать этот драгоценный товар даже в портах Юго-Восточной Азии. Такое путешествие было долгим, дорогостоящим, рискованным для японского корабля, не очень эффективного по сравнению с китайским или корейским судном. Эти диковинные чужеземцы, прибывающие с Запада, решительно оказывали большие услуги, бродя по морям на своих толстощеких кораблях и распределяя блага.

Вот почему, кстати, Нобунага когда-то (в 1571 г.) открыл порт Нагасаки для иностранной торговли, и вот почему в Центральной и особенно в Западной Японии *даймё* всеми способами пытались раздобыть разменную монету, необходимую для получения сокровищ, прибывающих из других мест, так что за несколько лет поиски и разработка золотых и серебряных рудников получили развитие, еще недостаточное, но уже превосходящее ожидания. В самом деле, иностранных купцов не привлекла бы обычная медная или бронзовая монета — китайские сапеки, которые обычно ходили на внутреннем японском рынке и которыми каждый сеньор манипулировал по своему усмотрению; эта практика была неудобна для торговли между общинами, и Хидэёси старался ее упорядочить, создавая тем самым зачатки национальной монетной системы.

Что касается *даймё*, то некоторые из них улаживали дело совсем просто. Они отдавали иезуитам серебряную руду, которой владели, получая взамен золото или шелк. Высокий западный корабль увозил их сокровища в Макао и через несколько месяцев возвращался с драгоценным грузом; спрос в Японии так вырос, что некоторые иезуиты, официально или официозно, даже оплачивали за его счет свою апостольскую миссию. Повышая из года в год цену на золото, они получили существенные суммы, которые во многом могут объяснить прочность и быстроту их внедрения в Японии с 1550 по 1580 годы. Но около 1570 г. Кабрал и Валиньяно, а потом испанские францисканцы — тоже теперь приехавшие — изобличили их в Риме, заклеив торговлю, которую ведут люди Божьи; скандал принял такие масштабы, что в 1585 г. папа повысил ассигнования иезуитам, чтобы помочь им в их нуждах, и взамен запретил им заниматься любыми видами торговли.

Говорили ли Хидэёси об этом отцы Коэлью и Фроиш? Конечно, нет! Зато они только и твердили, что о неверо-

ятной авантюре — путешествии на край света, пределы которого резко изменились. Слышали ли они о японце, крещенном под именем Бернардо, ученике Франциска Ксаверия, в 1553 г. добравшемся до Португалии и через четыре года умершем? Конечно, тоже нет! Они несомненно ничего о нем не знали. Зато они могли без конца говорить о миссии, которую в прошлом (1585) году три *даймё* с Кюсю — Отомо Ёсисигэ, Арима Харунобу и Омура Сумитада согласились отправить в Рим, Португалию и Венецию. Японские «послы» — так они говорили фактически о подростках — выказали восхищение оказанным приемом, особенно в Венеции, и роскошными подарками, которые им преподнесли: шелками и дамастом, зеркалами, муранским стеклом.

Постепенно представление о новых горизонтах, источниках необходимых богатств, оформилось в уме Хидэёси, и он начал уноситься мыслью за пределы Японии, пространства которой прежде столь плотно заполняли его жизнь.

Островное положение и следование религии (буддизму), возникшей и развившейся вне архипелага, с самого начала исторических времен удерживали Японию от очень распространенного соблазна — вообразить себя пупом Земли. Все великие государственные деятели, все великие монахи и даже величайшие художники, как Сэсю в XV в., всегда обращались к материку, черпая из китайской модели вдохновение для создания политической организации и для размышлений — пусть даже о том, как эту модель изменить и приспособить к потребностям японского общества.

Рождение и освящение феодализма режимом Минамото в конце XII в. только резче выделило эту тенденцию: *сёгуны* эпохи Камакура извлекали основную часть как материальных ресурсов, так и интеллектуальной жизнеспособности из прямых и частых связей с Китаем через

голову императорского двора, уснувшего в своей изоляции и приверженности обрядам.

Но Хидэёси, человек изначально малообразованный, мог ли вступить в этот космополитический поток, тем более что китайский сосед не облегал его задачи?

По золотому правилу Срединной империи вокруг Китая не могло быть дружественных, соседних или союзных стран, а лишь мелкие царства-данники, официально или фактически находящиеся в вассальной зависимости. Японцы, вполне признавая все блага, которым они были обязаны своему великому образцу, всегда более или менее категорично не принимали этой системы, что не создавало постоянного беспокойства для китайского правительства. Императоры династии Сун (960–1279), удалившиеся во внутренние области Китая, где хозяйство процветало, не удивлялись этому сверх меры. Зато монголы, основатели династии Юань (1279–1368), не знали иного языка, кроме языка оружия; они были единственными властителями Китая, попытавшимися вторгнуться на Японский архипелаг, но потерпели неудачу, о которой известно. Когда к власти вернулась национальная династия — Мин, события приняли иной оборот и во многом объясняют отношение Хидэёси, порой грубое и переменчивое, к тем, кто приходил извне.

Когда Хунью* — основатель династии Мин — пришел к власти в конце XIV в., отобрав у монголов Китай пядь за пядью от приморских провинций до Юга, о Японии и ее жителях он знал только по пиратам, которые при помощи пособников всех национальностей разбойничали на море и постоянно разоряли юго-восточное побережье империи. Это было скверным началом. Потом, в 1380 г., к нему явилось японское посольство, представляющее

* Хунью — девиз царствования императора Чжу Юаньчжана, храмовое имя — Тай-цзу, посмертное имя — Гао-хуанди.

так называемый «южный» императорский род: это как раз был период «раскола» Японии между двумя императорами, известный в истории под названием эпохи «Северной и Южной династий». Посольство возглавляли два почтенных монаха, Мэйго и Ходзё, вручивших свои верительные грамоты, из-за которых как раз и случился скандал: сёгун Асикага, подписавший грамоты от имени «южного» императора, написал не смиренную записку от страны-данника, какой ждал от него китайский закон, а изящное послание, адресованное тому, кого он считал равным себе в китайской иерархии, — первому министру правительства Китая.

Хунью был этим так возмущен, что взял на себя труд сам найти хлесткие слова выговора, чтобы адресовать их наглым японцам:

Глупые восточные варвары! Ваш царь и ваши придворные не умеют себя вести; вы посеяли замешательство среди всех своих соседей. Некогда вы учинили беспричинный раздор, а в этом году ваши люди отрицают истину и утверждают то, что ложно. Отнесясь к их словам с недоверием, мы расспросили их и обнаружили: вы желаете выяснить, кто из нас двоих сильнее... Не должно ли это с неизбежностью привести вас к катастрофе? (*Wang Yi-t'ung*. P. 17.)

Конечно, японцы могли бы проявить больше осмотрительности, и, может быть, они не столь невиновны, как кажется. Четырьмя годами раньше, в 1376 г., первая, менее официальная делегация уже вызвала ярость у Хунью, который вознегодовал:

От Японии нас отделяет только открытое море. Нужно пять дней и столько же ночей, чтобы пересечь его при попутном ветре. Вы поступили бы намного лучше, если бы почитали волю Неба... чтобы избежать катастрофы, какой стало бы для вас китайское вторжение (*Wang Yi-t'ung*. P. 16–17).

Но, сколько бы ни бахвалился суверен, все зависело от моря — эту истину островитяне не забывали никогда, и эта она вдохновит в 1382 г. человека, личность которого так и не была установлена, написать письмо, каких ни один китайский император не получал до появления «западных» варваров:

Я слышал, порядок установили Три Высоких Правителя и вслед за ними поочередно правили Пять Императоров. [Это одно из основных положений традиционной китайской мифологии.] Почему только Срединная империя могла бы иметь своего властителя, а не варвары? Земля и Небо обширны; ни один суверен не мог бы их присвоить. Вселенная огромна, и каждый край создан, чтобы иметь собственные законы. Мир теперь принадлежит миру, а не одному-единственному лицу. Я живу в Японии, далекой и слабой, но маленькой и уединенной. У нас меньше шестидесяти городов; наша территория не тянется и на три мили [ли]. И тем не менее этого нам довольно. Ваше Величество — правитель Срединного царства; он владеет 10 тысячами колесниц, несколькими тысячами городов и земель более чем в миллион [ли], и тем не менее этого ему мало, и [Ваше Величество] постоянно думает о завоевании и разрушениях...

Я слышал, что Поднебесный двор готовит план войны. У этой маленькой страны тоже есть план, как встретить врагов. В литературе у нас есть полные достоинства сочинения Конфуция и Мэн-цзы, в военном искусстве нам ведомы стратегии Сунь-цзы и У-цзы. [То есть японцы в совершенстве знают китайскую литературу.]

Я также слышал, что Ваше Величество выбрали лучших своих полководцев и послали своих отборных солдат, чтобы захватить мою территорию. Наша страна сделана из воды и земли, из гор и морей; когда Ваши полководцы придут, мы выйдем им навстречу с войсками. Как могли бы мы встать на колени на дороге и воздать им почести?

Жизнь не обеспечена, если мы последуем за вами; смерть не обязательно придет, если мы поднимемся против вас. С чего бы мне страшиться, если нам предстоит встретиться... на рыцарском поединке? Если вы победите и мы проиграем, ваша страна будет удовлетворена. Но если мы выиграем и вы проиграете, эта маленькая страна будет вас презирать.

С древних времен всегда было лучше заключать мир и избегать войны, чтобы избавлять людей от бедствий и спасать народы от трудностей. Я нарочно посылаю гонца, чтобы он простерся на красных ступенях [Дворца]. Пусть Ваше Величество подумает надо всем этим (*Wang Yi-t'ung*. P. 18–19.).

Похоже, Хунью все-таки получил это послание. Он прекратил похвальбу по отношению к противнику, который не играл в высокопарную китайскую игру и больше верил в силу оружия, чем в силу слов. Немного опасаясь потерпеть неудачу того же рода, какую сто лет назад потерпели монголы, тем более что и в самом Китае его позиции еще по-настоящему не упрочились, Хунью отказался от всяких завоевательных планов. Оставались пираты, на чьи злодеяния — похоже, вполне реальные, — по-прежнему жаловались подданные в приморских провинциях. С 1383 г. он предпринял строительство пятидесяти пяти портов вдоль всего китайского побережья, а в 1387 г. на реках Фуцзяни появилось шестнадцать дополнительных защитных укреплений. Огородив тем самым свою страну второй «Великой стеной», на сей раз прибрежной, Хунью просто-напросто пресек все отношения с «варварскими» странами и особенно с Японией.

Связи между обоими правительствами восстановились лишь постепенно, в начале XV века. Для Китая это был период блистательного царствования Юнлэ*, а для

* Девиз правления третьего минского императора Чжу-ди, храмовое имя — Чэн-цзу, посмертное имя — Вэнь-хуанди.

Японии — правления сёгуна Асикага Ёсимицу, которого обессмертило строительство на севере Киото «Золотого павильона», чей блеск, как и странная история, всегда восхищал толпы. Полностью изменив японскую политику в отношении Китая, Ёсимицу выказал полную покорность и даже позволил навязать себе титул «царя-данника», который японскому суверену присвоил китайский двор. В 1404 г. японское посольство привезло в Киото тяжелую золотую печать, которую сёгуны отныне должны были использовать, заверяя переписку с Китаем. Так Ёсимицу согласился на то, что двадцать лет назад казалось оскорблением. Смирение столь же удивительное, как и гордыня его предшественников!

Но для этого было много причин: искреннее восхищение, которое пламенный буддист Ёсимицу питал к стране, откуда к нему шли тексты и доктрины; сильное желание и, может быть, еще в большей степени настоятельная потребность японского общества восстановить торговые связи с материком; наконец, подарки, получаемые в обмен на дань, перепродажа которых могла принести безденежному Ёсимицу полезные средства. Однако его надежды не сбылись — в Японии развился мощный национализм, мешавший действию факторов, которые способствовали открытости, и в конечном счете очень быстро преодолевший их.

Китайско-японские связи восстановились лишь лет через тридцать, в 1432 г., по инициативе китайского императора Сюаньдэ*, желавшего вновь включить Японию в массу стран-данников Китая. Со своей стороны тогдашний сёгун, Асикага Ёсинори, мало озабоченный великими принципами, тоже видел в этой ситуации определенную выгоду: японский рынок фактически очень сильно зави-

* Чжу Чжань цзи — пятый император минской династии, храмовое имя — Сюань цзун.

сел от денежных средств, которые выплачивал китайский император в обмен на предметы, отдаваемые в качестве дани. Эти китайские монеты, поступавшие от правительства Срединной империи либо более или менее тайно привозимые китайскими или японскими купцами и пиратами, составляли основной монетный запас архипелага, позволявший вести обмен торгового характера вплоть до глубокой провинции.

Преемник *сёгуна* Ёсинори, Ёсимаса — он тоже был создателем чудесного дворца, только расположенного на сей раз в восточной части Киото и известного сегодня как «Серебряный павильон», — продолжил политику предшественника, систематизировав ее. В 1453 г. он направил в Китай посольство из тысячи человек. Оно включало многочисленные делегации и прежде всего представителей великих храмов из окрестностей Киото: Тэнрюдзи, Тономинэ, Хасэдэра. Храм Тэнрюдзи, основанный в 1339 г. Такаудзи, первым *сёгуном* Асикага, с XIV в. сделал успешную торговую карьеру, получив разрешение отправлять в Китай корабли за предметами, необходимыми для оборудования храма; со временем интерьер храма был завершен, но лицензия на ввоз китайских изделий на «кораблях Тэнрюдзи» (*Тэнрюдзи бунэ*) осталась за ним; грузы, привозимые в Японию, монахи продавали или обменивали. Тономинэ отличился прежде всего в борьбе между двумя императорами, во время династического раскола; его монахи-воины в свое время поддержали Южную династию и теперь искали, к чему приложить свою энергию. А в Хасэдэра находился знаменитый храм Каннон, богини милосердия, в котором и возникла традиция связей с Китаем.

Эта японская делегация, напоминавшая небольшую армию, привезла с собой товары в количествах, тоже совершенно удивительных: в целом более миллиона катти (около 500 тонн) серы, медной руды, редкой древесины,

как сандал, которые все вместе стоили целое состояние. Но китайцы не испытывали нехватки в этих товарах, которыми обладали сами либо предпочитали их заказывать, когда считали нужным. Поэтому взамен на эту поразительную «дань» они предложили заплатить за каждый подарок сумму, рассчитанную на основе цен, которые существовали лет двадцать назад, в 1432 г., когда император Сюаньдэ восстановил отношения с Японией. Японские посланники выразили протесты, которые можно себе представить, устроили при дворе большой шум и даже высказывали угрозы, чтобы император не настаивал на «покупке» товаров за цену, ставшую смехотворной; это ничего не дало, хоть инцидент едва не обернулся побоищем, и японская делегация была вынуждена отбыть, утратив все надежды и, может быть, даже всякую возможность возместить свои расходы.

Природа дани, выплачиваемой японцами, почти не менялась с течением лет. В ее состав всегда и почти в одинаковом количестве входили лошади, веера, расписные ширмы, чернильные камни, заплавленные в стекло украшения, агаты, а также целая масса оружия, мечей, копий и доспехов, которые китайцы очень ценили. Наряду с этими «подарками» как таковыми японцы привозили также товары, которые в соответствии с законом о дани оплачивались или обменивались на другие, считавшиеся равноценными, — в этом состояло все отличие от посольства 1453 г., решившего, что его одурачили, тогда как на самом деле оно дезорганизовало рынок, переполнив его. Таким образом, о выходе за узкие рамки дани можно было договориться — само китайское правительство разрешало продавать на внутреннем рынке товары, поставленные в слишком большом количестве, чтобы двор мог оставить их себе, или признанные недостаточно качественными.

К сырью, полностью входившему в эту категорию «выплачиваемой дани», японцы добавляли и продукцию

своих ремесленников, зная, что китайцы ее ценят: драгоценные изделия из золоченой бронзы, лаковые изделия и прежде всего письменные приборы, искусно украшенные крупинками золота и серебра — изделия, техника производства которых на материке была почти утрачена, тисненую оленью кожу, курильницы для благовоний, инкрустированные золотом и перламутром. Каждый член японского посольства — которому при китайском дворе всегда делали подарок сообразно его рангу — мог также получить от своего руководства разрешение продать подобные изделия бесчисленным чиновникам и придворным, населявшим Запретный город, и оставить деньги себе: какие прибыли это сулило! Каждый вкладывал в это собственные средства, так что в 1511 г. глава японской делегации и его заместитель привезли по 100 клинков мечей, как и координатор миссии (*со бугэ*); их помощники приготовили по 50 и 30 клинков, монахи сбыли по 10 клинков, а к капитанам кораблей руководство благоволило больше — каждому из них разрешалось вывезти по 20 клинков, тогда как переводчики имели право только на три. Эта коммерция несомненно шла хорошо, коль скоро в 1549 г. она началась вновь, но на сей раз торговали веерами: чиновники китайского двора вооружились на несколько поколений вперед, надо было им продавать что-то другое!

Китайские подарки, преподносимые в обмен на дань, традиционно включали в себя серебряные и медные монеты, а также штуки ткани. Но при случае двор умел продемонстрировать щедрость. Так, в 1406 г. Цензорат велел от имени китайского императора, чтобы гора Асо, крупнейший вулкан на Кюсю, была названа «Горой Долгой жизни, Мира и Национального примирения»; за это Сын Неба жаловал японцам 1000 *лянов* серебра, 200 рулонов ткани, сотканной из золотых нитей, много рулонов шелка, 60 костюмов из шитой парчи, 3 серебряных

капельницы и 4 таза, атласные занавеси, покрывала, керамические подушки и, чтобы все доставить, два судна дальнего плавания — то, в чем японская технология отставала больше всего.

Иногда японцы особо просили каких-то подарков или покупали китайские изделия, например, фарфоровые, от которых они были без ума. Миссия 1511 г. даже приобрела загадочный «белый порошок», который вполне мог быть каолином.

Когда Ёсимаса собрался в 1456 г. отправить новое посольство, второе в его правление, он предпочел просить о посредничестве корейского царя, опасаясь, что японцы оставили по себе в Пекине очень плохую память! Но ситуация изменилась, и теперь уже не было речи о многочисленной и надоедливой делегации. Саму сёгунскую власть терзала бедность, во многом оправдывающая выплату дани ради получения дохода. И положение японских инвесторов было, похоже, не лучше: флотилия достигла Китая только в 1469 году. Она состояла всего из трех кораблей: сёгунского («Идзумимару») и двух других, снаряженных могущественными семействами, Оути (которые владели «Тэрамару») и Хосокава (собственников «Миямару»).

Это не упростило жизнь китайских чиновников: быстро оказалось, что частные судовладельцы, чью смелость и прозорливость надо отметить, — опасные торговые партнеры, постоянно недовольные. Не добившись того, чего хотели, от китайских властей, они даже посмели на обратном пути конфисковать груз с корабля *сёгуна*, чтобы компенсировать себе неполученную прибыль и сделанные издержки. Они захватили и двойные инсигнии, обладание которыми давало в глазах китайских таможенников право иностранным кораблям заходить в китайские порты. Лишившись инсигний, корабли *сёгуна* сильно рисковали, что с ними обойдутся как с пиратскими, и бедный

сёгун был вынужден вновь прибегать к посредничеству корейского царя, чтобы объяснить ситуацию Сыну Неба. Это посольство, роковое для репутации рода Асикага и представления о сёгунской власти как о реальной, тем не менее ознаменовало выдвижение семейств, сумевших скопить капиталы и вложить их в операции большого масштаба.

Итак, вот в какие рамки вписывались события, о которых Хидзёси имел (или мог получить) непосредственные сведения. Время его молодости совпало с новым периодом ужесточения отношений; поскольку сходные причины вызывают идентичные следствия, торговые отношения с Китаем с 1557 г. прервались — ужасные *вако*, пираты, которых называли японскими, опять взялись за свое дело, еще раз оправдав гнев Сына Неба. Но в 1567 г., за год до того, как Хидзёси поступил на службу к Нобунага, запрет был снят. Японцы возобновили торговлю, прежде всего с Юго-Восточной Азией, куда ходили за шелком-сырцом. Иногда они натыкались на китайские колонии, основанные за морем, и вступали в контакт с португальцами, появившимися в Малакке с 1511 г., и испанцами, достигшими Филиппин в 1521 г. (в Маниле они обоснуются в 1571 г., а до Японии доберутся только в 1582 г., в самый год смерти Нобунага). О голландцах Хидзёси так ничего и не узнает: они прибудут в далекий Бантам лишь в 1596 г., как раз за два года до его смерти, и прочно обоснуются там с 1603 года.

Великие роды — такие, как Оути, вымершие с 1555 г., и Хосокава, по-прежнему процветавшие, — более чем когда-либо были заинтересованы в этой торговле и обращались к неожиданным источникам новых доходов. *Даймё*, особенно из Западной Японии, пытались попросить в этом и свои силы, но им была нужна монета из драгоценных металлов для оплаты. Тогда они предприняли огромные усилия по разведке месторождений, и вот

уже происходила разработка пятидесяти золотых рудников и тридцати серебряных. Некоторые *даймё*, как было известно Хидэёси, посылали серебро иезуитам в Макао, чтобы получать золото — редкое в Японии, несмотря на все обнаруженные тогда залежи, многочисленные, но бедные, — или шелк; другие, как Хидэёси — несомненно более прозорливые — обменивали свое серебро на свинец, покупая его у иностранцев: металл, возможно, и неблагородный, но из него делали пули! Так что, несмотря на растущее раздражение эксцессами христианских *даймё* Кюсю, которое вскоре, в 1587 г., проявится, Хидэёси использовал все возможности, чтобы угодить иностранцам: он дал испанским купцам гарантию, что правительство выкупит то, что не купят японские негодяи; он не терпел ни «непроданных товаров», источника больших убытков, ни конфискации товара таможенниками, как это постоянно практиковалось в Китае; Япония в то время стала едва ли не раем для заморских купцов.

Тем не менее интересовался ли Хидэёси миром, расположенным за пределами архипелага? Было ли у него время для этого? Знал ли он, чтобы обратиться к незнакомцу, иные языки, кроме языков оружия и материальной выгоды? В конце жизни он без околичностей напишет об этом вице-королю Индии (португальскому администратору в Гоа), который до того передал ему послание через отца иезуита: у нас есть своя философия, по которой мы можем дать вам разъяснения и которая превосходна; поэтому перестаньте говорить нам о вашей, которая нас не интересует; отношения определяются только факторами силы и эффективности:

...Моя страна, включающая шесть десятков провинций, за многие годы пережила больше смятений, чем мирных периодов... С юности я размышлял об этой прискорбной ситуации... [и наконец] я снова обрел спокойствие. За несколько лет единство народа

установилось на прочных основах, и теперь чужеземные народы, близкие и далекие, несут нам дань. Весь мир повсюду ищет лишь повиновения мне.

...Хотя моя страна теперь в безопасности, я не потерял надежды распространить свою власть на народ династии Мин. На своем плавучем дворце я могу достигнуть Срединной империи в мгновение ока. Это будет так же просто, как коснуться ладони моей руки. Я воспользуюсь им, чтобы посетить вашу страну, каким бы ни было расстояние или различия между нами...

Несколько лет назад в мою страну приехали так называемые отцы, чтобы околдовать наших мужчин и женщин, духовенство и мирян. Мы покарали их, и то же самое будет, если они вернуться, чтобы распространять свою веру. Какой бы ни была секта, какой бы ни была сила, которую они представляют, они будут уничтожены. Тогда будет слишком поздно сожалеть об этом. Но если вы желаете установить дружеские связи с этой страной, [знайте, что] моря теперь свободны от угрозы со стороны пиратов и купцы могут въезжать и выезжать беспрепятственно. Помните об этом...
(*Sources of Japanese tradition*. P. 325–326.)

Открытие или закрытие мира? Невозможность выйти за рамки кругозора ленного вождя, бахвальство гениального, но тщеславного бретера? Или трогательная попытка постичь этот мир, постоянно ускользающий? Ясно было одно: следовало наложить руку на Кюсю, порт — выход в мир, ключ к прибыльной торговле, доходы от которой представлялись ему тем нужней, что император только что, в 1586 г., возвел его в еще более престижное — а значит, и разорительное — достоинство *дадзэдайdzина*, первого министра и председателя Высшего совета, должность, созданную в 671 г. и в принципе предназначенную только для принцев императорского рода.

И вмешалась судьба: Отомо Ёсисигэ, христианский властитель земли Бунго (современная префектура Оита), тот самый, который недавно отправил эмиссара в Рим,

попросил помощи и поддержки против ярости одного южного клана — Симадзу с вулканической территории Сацума (современная префектура Кагосима).

Кюсю

Ситуация на Кюсю сулила много выгод, но создавала столько же реальных или потенциальных угроз. Любая масштабная военная операция на какой-то момент ослабляет базы нападающей стороны, из которых временно выводятся гарнизоны. А ведь с фланга у Хидэёси оставалось два грозных противника: Ходзэ Удзимаса в Сагами (современная префектура Канагава) и Датэ Масамунэ в Муцу (северо-восток Хонсю). Конечно, их территории находились за пределами больших торговых маршрутов и потому как будто не имели будущего, во всяком случае, международного будущего, а потому не сулили баснословных выгод, каких можно было ожидать от южных островов: финансовые соображения имели для Хидэёси чрезвычайно большой вес, когда он принимал решение обрушиться прежде всего на Кюсю. Может быть, еще в большей степени эти соображения занимали людей, которые тогда финансировали поход: купцы из больших городов надеялись получить большие барыши благодаря перевозкам товаров, которые могли бы совершать китайские и западные корабли. Этот коммерческий интерес был настолько силен, что Хидэёси упоминал о нем в одном из писем, которое написал для Кобо, одной из камеристок своей матери (?), чтобы та передала письмо его любовнице: здесь сплелись в один клубок политика и алчность, в равной мере феодальные.

...Я рассчитывал немедленно отдать приказ о завоевании Цукуси и послать всадников... в Кагосима, где находится замок-резиденция Симадзу, и обезглавить его. Но поскольку он удалился от мира, обрив голову

[в знак того, что] он покидает мирскую жизнь, делать нечего. Я оставлю его в живых.

Через два-три дня я сам направлюсь в Кагосима и дам своим людям необходимые указания по управлению поместьем. Потом, числа 24 или 25, я еду в Хаката в земле Тикудзэн. Это место, куда приходят китайские корабли и корабли из стран западных варваров; вот почему я отдам приказ усилить крепость и оставлю там некоторое количество своих людей.

Все люди из провинций Цусима и Ики послушно прибыли ко мне на службу.

Я заберу с собой в Киото всех родственников Симадзу... (9 мая 1587 г. *Boscaro*. P. 29.)

Эта кампания на Кюсю полностью как по размаху, так и по дальности отличалась от всего, что Хидэёси предпринимал раньше. Мало того, что его армия находилась очень далеко от своих баз, на территории, топографию и климат которой она знала плохо, но она столкнулась здесь с отборными войсками, находящимися в хорошей форме, — войсками земли Сацума, возглавляемыми потомком наложницы Минамото-но Ёритомо — Симадзу Ёсиниса (1533–1611), отбрасывавшим свою тень чуть ли не на весь остров. Зато его властность дала и Хидэёси неожиданный шанс — найти союзников среди представителей других кланов Кюсю, таких, как Рюдзодзи в Хидзэне (современная префектура Сага) или Ототоми в Бунго (современная префектура Оита), которым не терпелось вернуть себе независимость.

Пока его армии постепенно переходили в боевое состояние под командованием Мори Тэрумото, ставшего надежным союзником, Хидэёси, верный своей привычке чередовать угрозы и дипломатию, написал письмо Ёсиниса, выразив удивление, что семейство Симадзу мало того что не прислало императору ежегодных подарков, так еще и захватило земли соседей. Гонец [Сэнгоку Хидэхиса] вскоре вернулся с резким ответом семейства Симадзу:

Хидэёси захватил императора; приказы, которые отдаются от имени последнего, вовсе не обязательно отражают желания повелителя... Я никогда не сделал ничего, что бы оскорбляло Его Величество, и у меня нет никаких причин опасаться упреков с его стороны. Мой дом, дом Симадзу, находится у власти четырнадцать поколений, с эпохи сёгуната Ёритомо в Камакура, и все это время никогда не оскорблял ни сёгуна, ни императора. Этот Хидэёси, полагаясь на удачу, которая в последнее время улыбалась ему, думает, что может свысока говорить со мной. Так «обезьянья» морда полагает, что принудит меня к повиновению, оскорбляя меня! Что за жалкий наглец! (*Dening*. P. 278–279.)

Говорят, кроме того, гонец Хидэёси поспешил к семейству Отомо и, опираясь на их поддержку, впервые попытался завязать бой — с плачевным исходом, дополнительно оправдывавшим личное вооруженное вмешательство его господина, если последний еще нуждался в оправданиях.

Но сначала надо было собрать в Осаке армию в 150 тысяч человек. Часть ее, 60 тысяч человек, покинула Осаку морем 7 января 1787 г. под командованием Хидэнага, родного брата Хидэёси (на самом деле единоутробного брата, родившегося у его матери во втором браке), которого он только что назначил командовать крепостью Мики. Им понадобилось двенадцать дней, чтобы достичь Бунго, где их ждала огромная армия (90 тысяч человек), набранная двумя союзными *даймё* из Тёсю (Нагато, западная оконечность Хонсю) — Кобаякава и Киккава. Сначала союзники без труда продвинулись на юг Кюсю — Симадзу предпочли отступить, чтобы верней пропустить их туда, куда считали нужным. Но с первых же столкновений начались нескончаемые потери — качество войск противника исключало всякую надежду на его быструю капитуляцию.

Хидэнага оказался в окружении в то время, как сам осадил крепость Такасира, а войска Сацума укрепились в Садовара, в земле Хюга (современная префектура Мия-

дзаки), где Симадзу располагали значительным замком. Тем временем, 22 января Осаку покинул Хидзэси, и чудовищная армия, форсировав пролив Симоносэки, высадилась в Тикудзэне (современная провинция Фукуока).

И началась битва при Огути на берегах реки Сэндай в Сацума; долгое время никто не получал преимущества, но в конце концов она решилась не в пользу Симадзу, отступивших к Кагосима, где произойдут решающие схватки.

Эти области южного Кюсю — Хюга, Осуми, Сацума — действительно создавали для захватчика много трудных проблем. Симадзу, ревниво берегущие свою власть, всегда культивировали здесь полное недоверие ко всему приходящему извне — до такой степени, что даже иностранным купцам запрещалось здесь бывать, кроме как в исключительных случаях и по особому разрешению; если жители Сацума нуждались в каких-то товарах, они отправлялись за ними во внешний мир, но пускать к себе выходцев из другого лена им не дозволялось. Поэтому шпионам проникнуть на эту землю было невозможно, и Хидзэси был вынужден вести войска по неразведанной территории. Однако его чутье интригана подсказало ему решение: только буддийские монахи, ходящие от храма к храму в целях самосовершенствования, могут странствовать, не вызывая подозрений. И он обратился за помощью к монахам, что во многом способствовало возвращению в фавор общины, которую — по многим причинам — так ненавидел Нобунага и с которой он безжалостно боролся. Выбор пал на Кэннэ (1543–1592), главу монастыря Хонгандзи в Киото. Ему удалось, ссылаясь на священные практики, набрать проводников, и те вывели армию *кампаку* из ада болот, где она едва не увязла, на травянистые равнины Хюга (современная префектура Миядзаки).

Это отнюдь не значило, что игра выиграна. Вслед за болотами вскоре начались горы, покрытые густыми лесами; если бы не время года — сезон дождей, — было бы легко

окружить армию кольцом огромных пожаров, хотя огонь представлял опасность и для поджигателей; так что солдаты *кампаку* изнуренные, но живые добрались до замка Кагосима, и начался последний этап, ставший решающим не только для славы клана, но и для судьбы всего Кюсю.

Может быть, устали и те и другие? Похоже, обе стороны согласились тогда на мир, который, закрепляя присоединение Симадзу к делу Хидэёси и тем самым их поражение, все-таки предоставлял им все почетные условия капитуляции, о чем свидетельствует письмо, которое *кампаку* написал жене. Там можно найти подробности распоряжений, сделанных относительно Симадзу и, с учетом масштаба кампании, выглядящих милосердными; в последних строках заметна огромная усталость военачальника, который, долгое время прикованный к берегам реки Сэндайгава во время нескончаемых переговоров, отчаявшись когда-либо взять Кагосима с помощью армии, ряды которой косила дизентерия, даже поручил одному из своих *даймё*-христиан, Такаяма Укону — тот позже об этом рассказал отцу Фроишу (*Boscaro*. P. 31), — поискать путь к отступлению. Но Симадзу, тоже деморализованные этим сопротивлением, самым сильным, с каким они когда-либо сталкивались, и переоценив силы *кампаку*, сочли необходимым заключить мир. Наконец, это письмо впервые предвещает важнейшее последствие этой кампании на Кюсю, указавшей путь дальше — к островам Ики, к Цусиме, а может быть, и к Корее.

Сегодня, 28 числа, в Сасики в провинции Хиго, я получил Ваше письмо от 10 числа пятого месяца. Завтра я продолжу движение на Яцусиро, откуда войска Симадзу удалились [вернувшись на свои базы в Сацума]. Я отдал следующие распоряжения:

— Относительно заложника, которого должен передать нам Симадзу Ёсихиса: это будет одна из его дочерей лет пятнадцати...

— Сам Ёсихиса поедет жить в Киото.

— Относительно заложников, передаваемых его бывшими советниками: их будет около десятка.

— Относительно заложников со стороны Симадзу Хёго-но ками: он должен прислать в Осаку, в штаб-квартиру, старшего сына, которому около пятнадцати, и также должен выдать в качестве заложника другого сына, которому восемь лет.

— Что касается Симадзу Тюсё [брата Ёсихиса], я предоставил ему обе провинции Сацума и Осуми, потому что [во время кампании] он находился на службе в Осаке со своей дочерью, и я дарую ему свое прощенье...

Вчера мы покинули провинцию Сацума, чтобы вернуться в Хиго. Я рассчитываю достичь Хаката в провинции Тикудзэн в пятом или шестом месяце. Мы уже прошли половину пути и находимся в полдороге от Осаки. В Хаката я отдам приказы-насчет строительства; уверяю вас, что буду в Осаке, возможно, в шестом месяце или, самое позднее, 10 числа седьмого месяца. Я получил заложников от Ики и Цусимы с изъявлениями покорности. Я отправил быстроходные корабли, чтобы потребовать и от Кореи клятвы верности императору Японии, а если они откажутся, сообщить, что я их завоюю в следующем году. Я возьму также Китай и сохраню над ним контроль на всю жизнь; но, поскольку Китай питает к Японии только презрение, эта задача будет нелегкой.

После последнего сражения я чувствую себя старым; седых волос у меня стало так много, что я уже не могу их все выдернуть. Мне стыдно так выглядеть; одна Вы можете это вынести, но мне все равно стыдно. (Пятый месяц, 29 число.) (*Boscaro*. P. 30–31.)

Так был заключен мир между Хидзёси, представителем императора, и кланом Симадзу. Ни тот, ни другой из противников не забудут скрытых творцов их судьбы — монахов Синсю, послуживших проводниками для людей из центра и тем самым принесших им победу. С одной

стороны, в Кагосима виновных будут казнить, саму секту запретят, и на долгие века там будет посеяно недоверие к любой форме религии, кроме синто.

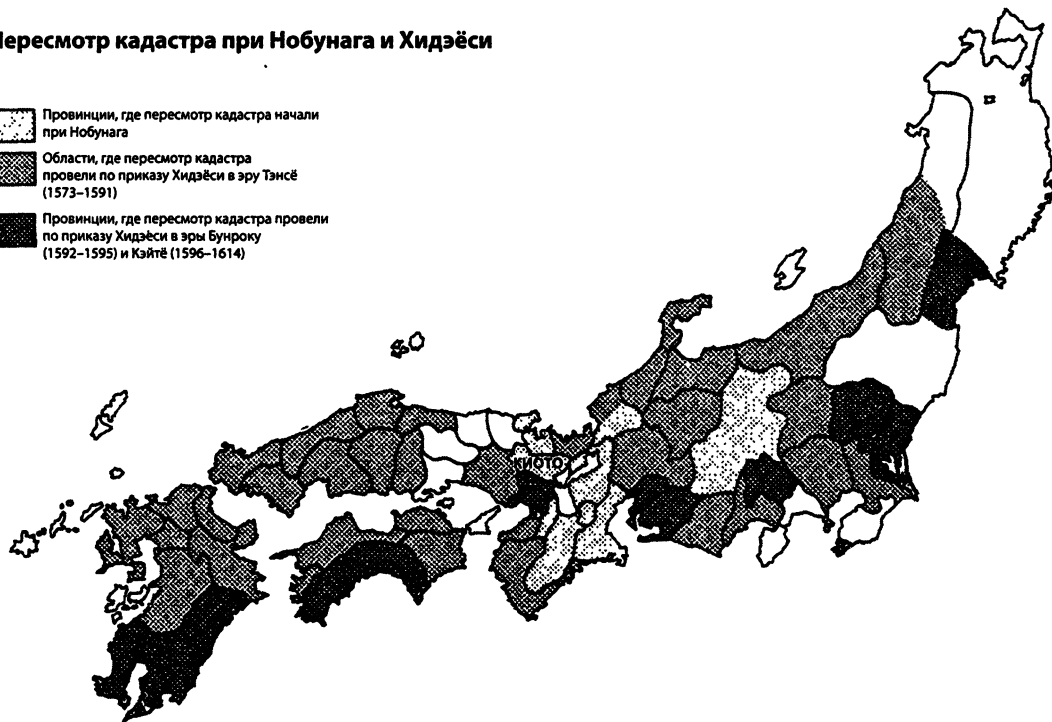
В Киото по той же причине секта Синсю, напротив, неожиданно вновь процветет после драматических событий, произошедших при жизни Нобунага, и его отношений с этими монахами. Не имея возможности официально награждать тех, кто оказался предателями по отношению к одному из его новых вассалов, Хидэёси передал общине крупную денежную сумму, которая через несколько лет, в 1591 г., послужит для постройки близ Киото нового храма — Ниси Хонгандзи, названного так позже, когда Токугава Иэясу в свою очередь возведет для Кодзю — брата того самого Котё, который был настоятелем первого храма и давним врагом Нобунага, — другой ансамбль к востоку от первого.

Значение похода 1587 г. на Кюсю для Хидэёси трудно переоценить. Этот поход дал ему незаменимый опыт: ему пришлось идти очень далеко, намного дальше Сикокку, за привычные географические пределы, отправлять значительную часть армии в долгое путешествие морем, продвигаться по малоизвестной или вообще неизвестной территории, без помощи шпионов и их невероятных уловок, — что это, как не первый опыт вторжения на чужеземную территорию?

Дал этот поход ему и личную славу, которой он был обязан лишь таланту, а не почетному титулу. На каждой новой церемонии благодарения, сначала — богов приморского святилища Окиносима близ Фукуока, потом — богов Ицукусима на Внутреннем море и наконец во время возвращения в его замок Осака толпы народа, преклонявшиеся перед ним, служили доказательством, что он стал бесспорным хозяином Японии.

Пересмотр кадастра при Нобунага и Хидэёси

- Провинции, где пересмотр кадастра начали при Нобунага
- Области, где пересмотр кадастра провели по приказу Хидэёси в эру Тэнсё (1573–1591)
- Провинции, где пересмотр кадастра провели по приказу Хидэёси в эры Бунроку (1592–1595) и Кайтё (1596–1614)

Глава IX

ГОДЫ БЛЕСКА

Великое чаепитие в Китано и другие празднества

В 1587 году у Хидэёси больше не было никаких оснований демонстрировать скромность, которая никогда не принадлежала к основным чертам его характера. Победив кланы Кюсю, он уже управлял тремя четвертями Японии. В Киото он только что построил жилище для императора Огимати и оплатил церемонии коронации его внука Го-Ёдзэя. Более того — к завершению приближалась его собственная резиденция, Дзюракутэй; превосходный повод показать свое сказочное богатство и могущество всем, кто хотел бы о них забыть!

Как и при торжественном открытии замка Осака, он велел провести колоссальную чайную церемонию — единственный ритуал, позволявший, наподобие тех месс, какие ввели в моду иностранные священники, собрать по мирному поводу, в одном месте и при определенном единстве представителей всех социальных категорий. Он выбрал святилище в Китано, одновременно за его положение — к северо-западу от Киото, недалеко от Дзюракутэя — и за его моральные достоинства: там отправляли культ Сугавара-но Митидзанэ (845–903), знаменитого министра, провозгласившего в конце IX в. изначальное величие Японии перед лицом Китая, а потом умершего в изгнании из-за клеветнического доноса; обширность территории, изящные силуэты синтоистских построек из дерева и соломы, тишина окружающего парка, сакральный и патриотический характер этих мест — все соответство-

вало желаниям Хидэёси. Тем более что один из сёгунов Асикага, а именно Ёсимоти, уже проводил здесь в 1413 г. мероприятие для большого количества народа — день театра *но*, пригласив на него не только воинов, по обычаю, но и всех, кто пожелал. Ведь театр тоже мог быть местом встречи разных социальных групп, однако не имел столь универсального «уравнивающего» характера, как чайная церемония, и не предполагал их активного участия.

А Хидэёси как раз желал собрать как можно больше людей. В прошлом, 1586 году, на Новый год, он построил при Императорском дворце чайный домик своего изобретения — одну из новинок, рассчитанных на популяризацию нового «чайного стиля», который он хотел внедрить, еще не до конца определив его правила: нечто вроде большого кубического шатра площадью более четырех соломенных циновок (татами), по нормам того времени, но сделанный из лакированных деревянных столбов работы ремесленников из Сакаи и из тонких стенок, покрытых позолотой; золотой была и утварь, необходимая для чайной церемонии; циновки окаймляли золото и красная парча — эта роскошь была невидимой, потому что пол полностью покрывали шерстяные ковры, привезенные из Европы. Хидэёси рассчитывал поставить такую же в Китано, чтобы показать свою коллекцию произведений искусства, которой он так гордился. Правду сказать, ей он был в основном обязан сёгунам Асикага и прежде всего Ёсимаса (1435–1490), хозяину «Серебряного павильона», чьи сокровища, в основном китайского происхождения, он присвоил. Но были у него и собственные шедевры — разве Нобунага, давая ему в 1578 г. разрешение на организацию чайных церемоний, не подарил ему картину Му Ци*, очень крупного китайского живописца XIII века?

* Монашеское имя Фа Чан (1176–1239). Жил и работал в монастыре Чанцысы в Ханчжоу.

К тому же многие годы полководцы никогда не упускали случая преподнести ему, как требовали приличия, изящные и редкие принадлежности чайного обихода, и каждая соответствовала более или менее торжественному обстоятельству.

В конце июля 1587 г. на главных перекрестках Киото появились, деревянные афиши, сообщающие о предстоящем событии и содержащие приглашение, составленное в простых и ясных словах:

1. Мы повелеваем провести большую чайную церемонию в лесу Китано с 7 по 10 октября, в зависимости от погоды; по этому поводу [Хидэёси] выставит все предметы своей [чайной] коллекции так, чтобы любители могли их оценить.

2. Приглашаются все любители чая, будь они феодалы, горожане или фермеры; каждый должен принести чайник для воды, черпак, чашку и порошкового чая (*маття*) или, в отсутствие такового, *когаси* [смесь, которой пользовались бедняки; состояла из рисовой соломки и соли].

3. Приносить только по две соломенных циновки (*татами*) на человека, этого хватит, и каждый разместится, как ему удобно, в парке святилища Китано. Любители «простого стиля» (*ваби-тя*) могут использовать циновки грубой выделки или из рисовой соломы (*тодзицукэ* и *инабаки*).

4. Приглашаются все жители Японии, само собой разумеется, но также жители Китая и все любители. Пусть каждый оденется, как захочет.

5. Чтобы все, включая тех, кто живет далеко отсюда, успели приехать и полюбоваться предметами, мероприятие продлится два дня.

6. Это приглашение объясняется интересом, [который Хидэёси проявляет] к мастерам чайной церемонии — знатокам «простого стиля» (*ваби-тя*). Те, кто не придет, будут рассматриваться как пожелавшие оскорбить [Хидэёси] и в дальнейшем не получают права за-

ниматься своим искусством, даже если оно состоит в приготовлении *когаси* [смеси чая и соли].

7. Хидэёси сам приготовит чай для всех мастеров «простого» стиля (*ваби-тя*), кем бы они ни были.

Подобные афиши были посланы во все большие города Японии и вывешены там, по крайней мере, в пределах зоны контроля Хидэёси, которая к тому моменту была громадной.

Аристократы Киото, устрешенные стоимостью мероприятия, немедленно начали расспрашивать друг друга, обмениваться посланиями, вести обсуждения: ведь это разорительная авантюра! Тем не менее по здравом размышлении ни один из них не посмел проигнорировать праздник, так что в целом только для аристократии Киото в парке Китано было возведено около 1500 чайных павильонов, к которым теснились другие хижины или палаточки. Из всех стилей модными тогда были три. Один, аристократический, который называли «дворцовым» или «библиотечным» стилем (*сёин-тя*), возникший в эпоху Муромати, в конечном счете сводился к использованию для чаепития изящного помещения во дворце или библиотеке. Другим был стиль «хижины» (*суки-тя*) — «народный», когда чай пили рядом с дорогой, на сельских почтовых станциях; в изящной версии это был стиль купцов из богатых торговых городов, как Сакаи, вкладывавших часть наличности в покупку принадлежностей для чаепития. Наконец, последним, самым новым, к которому Хидэёси проявлял выраженную склонность, был «простой стиль», *ваби-тя*, бесспорный мастер которого, Сэн-но Рикю, как раз находился на службе у хозяина. Роскошество вельмож, комфорт купцов — для которых чайная церемония часто была приятной формой «делового завтрака» — Рикю и его группа заменяли или дополняли в неуловимых дозах представлениями *дзэн* об отречении, уединении, выраженными в постоянном стремлении

к сдержанности и даже смирению. Это, например, Рикю выдвинул идею сократить пространство, предоставляемое каждому, всего до двух *татами*; он же поставил талант «чайного человека» выше изысканности материала. В пределе этот стиль исключал дорогие принадлежности, заменяя их живительным присутствием выдумки, оригинальности, чего-то никогда не виденного; в большей степени, чем с собирателями редких или древних предметов, любители этого стиля предпочитали поддерживать тесные отношения с ремесленниками своего города и своего времени — так, в XVII в. горшечник из Киото по имени Тёдзиро разбогател, придумав знаменитые чашки с черным покрытием, получившие известность под названием «раку». Именно этих приверженцев «простого стиля» (*ваби*) Хидзёси хотел поощрить, надеясь, возможно, связать с этой новой манерой своей имя.

В первый день церемонии Хидзёси прежде всего заглянул к ним; он проделал это дважды, а потом исчез, после того как ненадолго появился у аристократов; что же произошло? Может быть, его отвергли эти люди *ваби* — ведь многие из них, неисправимые позыры, столь же выставляли напоказ свой аскетизм, как он — свои неопределимые сокровища, и к тому же презирали его коллекцию — перл собрания *сёгунов* Асикага, составленную из старинных китайских вещей, к которым местные *даймё* присовокупили свои подарки, выразив в них сложное сочетание союзных и подчиненных отношений? Хидзёси решил, что его предали? Или был уязвлен, что в этот единственный день эксцентричные мастера *ваби* привлекают больше взглядов, чем ослепительный блеск его шатра в сусальном золоте? Или вообразил опасный сговор между Рикю, ремесленниками и купцами из Сакаи, которые и для него были лучшими инвесторами и от которых он поэтому частично зависел? Или же — но это маловероятно — был встревожен вестями с Кюсю, услышав о неожиданном

восстании Сасса Наримаса, давнего смутьяна с Сикоку, которого он выслал в Кумамото?

Большая чайная церемония в Китано едва началась в двадцать четыре часа, как уже ночью из Дзюракутэя поступил приказ: все разобрать, все хижины, все палатки, все павильоны, и пусть каждый возвращается домой и больше не кичится!

Участники, довольные и этим неожиданным облегчением своих трудов и расходов, поспешили повиноваться, пока господин снова не переменил мнение.

Странной была эта церемония, по многим причинам подвергнутая критике, богатая и гротескная. До дурновкусия? Может быть, однако — пусть даже это умерит наше восхищение японской сдержанностью — ее годовщину отмечали дважды, точно воспроизводя ее различные реалии: в 1880, а потом в 1937 г., оба раза желая превознести национальное чувство и культ императора; значит, Хидэёси, при всем своем авторитаризме и нехватке «родовитости», сумел попасть в точку, и надолго.

Не исключено также, что церемония в Китано послужила, по крайней мере отчасти, генеральной репетицией другой, намного более значительной в глазах Хидэёси, — визита, который ему должен был нанести молодой император Го-Ёдзэй, недавно вступивший на престол.

Прибытие императора (*гёко*) к какому-либо из подданных было такой редкостью, что за время правления *сёгун*ов Асикага отмечено всего дважды — в 1408 г. и в 1467 г. в ответ на приглашения двух величайших *сёгун*ов эпохи Муромати, Ёсимицу и Ёсимаса. Таким образом, Хидэёси, принимая в своем новом дворце Дзюракутэй императора, становился на одну доску с этими людьми, каждый из которых на свой лад сто лет назад определял век.

Повод был волнующим: Хидэёси не столько изъяслял почтение к суверену, сколько отмечал собственный триумф, вступление в императорскую семью сразу двумя

путями — благодаря тому, что Коноэ Сакихиса усыновил его самого, и вследствие того факта, что он в свою очередь и в качестве взаимной любезности удочерил дочь последнего, равно как и младшего брата Го-Ёдзэя. Во время императорского визита он в глазах у всех освятит этот союз, произведя официальное отправление культа своих новым фамильным богам — богам рода Фудзивара.

Это был также повод к тому, чтобы поупражняться и показать свои таланты в другом «виде спорта», популярном среди *даймё*, — искусстве стихосложения, которому был посвящен весь первый день. Имеются в виду короткие стихотворения (*рэнга*): один сочинял такой стих на тему, предложенную ведущим, — в данном случае императором, — а другой отвечал, тоже в стихах. Обильное употребление алкоголя пробуждало вдохновение — последнее истощилось только поздней ночью.

На следующий день гостей развлекали длинной придворной музыкальной и танцевальной программой (*бугаку*). Потом, как и накануне, супруга и мать хозяина раздали каждому многочисленные дары: одежды, редкие бумаги, драгоценные ткани, в дополнение к значительным суммам в деньгах и рисе, преподнесенным день назад, прежде всего императору. Наконец Хидзэси проводил уходящего императора, так же как ранее специально заезжал за ним. Суверен — неслыханная честь — позволил ему подняться вместе с собой в ритуальную повозку, запряженную быками; но придворные вернулись домой лишь на пятый день.

Хидзэси немедленно велел записать подробный рассказ об этой церемонии, копия которого будет отправлена семье каждого придворного и *даймё*; не следует заблуждаться по поводу этого документа — он, конечно, послужил славе Хидзэси, но в той же мере и славе императора, о престиже которого, а иногда и о существовании не помнили более двух веков. Так обрел плоть император-

ский миф — который окажет влияние на события XX в. в лучшем и в худшем смыслах, но который лишь один был способен объединить народ, живущий в замкнутом пространстве и всегда готовый передрасться.

Снова и снова деньги

Политика престижа стоит дорого! Хидэёси, без конца старавшийся пополнять свою быстро пустеющую казну, знал это. Он не переставал этим интересоваться, иногда в самой прозаической форме:

...Я так устал, что ложусь до наступления вечера. Тем не менее каждый вечер я сжигал две свечи в бесконечных спорах. Проверая свой запас золотых монет, я нашел только золотой порошок, завернутый и стоящий не более десяти монет. Не знаю, почему так получилось. Может быть, потому, что я недостаточно этим занимался и не взвесил их надлежащим образом. Тем не менее, хотя я, конечно, отложил часть этого, я не понимаю, почему нахожу только эквивалент десяти монет в золотом порошке. Надеюсь, вы сможете объяснить мне причину, когда настойчиво расспросите Юмэ [служанку]. (Письмо Ива, горничной его матери. 5 октября 1588 г.)

С тех пор как Нобунага в 1580 г. пожаловал его первым почетным титулом — *Тюгоку тандай*, администратора Центральной Японии, Хидэёси с очень близкого расстояния наблюдал решение щекотливого вопроса кадастра и обращения земель, неизбежной основы самого тяжелого, но самого доходного из всех налогов — *нэнгу*, ежегодного натурального налога.

Сочтя ненужным спешное составление «кадастров на основе анкет», которыми довольствовался Нобунага, «Обезьяна» еще раз заявила, что необходимо снова измерить все поля — это единственный способ определить их

реальную производительность. Эти меры следовало записать в виде плана и для каждого участка указать имя того, кто его обрабатывает, — собственника де-юре или просто пользователя, это *кампаку* мало волновало: он хотел иметь возможность найти ответственного за каждую землю, к которому можно было бы применить физическое принуждение, а настоящий это собственник или нет — не столь важно.

Основные установления в этой сфере с 1580 г. и особенно те, выполнения которых он требовал после смерти Нобунага в 1582 г., исходили из определенного числа простых принципов:

— Надо использовать меру емкости (для измерения объема зерна) типа *кёмасу* (киотскую меру). Кёмасу должен принести *кэнти-бугё* (ответственный за кадастр), или же эта мера должна быть изготовлена по его указаниям, а старые *масу* надо уничтожить.

— Рисовые поля должны оцениваться по трем категориям: высшая, средняя, низшая. Ниже — оценивать на глаз. Предполагается, что [каждая категория] будет производить [столько-то].

Для сухих полей производительность будет оцениваться... [так-то].

— Для *ясики* [хозяйства с домом хозяина, жилищем слуг, двором и садом] считать... [столько-то].

Для «горных полей» и полей на самом берегу рек [то есть для временных полей с низкой урожайностью, зависящих от перемен погоды, топографии и от наводнений]: оценивать на глаз.

— Для гор и солончаков: на глаз.

— Для конопляных плантаций: как для рисовых высшей категории.

— Для лаковых деревьев: оценивать на глаз.

— Учитывать подверженность места частым наводнениям, обычай выращивать зерно после риса, более или менее благоприятное расположение на солнечной стороне.

— В зависимости от местности крестьяне поставляют или не поставляют корм лошадям кадастровых уполномоченных, которые за собственное питание, кстати, платят.

— Крестьянам запрещается давать взятки, а чиновникам — принимать их.

— Не обижать крестьян и не обращаться с ними грубо.

— Не искажать данных кадастра с целью намеренно навредить ненавистной персоне.

— Четко определять границы деревенской территории.

— Предоставлять крестьянам в пользование оригинал реестра кадастра, чтобы они сделали с него копию для своей деревни.

— В пределах 5 *ри* (около 20 км) ежегодный натуральный налог (*нэнгу-май*) должен перевозиться силами деревни. Далее перевозка лежит на ответственности *дайкана* [чиновника] (*Moréchand*. P. 18–19.).

Не все эти директивы были открыто объявлены повсюду: например, запрет грубо обращаться с крестьянами обнаружился только в рескриптах, адресованных уполномоченным в Сацума, а запрет давать взятки был обнародован лишь для провинций Мино и Исэ; несомненно, в такой форме эти запреты существовали для всех и по умолчанию; в равной мере вероятно, что не все злоупотребления встречались повсюду. Наконец, надо отметить постоянное соскальзывание с понятия площади к понятию производительности, то есть потенциального обложения — единственной проблеме, которая интересовала Хидэёси и его администрацию.

Тем не менее проведение в тогдашней Японии такой операции по составлению кадастра и налоговой базы вызывает определенное и оправданное восхищение. Для этого надо было, например, понемногу унифицировать меры площади и емкости, как показывает замечание о «киот-

ской мере». Правда, здесь, как и в других случаях, хитроумие Хидзэси позволило ему заодно провести несколько выгодных операций: так, в 1583 г. он решил ввести для всех территорий, находящихся под его контролем, меру площади *бу* — в соответствии с наибольшим количеством оценок, уже записанных в реестрах; но, воспользовавшись случаем, он произвольно уменьшил площадь *бу*, благодаря чему — поскольку обложение рассчитывалось пропорционально количеству *бу* в каждом владении — налог вырос приблизительно на 20%.

Иногда, однако, дела шли с затруднениями. Кадастровые уполномоченные Хидзэси поначалу не могли пересекать границ некоторых больших ленов — владений семейств Мори, Маэда, Тёсокабэ, Канэмори, Укита; доходы с таковых попадут в сундуки Хидзэси только в результате военных походов — в конечном счете победоносных, конечно, но дорогостоящих.

К тому же некоторые измерения производились в атмосфере открытой враждебности, да и Хидзэси иногда придумывал нововведения, которых бы не стоило вводить. В земле Хиго (Кюсю), например, с трудом «заморенной» в 1587 г., он введет скрытое повышение повинности: крестьяне должны были перевозить ежегодный налог в рисе уже не на 3–5 *ри* (около 20 км) от своей деревни, а на 5–8 *ри* (около 32 км); ответом на эту меру стали яростные восстания. Через недолгое время, в 1590 г., известия о крестьянах Северо-Востока, не торопившихся облегчать чиновникам составление кадастра, вдохновили его написать письмо, красноречиво свидетельствующее о положении крестьян и народа в ту эпоху:

...[Нужно, чтобы кадастр] был составлен повсюду с большой тщательностью. Если бы его составляли без тщательности, это бы рассматривалось как преступление. Жена и дети Ямагата и жена и дети Датэ уже отправлены в Киото [в качестве заложников], так же

как жены и дети *кокунин* [мелких *даймё*], которые согласились их туда отправить. Это мера хорошая. Тем, кто не отдал жену в заложники, надо приказать явиться в Аидзу [где тогда находился Хидэёси]. Надо как следует объяснять как *кокунин*, так и *хякусё* [крестьянам] всё, что приказано; если же кто-то смеет противиться, то, если это владелец крепости, его надо блокировать в этой крепости и убить всех, не щадя никого; если это крестьяне из самых презренных, их надо убить всех, вплоть до *го* [группы хуторов], до двух *го* в полном составе. Более шестидесяти провинций получило эти строгие приказы, вплоть до Дэва и Осю, исключений быть не должно. Нельзя эту задачу выполнять кое-как. Даже если область становится пустыней — тем хуже. Поймите мое решение как следует. До самых дальних гор, до последних деревень надо стараться выполнять его тщательно. В случае, если бы вам не удалось сделать это надлежащим образом, [Хидэёси сам] пошел бы, чтобы исполнить приказ. Ваш долг — непременно ответить мне (*Moréchand*. P. 22–23).

Действительно, завоевывать земли и приобретать области было бы незачем, если бы их жители отказывались служить или принимать участие в коллективных усилиях; но то, чего требовал Хидэёси, было неслыханным: будь его воля, он забрал бы две трети урожая, если бы не законная неприкосновенность деревни (*мура*), базовой ячейки, на которую Хидэёси возлагал коллективную ответственность — может быть, потому, что не смог ее расколоть, несмотря на террор и угрозы.

Существование деревенской автономии или, по меньшей мере, возникновение общественного класса в мире письменности, которой он до сих пор не знал, проистекает из дополнительных документов к оригинальным текстам кадастра, сгоревших в 1615 г. в пламени, которому предстояло в то время уничтожить гордый замок Осака. Кроме копии кадастра, сделанной селянами (*мура бикаэ*), су-

ществовали также реестры податных лиц, составленные самими жителями, и *наёзэ тё*, таблицы распределения налогов между жителями и общиной — тексты, которые по природе своей хранились под строжайшим секретом и претерпевали переделки, в основном предполагавшие уничтожение прежнего варианта; вот почему сегодня осталось так мало оригинальных текстов, восходящих к эпохе Хидзёси.

Такой раздел налогового бремени требовал также составления списков податных лиц. Это были «описи домов и лиц» (*изкадзу хитокадзу аратамэ тё*). Эти реестры представляют большой интерес, потому что в них входят уважаемые элементы тогдашнего общества: «настоящие крестьяне» (*хамбьякусё*), которые облагались налогом, а значит, были достойны уважения; староста деревни (*сёя*) и его помощники (*арики*, или *мура-якунин*); священнослужители (*бодзу* или *нэги*); домашние слуги (*хоконин*), кормилицы или женщины, которым поручена забота о детях младшего возраста (*уба*), вдовы (*гокэ*). Отдельные жилища, как и рисовые поля на кадастровых планах, причисляются здесь к трем категориям: высшая, средняя, низшая.

Однако с интерпретацией этих документов, когда они сохранились, часто возникают сложные проблемы: данные разных документов не совпадают, вопреки всякой логике, и одни и те же персоны часто упоминаются в них под разными именами, а идентичные элементы входят в различные категории — так, сады, примыкающие к жилищам, принадлежат то к категории возделанных земель, то к категории застроенных территорий, причем для одной и той же деревни и в записях, сделанных в одном и том же году. Наконец, не всегда точно указаны дата съемки и имя уполномоченного по съемке: в кадастре каждый видел не столько документ, подтверждающий право собственности, сколько инструмент для оказания налогового

давления, что влекло за собой значительные усилия по камуфляжу, на что не жалели сил все семьи или деревенские группы, и несомненно богатые крестьяне в большей степени, чем остальные. Но эти запутанные декларации по-настоящему обманывали фискальных агентов столь ловкого человека, как Хидэёси, одной из навязчивых идей которого было как раз улучшение собираемости налогов и для которого существовал один лозунг — платите!

В подобном лексиконе не было ничего нового. Еще в 1570 г., во время, когда он трудился на Нобунага, Хидэёси писал своему верному Хатисука Масакацу:

...Вы должны помнить, что налог в рисе должен быть переправлен с одной территории на другую, даже если там происходит не одно восстание. Делайте это быстро и отдавайте народу приказ платить налог (27 декабря 1570 г.) (*Boscaro*. P. 79.).

Так с течением лет проводился кадастр, который позже, лет через десять, назовут «кадастром отставного *кампаку*» (*тайко кэнти*), после того как Хидэёси в 1591 г. принял этот титул [*тайко*]. Став основой налоговой политики в Японии нового времени более чем на два века — пусть даже базовые документы, напомним, сгорели во время пожара замка Осака в 1615 г., — распоряжения о кадастре будут зафиксированы в ряде официальных постановлений (*хорэй*) с 1589 г., а потом улучшены и уточнены до смерти Хидэёси в 1598 году.

К тотальной власти

У политики свои резоны, у войны свои: Хидэёси, конечно, восторжествовал в столице, но вся Япония в целом оставалась потенциальным полем битвы. Народ — от крупнейшего сеньора до смиреннейшего крестьянина — был вооружен; кто мог сказать, до каких пор он будет со-

глашаться на серьезную игру в мир? Что произойдет, когда появятся первые причины для недовольства, начнутся более долгие, чем обычно, периоды непогоды, может быть — призрак неурожая, или просто когда *даймё*, подготовленные и обученные только для сражений, заскучают? Их окружала масса крестьян, которые, когда урожай сложен в амбары или когда сезон выпадал слишком неблагоприятным и жизнь становилась слишком трудной, сами просились в армию, — это если не считать тех крестьян, чуть более богатых, которые при помощи своих рук и небольшой собственности в конце концов делались мелкими феодалами, фактически присваивая себе prerogatives командования. Разве его родной отец не был таким же крестьянином-солдатом, который, помоги ему талант, мог бы добиться много большего? Такое положение вещей, объяснимое суровостью времени, постоянно грозило нарушить с трудом достигнутое равновесие.

8 июля 1588 г. Хидэёси обнаружил, заверив своей большой киноваревой печатью, может быть, самый знаменитый из своих многочисленных эдиктов.

Строго запрещается фермерам разных провинций хранить у себя мечи, длинные или короткие, луки, копья, мушкеты или какое бы то ни было оружие. Те, кто станет их бесполезно хранить, препятствовать сбору ежегодного налога, подстрекать к мятежам или дурно вести себя в отношении своего сеньора, разумеется, будут предаваться суду. [Поскольку такие действия приводят] к оставлению на произвол судьбы рисовых плантаций и полей и к утрате ленов, феодалы и их представители должны неуклонно собирать все это оружие и передавать нам.

Чтобы собранные таким образом мечи не подверглись расточению, их переплавят, и они послужат для изготовления гвоздей и скоб для [статуи] великого Будды, который будет создан. Посредством этого деяния фермеры будут спасены, конечно, в этой жизни, но также и в иной.

Фермеры, обладающие только пахотными орудиями и целиком себя посвящающие полевым работам, познают благоденствие, так же как их дети и внуки. Мы поступаем так из сострадания к ним. Этот приказ станет основой безопасности в стране и благополучия всего народа. В другой стране, в Китае, царь Йо умиротворил край и использовал ценные мечи и изящные клинки как орудия для обработки земли. В нашей стране этого никогда не делалось. Понимая смысл и цели этого приказа, фермеры отдадут все силы земледелию и выращиванию тутовника [листьями которого питаются шелковичные черви].

Неприменно соберите эти предметы и передайте их нам.

По обыкновению Хидэёси в нескольких словах, не обременяя себя ненужным многословием, выразил все: свое желание нанести сильный удар и пресечь всякую надежду на успешное восстание; свое убеждение, что обладание оружием поощряет непокорность; свое ощущение, что он говорит уже не как глава партии, а от имени нации, правительству которой он, как всякий государственный деятель в японской традиции, желал равняться на правительство Китая; желание работать уже не только для себя, но и для будущих поколений, даже рискуя помешать молниеносной карьере какого-то нового Хидэёси; и, наконец, заботу — лицемерную? — о том, чтобы привлечь народные массы к осуществлению коллективного труда, в который вложено изрядное политическое содержание, — гигантской статуи Будды.

Принцип гигантской статуи утвердился очень далеко отсюда, в Гандхаре, а потом прежде всего в Китае начиная с эпохи Северной Вэй (конец V — начало VI вв.); подобные фигуры — каменные или бронзовые — изображали Вайрочану, Великий Источник Света, божественный образ, ассоциировавшийся также с излучением суверена, проникающим сквозь множество царств и миров. Сутра,

излагающая доктрину о Будде Вайрочане, пришла в Японию в эпоху Нара под названием «Боммокё»; для напоминания обо всех ее основных идеях император Сёму и велел воздвигнуть большого бронзового Будду в Нара, торжественно открытого в 752 г. и стоящего посреди храма Тодайдзи, который возвели специально для статуи. Здание, а потом и сама статуя — крупнейшее бронзовое изображение в мире, — жестоко пострадали во время войн конца эпохи Хэйан (XII век), но сёгуны Минамото, обосновавшиеся в Камакура, а потом регенты Ходзё, сменившие их в XIII в., потратили непомерные суммы на реставрацию этого символа монаршей власти и величия Японии. Таким был поток, включивший в себя проект Хидэёси, который, кстати, уже тоже распорядился восстановить великого Будду в Нара, снова пострадавшего в 1567 г., — жест, отражавший незаурядное благочестие.

Так была организована «охота за мечами» (*катана гари*), как фамильярно называли ее. Но все-таки позволительно задаться вопросами о реальной быстроте исполнения и реальном значении этого эдикта. Текст «Тамон-ин никки» сообщает, что в провинции Кага, например (современная префектура Исикава), посланники Хидэёси собрали (с 1588 г.) «1073 *катаны* (длинных меча), 1540 *вакидзаси* (коротких мечей), 160 *яри* (алебард), 500 *когаи* (ножей) и 700 *сёто* (даг или кинжалов)», итого 3973 единицы оружия всех категорий. Но, чтобы получить количество обезоруженных людей, это число надо разделить на два, — каждый боец обладал по меньшей мере одним коротким и одним длинным оружием, *катаной* и *вакидзаси*, так что возможности сражаться не лишились и 2000 бойцов. С учетом того, какое количество личного состава военачальники обещали выводить на поля сражений, суммарное количество для провинции выглядит скудным. Надо ли делать отсюда вывод, что большинство таких «наемников» получало оружие от полководцев, а никако-

го личного оружия не имело? Или что многие спрятали оружие, которым владели? Тот же текст намекает на большие опасности, которым подвергаются жители сельской местности; крестьяне думали не столько о бунтах (навязчивой идее Хидэёси), сколько о том, что грозит им самим в стране, в умиротворение которой они верили мало, тем более что сам Хидэёси снова обещал схлестнуться с сеньорами Востока — Ходзё. Однако по размышлению они сочли, что ярость «Обезьяны» для них еще опасней, чем ярость феодальных соседей. Трудный выбор! Или скорей быстрое подчинение новому господину, возможно — более сильному, более ловкому и в любом случае более жестокому: если он при случае мог выказать великодушные по отношению к серьезному сопернику, присоединение которого принесло бы ему много полезных вассалов, по отношению к крестьянству он никогда не проявлял никакого милосердия — ведь в обществе, которое ориентировалось на конфуцианскую модель, предполагавшую колоссальное уважение к земледелию — основе национальной экономики, над производителями тяготело предельное и парадоксальное проклятие.

Правда, столь хитроумно выстроенное здание могло рухнуть со дня на день: репутация завоевателя, выскочки, пусть даже гениального, состояла всего лишь из неутомимо сплетаемой сети физических или моральных побед — достаточно было ослабнуть одной петле, и вся ткань могла расползтись.

К примеру, Хидэёси тщетно требовал от Ходзё Удзимаса, хозяина обширных территорий в Канто, чтобы тот явился в Токио и изъявил почтение как императору, так и его *кампаку*. Удзимаса укрылся в своих владениях и укреплял там связи, дружеские и семейные, со своим соседом Токугава Иэясу. Первый призыв, в 1588 г., ничего не дал; на второй, 1589 г., явился брат главы клана — сам Удзимаса не шелохнулся, очевидно, не спеша поко-

ряться человеку, триумф которого ему, возможно, казался не более чем временным. Полуострова и равнины Канто простирались так далеко от столицы и были так хорошо защищены с тыла огромными горами Северо-Запада, традиционным очагом сопротивления централизаторскому влиянию Киото!

Таких надежд Хидэёси, конечно, не мог позволить питать, если не хотел быстрого распада того дела, которое с большим трудом совершил. Однако в тот момент у него было много других поводов для раздумий.

Без конца гоняясь за осуществлением грез о политической славе, он несомненно не уделял особого внимания ускользавшим годам — и вот время прошло! Ему стукнуло уже пятьдесят четыре, а наследника нет: Хидэкацу, четвертый сын Нобунага, которого он усыновил, в 1585 г. умер, а ни один ребенок его крови не родился. Странная судьба: пусть его супруга была бесплодной, но, конечно, в наложницах он никогда не испытывал недостатка — не один из его верных вассалов, представителей родов Кёгоку, Гамо, Маэда, предлагал ему как минимум одну из своих дочерей, чтобы она попыталась исполнить его надежды и доставить ему удовольствие. В качестве главы дома и его жена Нэнэ предоставляла ему те же услуги, а Хидэёси был не из тех мужчин, которые отказываются от приятных моментов жизни. Несколько писем к Нэнэ, например, адресованы той или иной наложнице, которые все были подвластны официальной супруге, в отсутствие хозяина принимавшей решения о дне и месте, где каждая из них должна встречаться с господином; взамен — уважение к «посреднику» всегда священо — они служили вестницами, передавая послания супругов. Несмотря на столь хитроумную организацию, Хидэёси перешагнул рубеж пятидесятилетия, не родив ребенка — во всяком случае такого, который прожил бы достаточно долго, чтобы кто-нибудь сохранил о нем память.

Кое-что переменялось, когда Хидэёси выделил одну девочку-подростка, которую когда-то спас от смерти, — дочь Асаи Нагамаса и О-Ити, родной сестры Нобунага, женщины, которой предстояло после драматичной жизни покончить с собой на трупе второго мужа, Сибата Кацуиэ; легенда, всегда падкая на подобные утверждения, рассказывает, что Хидэёси смотрел на О-Ити — хрупкую и трагическую героиню — глазами, полными нежности. Ее дочь все еще носила свое детское имя — Тятя. Она, говорят, отличалась обворожительной красотой, но того типа, который любопытным образом прежде всего напоминал о матери. И вот в мае 1589 г. наконец свершилось чудо: Тятя произвела на свет сына, получившего имя Цурумацу. Чтобы отметить это событие, Хидэёси преподнес юной матери замок, стоящий на реке Ёдо (к югу от Киото); тогда Тятя отказалась от прежнего имени, и теперь ее официально будут называть поэтичным и помпезным именем Ёдо-доно или Ёдо-гими. Итак, *кампаку*, приемные предки которого — Фудзивара, наконец может основать род и передать свое сказочное наследство бесспорному наследнику!

Из месяца в месяц здоровье ребенка все больше его интересовало, и в нем ощущалось зарождение чувства искренней привязанности, не имевшей отношения к политическим замыслам главы клана:

Вы не написали мне, и я в большой тревоге. Становится ли юный принц все больше и больше? Очень важно давать строгие приказы Вашим людям, чтобы Ваше жилище было бы защищено от огня и чтобы между ними и их подчиненными не возникало разлада. К 20-му числу я Вас, конечно, увижу и обниму юного принца, и той ночью Вы будете спать рядом со мной: ждите меня.

Повторяю: Вы должны им сказать, чтобы они не позволили юному принцу схватить насморк; Вам не

следует быть небрежной в чем бы то ни было (Письмо к Ёдо-гимми, 1590 г.) (*Boscaro*. P. 43).

И с ощущением, что он наделен покровительством богов, в апреле 1490 г. он объявил войну семейству Ходзэ, не в силах больше выносить их оттяжек и уловок. Хидзэ-си бросил на чашу весов все свои силы — сухопутную армию и морскую армию, в то время как Ходзэ Удзимаса спокойно отступил в соответствии с тактикой, которая всегда приносила ему успех. Он отошел к своему замку Одавара в земле Сагами (современная префектура Канагава), с которым еще не смог справиться ни один противник, ни один из крупных феодалов Севера, даже сам Уэсуги Кэнсин.

И сражение назревало медленно, словно каждая из воюющих сторон вдруг застыла в эпической и неподвижной позе: с одной стороны — инертность Удзимаса, с другой — невозмутимое ожидание Хидзэси, поставившего свою армию лагерем (говорили о двухстах тысячах солдат); разве он не умел всегда обеспечить интендантскую службу, которая, впрочем, большую часть времени сводилась к умению прокормить армию на территориях, по которым происходит переход? И что может быть изящней, чем эта административная переписка из палатки, восстанавливающая связь с военными началами исполнительной власти и той походной эффективностью, о какой забыл сёгунат, омещанившись или слишком расслабившись от придворных грез:

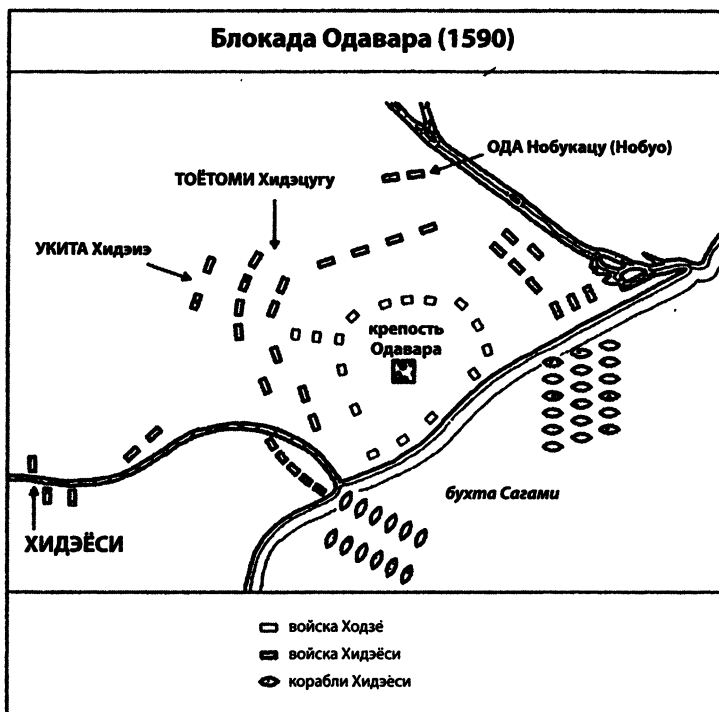
Вы снова и снова посылаете ко мне гонцов, и я очень счастлив. Мы окружили Одавара двумя-тремя рядами, выкопали рвы и возвели стены, и мы не дадим уйти ни одному врагу. Здесь окопались люди восьми провинций Канто, и если нам удастся заставить их сдаться, заморив голодом, дорога на Осю (провинция Муцу) откроется настолько широко, что я буду этим только доволен. Учитывая, что Канто составляет треть Японии, я те-

перь хотел бы дать твердые приказы, чтобы мы могли сохранить эту ситуацию даже по окончании сего года. Отныне я намерен стремиться к благу страны. На сей раз я хочу разрешить столько задач, сколько возможно, и стоять лагерем долго, пока не истощатся мои запасы золота и серебра, пока мое имя не сохранится для потомства, а потом я совершу триумфальное возвращение. Помните это и говорите всем.

Повторяю: я поймал врага в клетку, и, значит, никакой опасности нет; не бойтесь! Я скучаю по юному принцу, но, поскольку я смотрю в будущее, и прежде всего потому, что я желаю повелеть своим людям замирить всю страну, личные чувства я откладываю до лучших времен... (Письмо к Госа, камеристке жены, от 13 апреля 1590 г.) (*Boscaro*. P. 37.)

Какие неудобства может причинить осадная война, когда сам задаешь темп? Из Одавара Хидэёси управлял страной, писал жене, требовал, чтобы ему посылали любимых наложниц и чтобы Нэнэ занималась доставкой таковых еще и для каждого из его главных полководцев — ведь вечера и дни действительно слишком долги, чтобы обходиться без женщин. Вскоре он затребовал и своих мастеров чайной церемонии — необходимый элемент престижа. Зато он настоятельно советовал Нэнэ не ехать — эти волнения не для нее; истина заключается в том, что он во сто раз больше предпочел бы видеть Тятя, молодую мать своего столь желанного сына, но справедливости ради надо сказать, что именно Тятя заставляла себя уговаривать, не слишком желая покидать новый замок, чтобы вязнуть в грязи дорог и жить в лагерях. Но она была неправа, потому что Хидэёси учитывал все, когда, например, писал жене — единственной, кому он доверял сидеть со своим юным Цурумацу:

Вы прислали мне очень сердечное письмо, и я прочел его с такой нежностью, как будто видел вас лично. В соответствии с моими приказами мои люди атакова-

ли замок Одавара менее чем в 100 м от валов... Враг поколебался и попросил о переговорах... но, поскольку я не могу отозвать своих людей, пока осажденные не умирают от недостатка провизии, я не принял их просьбы. Даже люди из провинций Дэва и Осю прибывают сюда, чтобы пойти ко мне на службу. Она будет хорошо обеспечена, потому что я конфисковал многие замки в этой области. Счастлив узнать, что юный принц, О-Мандокоро, Го-Химэ и Кинго (юный сын Киносита Иэсада, усыновленный Хидэёси в 1584 г.), и вы сами в добром здравии. И надеюсь, что вы еще более будете заботиться о себе.

Повторяю: не беспокойтесь. Для моей резиденции построили каменный склад для продуктов и кухню, скоро мы выстроим зал и донжон. В любом случае до конца года я освобожусь. В этом году я буду с вами, и

мы сможем вместе поговорить о многом. Я очень этого хочу. Прошу вас, заботьтесь все больше о юном принце [Цурумацу]... (Письмо к Нэнэ, 14 мая 1590 г.) (*Boscaro*. P. 39–40.)

Тем не менее, правда, для молодой женщины в военной жизни нет ничего увлекательного:

Я не получил от вас в эти дни даже крохотного письма, и мне грустно; вот почему я сейчас пишу...

Повторяю: я давно не получал от вас письма, мне грустно, и я вам пишу. Я с нетерпением жду ответа. Здесь пока идет бесконечный дождь, и дороги плохие. Я уже взял сотню замков, оставив в руках врага только пять в восьми провинциях. Эти пять замков прислали мне петицию со словами: «Теперь, когда вы наконец подавили Одавара, вы пощадите нам жизни?» Но я отдал строгие приказы, чтобы те, кто мне противился, были наказаны. Тогда никто не сможет устраивать заговоры. Я скоро пришлю к вам счастливые вести (Письмо к Нэнэ, 1590 г.) (*Boscaro*. P. 40–41.)

В конце концов Нэнэ была вынуждена использовать весь свой авторитет, чтобы побудить Ёдо ехать. А тем временем Хидэёси устроил представления театра *но*, лагерем завладели купцы, музыканты и фигляры, внося в теплые вечера конца весны очень желанное оживление. Демонстрация? Нет, умный прием, чтобы деморализовать осажденных, чьи запасы уже неумолимо таяли изо дня в день, пусть даже крепость, как это и было, оказалась снабженной очень хорошо; предполагалось произвести впечатление и на баронов Северо-Запада, безмолвно наблюдавших и готовых присоединиться к победителю.

К концу июня осажденные уже стали проявлять признаки усталости. Чтобы еще больше подорвать их моральный дух, Хидэёси использовал романтическую, хоть и классическую хитрость, по крайней мере, известную

в литературе, — мираж. Под величайшим секретом и после долгой подготовки он велел возвести за одну ночь напротив крепости Одавара силуэт замка, но только имитацию, вырезанную из белой бумаги, цвет которой и легкое дрожание на ветру усиливали эффект ожившего сновидения. Может быть, *кампаку* действительно наделен сверхъестественными силами, позволившими одним махом создать этот «замок одной ночи» (*итиядзё*)? Эта выдумка, за появлением которой последовала мощная атака с интенсивным мушкетным огнем, наконец привела к началу переговоров: в начале июля 1590 г. замок Одавара перешел под командование сына Удзимаса. Последний, оставшись непримиримым, не появился; он получит приказ покончить с собой, и у него не останется иного выхода, кроме как подчиниться. Но представлял ли он себе приятную семейную игру, которую Хидзёси и случайности переписки устроят с его наследием, во всей ее неприкрытой жестокости?

Я очень счастлив, что получил ваше письмо. Юный принц, О-Химэ и Кинго прислали мне [приношение, делаемое родителям по случаю буддийского праздника *урабон*], и порадовался, пожелав всем долгой и счастливой жизни. В частности, юный принц [Цурумацу] прислал мне 50 золотых монет, завернутых в великолепную сумку; полагаю, что, когда с вами посоветовались, вы решили покрыть ее позументом. Одавара пал, и головы Удзимаса и Муцу-но ками (Удзитэру) были отправлены в Киото, куда они несомненно придут раньше этого письма. Поскольку головы Ходзё прибыли ко мне в тот же день, что и деньги юного принца, я роздал по монете людям, присутствовавшим в моей штаб-квартире, и был тем очень счастлив.

Повторяю: надеюсь покинуть Аидзу 12-го... Будьте уверены, что в сентябре я обязательно прибуду в Киото. Вот почему я уже отослал Ёдо в Киото (Письмо к Нэнэ, 12 июля 1590 г.) (*Boscaro*. P. 41.).

Оставалось только вернуться в замок Осака — как раз завершённый, — что Хидэёси и сделал как триумфатор.

Бароны Севера — семейства Датэ, Сатакэ, Уцуномия — подтвердили свою верность, которую уже изъявили в конце осады, как только стало вполне понятно, куда дует ветер победы. Хидэёси стал хозяином Хонсю. Но он понимал, чем обязан помощи либо спокойствию своего соперника и друга Токугава Иэясу: чтобы вознаградить последнего за то, что тот не встал на сторону Ходзэ, с которыми был связан, и чтобы удалить его от центра, от столицы, где тот мог играть опасную роль, он отдал Иэясу основную часть Канто — восемь провинций. Тем самым Иэясу стал богаче Хидэёси, но держался в стороне, в то время как его бывшее поместье в земле Овари составило счастье верных спутников Нобунага и Хидэёси, — в большей степени, чем когда-либо, была важна осторожная политика перераспределения ленов (*кунивакэ*).

Континентальное искушение

Наконец Хидэёси был хозяином всей Японии, от границ Кюсю на юге до границ Хонсю на севере — далекий и северный Хоккайдо оставался неоспоримым и вызывающим мало интереса владением одного из потомков Такэда, выкроившим себе царство прямо на территории айну... Полная победа, победа, которой никто и не думал оспаривать, во всяком случае в ближайшем будущем. Может быть, Хидэёси наконец посвятит себя выполнению функций своей единственной административной должности — *кампаку*? Или же роль завоевателя по своей внутренней логике заставит его идти дальше, чтобы по-прежнему захватывать добычу или давать войскам новые поводы для восхищения и изъявлений верности? Но куда идти, раз Япония завоевана? За море? К горизонту, который Хидэёси в сиянии триумфа представлял

чем-то невероятно близким, обычным, до чего можно дотянуться:

Я отправил в Корею быстроходные корабли, чтобы приказать ей покориться императору Японии. Если она откажется, она узнает через посредство тех же быстроходных кораблей, что в ближайшем году я приду ее наказать. Даже Китай подпадет под мою власть... (*Berry*. P. 207.)

Мир за пределами Японии, когда-то, в 1586 г., ставший известным благодаря визиту в Осаку иностранных священнослужителей, выявление во время похода на Кюсю богатств, поступивших извне, и загадочная жизнь, непочтительная по отношению к привычным рамкам и обращенная к пустоте моря, удары волн которого смутно доносились в больших портах, открытых к океану, — не вскружило ли это Хидзэси голову, одновременно изобретательную и прагматичную? Чтобы давать пищу раздумьям, он приобрел две карты: карту мира, нанесенную на ширму, — наследство Нобунага, — которая украшала его апартаменты, и другую, на веере, которую он мог носить с собой повсюду. Однако разве мечта такого человека не воплощается в реальность быстро?

В феврале 1590 г., еще до начала осады Одавара, он написал суверену островов Рюкю, архипелага, который, словно пуповина, соединял Южную Японию с Юго-Восточной Азией, Кюсю — с Формозой. Немногим более века назад, в 1451 г., острова направили посольство в Киото, принятое знаменитым Асикага Ёсимаса; с тех пор ездили и другие, но нерегулярно. Несомненно, Хидзэси хотел укрепить эти невнятные ленные отношения и придать им вес, какого они никогда не имели. Поэтому он написал письмо, делая особый упор на свою победу, высказывая желание распространить свою власть за пределы Японии, находящейся теперь в его руках, и выражая

стремление создать совместно с чужеземцем общую семью — что это было, безмерная наивность или банальная причуда диктатора?

Может быть, проект переправы в Корею был тоже выдвинут давно, если верить словам отца Луиша Фроиша, в 1586 г. нанесшего визит в замок Осака:

Он также сказал, что почти добился подчинения всей Японии; его намерение заключается не в том, чтобы завоевывать другие королевства или другие богатства, потому что их у него достаточно, а лишь в том, чтобы обессмертить свое имя... он принял решение привести в порядок дела в Японии на стабильной основе, а потом передать их бремя своему брату Хидэнага, в то время как он сам отправится на завоевание Кореи и Китая; для этого он как раз собирает доски, чтобы изготовить две тысячи кораблей, необходимых для перевозки армии. Что касается него, он не хочет ничего от Отцов, за исключением возможности купить у португальцев два больших и хорошо снаряженных корабля, — он бы оплатил все и дал офицерам лучшее жалованье. И если он встретит смерть в этом начинании, для него имеет некоторое значение, чтобы о нем сказали — он был первым из японцев, который бросился туда; если он добьется успеха и если китайцы ему подчинятся, он у них не отнимет страну, как не останется в ней и сам... (*Murdoch*. P. 305.)

Это показное бескорыстие перед иностранцем, которого он желал растрогать, в сочетании с обещанием везде строить церкви, а затем обратить китайцев в христианство, должно быть, едва гость вышел за порог, сменилось прагматизмом, который лучше согласовался со стремлением к неперменной эффективности.

Однако этот жест был не столь неуклюж, как его описывали миссионеры: пусть отец Луиш Фроиш обвинял Хидэёси в стремлении к поиску богатств, превышавших всякую меру, при единственной — святотатственной —

заботе о том, чтобы обессмертить свое имя, но японские воины любили тот простоватый, но сильный образ их самих и их двора, воплощением которого казался им *кампаку*. И во внутривластном плане, похоже, трудно обвинить его в ошибке: какой лучший способ можно было найти, чтобы вдохнуть новую жизнь в нацию, которую более двух веков раздирали феодальные войны? Как по-другому было отвести тот избыток энергии, который не мог за один день, без затруднений и долгого приспособления, превратиться в мирную деятельность? Конечно, Хидэёси иногда недооценивал возможное сопротивление, равно как и проблемы, встававшие за привычным ему горизонтом. Так, в 1587 г., во время захвата Кюсю, он приказал одному из союзных *даймё*, Со Ёсисигэ, вступить в контакт с царем Кореи, потребовав от него на китайский манер того изъявления верности и той дани, которые в его глазах представляли единственно возможную форму международных отношений. Корейский суверен, отвечая в том же тоне, потребовал, чтобы до начала переговоров выдали всех корейских пиратов, укрывшихся в Японии, которые легко находили убежище у своих друзей и братьев на побережьях Кюсю; царь желал побыстрее подвергнуть их скорому суду, потому что корейские берега страдали от международного пиратства, равно как берега Японии и Китая. Как ни странно — грубость тона не исключала взаимного уважения? — оба лидера в 1590 г. пришли к соглашению: Хидэёси без тени наших нынешних сомнений выдал сто шестьдесят корейских пиратов судьям их страны, а корейский двор направил в Дзюракутэй двух послов.

Они достигли Киото в апреле 1590 г. и поселились в Дайтокудзи. Прием вызвал восхищение у одного иностранного наблюдателя, Валиньяно, посла вице-короля Индии; последний, желая направиться в Японию в следующем, 1591 г., велел тщательно описать этот прием

в надежде — тщетной, — что его примут с ббольшим блеском.

Послы, следуя аристократическому обычаю, ехали до Дзюракутэя в паланкине, а перед ними шел оркестр. Хидэёси ждал их в обширном зале, сидя на толстой подушке и с лицом, обращенным на юг, согласно императорскому протоколу. На нем были высокая шапка из лакового газа и платье из тяжелого темного шелка сообразно его положению *кампаку*. Вокруг него в иерархическом порядке располагались его чиновники и главные вассалы. Корейцы, приглашенные садиться, заняли места, и принесли кушанья, поставив их перед каждым на маленький поднос. Простота *моти* (традиционных рисовых пирожков) и *сакэ* (рисового алкогольного напитка) выглядела странной на фоне пышности обстановки и торжественности ритуала; хуже того — не обменялись ни одним тостом... [Потом Хидэёси удалился и вернулся позже], неся на руках маленького Цурумацу. Перед ним все простерлись... Он заинтересовался корейскими музыкантами и попросил их сыграть так громко, как они могут, а потом, увидев, что ребенок заплакал, он засмеялся и попросил, чтобы того унесли. Похоже, он был занят только своими мыслями, далекими от людей, которых он принимал, и совершенно не считался с требованиями этикета. Вдруг послы засвидетельствовали свое почтение, потом удалились, чему *кампаку* как будто не придал ни малейшего значения (*Murdoch*. P. 309.).

Неподдельная рассеянность, легкомыслие? На самом деле намеренная дерзость и тонкая тактика, превосходное вступление, позволяющее идти прямо к цели. Хидэёси без обиняков высказывается в послании, отданном для передачи царю Кореи:

Мой замысел — вступить в Китай, распространить наши собственные обычаи во всех провинциях — четырехстах и более — этого народа и учредить там на-

всегда правление нашего императора. Поскольку ваша страна проявила предупредительность и нанесла визит к нам в Японию, чтобы выказать уважение, вам опасаться нечего... Когда я вступлю в Китай... мы возобновим наш союз. Мое единственное желание — чтобы блеск моего имени достиг трех стран (Ср. *Murdoch*. P. 308 и далее.).

Что вдруг случилось с головой этого вождя, доселе столь осторожного при внешнем фанфаронстве? Это была, конечно, драма наивности, драма эгоцентризма и гордыни, которые не всегда щадят и великих людей, делая их детьми, драма плохой осведомленности в ситуации, когда национальное чувство в эйфории вновь обретенного единства — или в надежде на его скорое обретение — воспринимает все в манихейской оптике. Как Хидзэси воображал себе материк? Как большой Киото, в котором находятся те же мелкие феодальные общества? Он, централизатор современной Японии, еще не имел ни малейшего представления о государстве масштаба Китая. Преступная слепота — его положение не давало ему права заблуждаться; долговременная слепота — он дважды отправлял посланника в Корею, но в июле 1591 г. еще не получил никакого удовлетворительного ответа и с наступлением лета начал готовиться к войне.

Было ли это предзнаменованием и следовало ли с ним считаться? 5 августа того же 1591 года умер Цурумацу, столь любимый и столь ожидаемый ребенок. Он унес с собой в могилу надежды Хидзэси, его веру в создание рода, и тем самым его смерть грозила пошатнуть стабильность страны. Эта драма несомненно имела отношение к тому, что отныне во всех решениях *кампаку* стало проявляться осязаемое ожесточение; он снова переживал кризис, что побуждало его бить наотмашь.

Через две недели после того, как скончался Цурумацу, Хидзэси повторил с совершенно военной четкостью

директивы «охоты за мечами» и, более того, уточнил их социальные последствия:

1. Если среди вас есть люди, служившие в армии, которые убивали крестьян с июля прошлого года, в конце кампании против области Муцу [ставшей следствием и завершением войны с семейством Ходзэ], вам дозволяется поместить их под надзор и изгнать их. Город или деревня, спрятавшие человека такого рода, будут [солидарно] преданы суду за неуважение к закону.

2. Если крестьянин покидает свои поля, чтобы сделаться купцом или сельскохозяйственным рабочим, будет наказан не только он, но и вся деревня вместе с ним будет отвечать перед судом. Любой индивидуум, не служащий при оружии и не занятый земледелием, равным образом будет преследоваться местными властями в судебном порядке и подлежит изгнанию. Чиновники, пренебрегшие своим долгом в этой сфере, будут изгнаны со своих постов за недосмотр. В случае, если факт превращения крестьян в купцов будет скрыт, ответственность понесут весь город или вся деревня.

Ни один воин, покинувший своего господина без дозволения, не будет принят на службу к другому. Прежний статус человека будет рассмотрен с величайшей тщательностью; от него могут потребовать представить поручителя.

Те, кто не скажет, что уже имеет господина, будут арестованы за нарушение закона и отправлены к прежнему господину. Если это постановление будет нарушено и тот, кто совершил проступок, останется на свободе, [прежний] господин получит в качестве компенсации головы трех человек, в противном случае новый господин будет сочтен ответственным [за проступок] и отдан под суд (21 августа 1591 г.) (*Sources of Japanese tradition*. P. 330.).

Как было принято, немногими словами сказано многое: Хидзэси прикрепил крестьянство к земле, но защитил его от бесчинств военной касты, которую тоже

жестко подчинил закону; он насадил систему сложной и обязательной коллективной ответственности, впрочем, широко применяемую в Китае со времен зарождения империи и внедренную силой с начала царствования династии Мин. Смелость Хидэёси заключалась в том, что он с равной строгостью применял эту систему к горожанам, к селянам и, что для Японии было новшеством, к феодальным вождям, на которых могла быть возложена личная ответственность за выбор вассалов. Для воинов былых времен такой режим несомненно был бы невыносимым, но современники Хидэёси ощущали необходимость поддержания равновесия, в котором нуждались сами, чтобы сохранить недавно полученные привилегии и преимущества. К тому же, щелкая кнутом угроз, Хидэёси умел внести в жизнь и радость — на сей раз она приняла облик славного и прибыльного похода за море, потому что Япония стала слишком тесной.

В сентябре 1591 г., через недолгое время после эдикта о «замораживании классов», он провозгласил, что вводит в действие план, подготовленный в предыдущем году, в марте 1590 г. Так было принято решение о вторжении в Корею, а штаб-квартиру экспедиционного корпуса расположили в местности под названием Нагоя, на побережье провинции Хидзэн (в современной префектуре Сага на Кюсю).

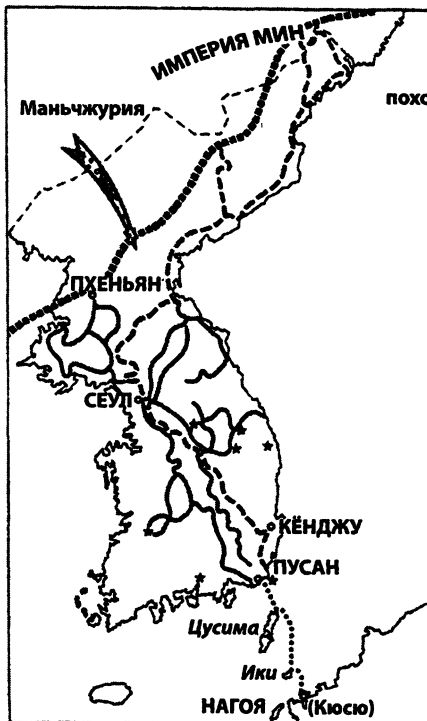
КОРЕЯ

Так называемый
поход «эры Бунроку»
(1592–1596)

Так называемый
поход «эры Кэйтё»
(1597–1598)

★ поле сражения

■ японский форт

..... морской путь вторжения

----- армия Като Киёмаса

— разные японские армии

КОНИСИ Юкинага

МОРИ Ёсинори

КОБАЯКАВА Такакагэ

КУРОДА Нагамаса

■■■■■■ фронт

————> продвижение китайцев

Глава X

ЗА МОРЕМ

Авантюра

Возможность добраться до Китая и тем более до Кореи была не чудом для того, кто знал Кюсю, а на Кюсю — тихую бухту Карацу. «Карацу» — само название уже содержит призыв: оно означает «порт династии Тан», то есть для страны, позаимствовавшей у великой китайской династии Тан (618–907) основную часть своей культуры, политики и религии, — «порт Китая». Со времен неолита, но совсем бесспорно — с III в. до н. э. отсюда поступали в Японию основные продукты китайской металлургии — либо непосредственно из области Нинбо и рек бассейна Янцзы, либо транзитом через корейскую территорию. Место для этого было подходящим: из еоснового бора, окаймляющего кривую линию пляжа из серебристого песка, в хорошую погоду виден остров Ики, силуэт которого нечетко вырисовывается в море, милях в двадцати от японского берега. А мореплаватели знают, что это не последний этап: с северо-западной стороны Ики угадываются голубоватые контуры больших островов Цусима (приблизительно в 25 милях), откуда опять-таки можно разглядеть другую землю, расположенную почти на том же расстоянии. В общем, это приглашение к путешествию: надо лишь пересечь ряд проливов, едва ли более широких — если смотреть издали, — чем проливы между разными островами, составляющими Японский архипелаг.

Тем не менее географический пункт Карацу в то время, когда им заинтересовался Хидзёси, был не более чем мирным рыбацким портом; «международная» роль, при-

читавшаяся ему в бронзовый век, теперь перешла к Хаката, занимавшему гавань на некотором расстоянии отсюда, на северном побережье Кюсю и точно напротив пролива Симоносэки — обычного морского пролива, соединявшего его с Хонсю. Однако, что было лучше приспособлено к сношениям с континентом, чем бухта Карацу?

Хидзэси уже думал об этом: несколько месяцев назад, сразу после поражения Ходзэ, он послал сюда разведчика, разбирающегося в плотницком ремесле и в военной архитектуре, — Курода Дзэсуи, потомка одной из семей мелких христианских *даймё* Кюсю, которые первыми присоединились к нему, чтобы отстоять свою самобытность — и свое имущество — перед лицом вельмож, сохранивших верность буддийской вере предков.

Едва Курода Дзэсуи набросал первые линии плана замка, как этот план с октября начали претворять в жизнь, потому что замыслы Хидзэси не терпели промедления. К тому же в ту эпоху, как и каждый год, на Северном Кюсю с конца ноября по начало марта дул ледяной ветер из Сибири, сильно мешая работать зимой. Значит, оставалось несколько недель чудесной осени, по сути долгого конца лета, — если привлечь достаточно рабочей силы, можно было уже заложить значительную часть фундамента, по крайней мере для главного корпуса (*хоммару*).

Тем временем Хидзэси обдумывал новую ситуацию, созданную столь ранней смертью маленького Цурумацу. Еще раз он остался без наследника, лишился той непоколебимой власти, какую дает провозглашенная повсюду уверенность в основании династии, в возможности неделимой передачи наследства, потому что смена обеспечена. Хидзэси было пятьдесят шесть лет, и он начинал постоянно чувствовать усталость, приближение того, что он уже не осмеливался называть старостью. Как еще надеяться на появление сына? И как найти содействие, чтобы тебя не предали? Кто может играть его роль при дворе,

когда он отправится к границам? Или кто будет следить за армиями, в то время как он будет обеспечивать единство империи в столице? Цурумацу был еще всего лишь ребенком, но он олицетворял надежду и способствовал тому, чтобы амбиции врагов притихли, хотя бы на время. Что теперь будет, когда его больше нет, а семью *кампаку* как будто преследует рок? Разве только что (в возрасте около пятидесяти) не умер его младший единоутробный брат — Хидэнага, сын его матери от второго брака? Верный ему, доверенный человек, которому он поручал охрану драгоценного Цурумацу? А маленькому Кинго, как он его называл, ребенку из его семьи, усыновленному в 1584 г. к великому несчастью для Нэнэ, еще не было десяти лет. Чтобы подстраховаться на случай собственной кончины и выстроить логику наследования, Хидэёси вспомнил о старшем из своих племянников, Хидэцугу, сыне сестры. Через несколько недель, в декабре 1591 г., он передал последнему и свою резиденцию Дзюракутэй в столице, и свой престижный титул *кампаку*.

Однако без мысленных оговорок дела не делаются: он открыто сожалел, что дочь его друга Маэда Тосиизэ — которую он тоже удочерил — не мужчина; она казалась ему намного достойнее титула *кампаку*, чем бедный Хидэцугу!

Тем не менее передача должности произошла: традиция, соблюдаемая с эпохи Хэйан в отношении всех высоких постов в правительстве, не считала благом, чтобы одна и та же власть слишком надолго оставалась в одних руках, особенно если она предполагает — что относилось ко всем придворным должностям и особенно *кампаку* — существенные ритуальные обязанности. Свобода и действенность возможны только в отставке, которую Хидэёси и получил 28 декабря 1591 г., отдав должность *кампаку* племяннику и приняв титул *тайко* — «отставного регента», который полагался *кампаку*, передавшему должность сыну; Хидэёси так прославит эту должность,

что, когда говорят о *тайко*, не уточняя имени, речь идет всегда о нем.

В то же время, как будто он хотел покончить с протокольными обязательствами, прежде чем переходить к новой стадии деятельности, он созвал в Киото просто-народье и простых *самураев*, чтобы как можно скорей завершить проект, о котором он думал многие годы и работы над которым уже сильно продвинулись, — возведение городской стены Киото. Она была задумана по китайским образцам со времен создания дальней столицы, и когда-то, в конце VIII в., был сделан ее эскиз (*радзё*), но реализован он не был, что давало полную волю воображению Хидэёси. Последний велел возвести глинобитную насыпь (*одои*) шириной 9 м в основании и высотой 3 м, увенчанную живой изгородью из бамбука и изящно выложенную камнем. Эта постройка имела мало оборонительной ценности, но была очень престижной, и о ее быстром возведении современник рассказывает так:

[С начала 1591 г.] вокруг города начали копать ров и [на насыпанной таким образом земле] посадили бамбук. Больше половины было сделано уже в феврале... Стена имела десять отверстий... если бы появился враг, зазвонил бы колокол; сразу же закрыли бы ворота, и [нападающий] оказался бы заперт [внутри города, где с ним легко покончить].

Наконец, в этот момент Хидэёси решил на время покинуть свой замок Осака — расположенный несомненно слишком далеко от столицы, на его взгляд, — чтобы приблизиться к Киото: уже не к Дзюракутэю, отданному новому *кампаку*, а к юго-восточной части города, поселившись между Осакой и Киото, в месте, как всегда, имевшем важнейшее стратегическое значение. Однако он задумал лишь скромное жилище: душой он находился на Кюсю, со своим штабом, в замке Нагоя.

Новый замок, расположенный на высоком мысу, но укрытый в полости эстуария (Нагоя-ура), был также защищен со стороны моря островом, находящимся в центре бухты Карацу. При его постройке широко использовались решения, примененные в цитадели Осака, — внушительные рвы, циклопические стены, угловые башни в несколько этажей, характерные для оборонительной системы того времени. Планировка наружных стен, намеренно усложненная, изолировала друг от друга многочисленные камеры для расквартирования армий и помещала потенциального захватчика в опаснейший лабиринт — неопостижимый для того, кто не был с ним хорошо знаком, он незаметно вел чужака к изломам коридоров и ловушкам, позволявшим уничтожить штурмовую группу за недолгое время. Ансамбль его оштукатуренных стен и гордых стрельчатых фронтонов под глазированными крышами венчал пятиэтажный донжон на каменном цоколе.

От этого замка грез ныне осталось лишь живописное изображение, несомненно принадлежащее наблюдательной кисти Кано Мицунобу (1565–1608), сына и ученика знаменитого Эйтоку, того самого, которому Нобунага когда-то поручил отделку своего дворца Адзути. На картине есть все: геометрическое плетение внешних стен, изящество башен, ворот, павильонов и кипучая жизнь в цитадели, ненадолго ставшей центром мира, с точки зрения Японии. Китайские и португальские путешественники и послы теснятся там в живописной и совершенно нереалистичной мизансцене — протокол не допускал, чтобы к правителю одновременно направлялось две делегации, проходившие мимо групп пресыщенных и равнодушных *самураев*, совместно спеша приветствовать повелителя: японским художникам были присущи стремление к комичному и мягкий юмор, и они писали на основе воображения, по памяти, но при этом использовали образы, которые живо и точно запомнили.

Все источает живое очарование, образуя словно ответ жизни, какой жила Нагоя в те ключевые годы, порой столь трудные для понимания, — 1591–1592. У подножия замка сформировался «нижний город» (*дзёкамати*), где теснились жилища ремесленников и купцов. В результате цитадели Японии той эпохи не имели чисто военного облика — в них могли успешно сосуществовать два образа жизни: военное искусство, с одной стороны, и тяжелая повседневная работа — с другой; они жили в симбиозе и постоянно оказывали друг другу взаимные услуги, и из этого произрастет процветание доиндустриальной Японии.

Но в Карацу-Нагоя еще активней, чем в других местах, Хидэёси вводит новшества: в самой глубине огороженного пространства он создает *ямадзато*, «деревню на холме», маленький рай, скрытый за крепостными стенами: покои для приемов, чайные павильоны, легкие галереи, воссоздающие мир блаженства среди военных построек — два островка у подножия большого донжона.

Хидэёси поселился там в апреле 1592 г. Тем не менее он испытывал озабоченность: ни природная красота этих мест, ни море, открытое в мир, ни успех архитектурного замысла, созданного и воплощенного всего за несколько месяцев, не могли его развеселить. В противоположность тому, что бывало раньше, и к его большому удивлению, он с величайшей неохотой покидал столицу, расставался с радостями своего огромного дома, с очаровательной непосредственностью Ёдо-гими, матери бедного маленького Цурумацу, чье имя, составленное их двух знаков доброго предзнаменования — «аист» и «сосна», — должно было защитить его от всех бед. Его не покидали мучительная печаль, ощущение гибели надежд, образ ребенка, препорученного теперь только Дзидзо — доброму боже-ству, которое покровительствует ему в ином мире. Чтобы сохранить последнюю связь, Хидэёси заказал маленькую статую своего сына: установленная в Киото, в Мёсиндзи,

на корабле с колесиками — возможно, любимой игрушке ребенка, она оставалась единственным отблеском его жизни. И природа тоже отвернулась от несчастного отца — более чем когда-либо он чувствовал усталость; его аппетит стал переменчивым, и настолько, что он никогда не упускал случая пожаловаться на это в письмах, которые регулярно посылал супруге. Более того: его зрение ослабло! Но не к лучшему ли это было? Он не так замечал седые волосы, постепенно покрывавшие голову.

Хуже было то, что ему не желал подчиняться внешний мир. Корейцы прикидывались, что ничего не слышат, и совсем не спешили способствовать прохождению японских войск. Правда, последние выглядели грозно: в целом 150 тысяч человек как минимум было поставлено под командование Кониси Юкинага и Като Киёмаса, а перевозила их огромная флотилия под началом Куки Ёситака и Тодо Такатора; каждая приморская провинция должна была поставить два больших корабля с лена, дающего 10 тысяч *коку* дохода; города и деревни направляли моряков из расчета десять человек на сто домов. И это не все. Люди и строительные материалы должны были сосредотачиваться в Осаке. Богатым феодалам с годовым доходом более 100 тысяч *коку* было предложено построить по три больших корабля и по пять среднего размера. Хидэёси выделил необходимый денежный аванс и позже оплатил из него то, что оставалось.

Так в конечном счете собралась эта «армада» — по сути тяжелые барки или галеры с лопатообразным рулевым веслом и внушительными надстройками, увенчанными дополнительным парусом, который помогал работе гребцов; в целом эти суда были маневренными и быстрыми в хорошую погоду, не боялись мертвого штиля, но малейший шторм создавал для них угрозу.

Тем не менее операция развивалась как нельзя лучше. Кониси Юкинага без затруднений достиг Пусана на

южном побережье Кореи, а через три недели дошел до Сеула. Возможно, и это было единственной тенью на блистательной картине, он не обращал достаточно внимания на то, что творилось вокруг него: на выжженную землю, на опустошенные города, гигантские груды пепла, где японские солдаты не могли заметить ни живой души. Но войска только что провели успешную высадку; за ними следовала интендантская служба — хорошо организованная, она включала в свой состав даже португальского переводчика, — и Юкинага шел своим путем.

Окопавшийся в своем замке Нагоя, обещая приехать, но постоянно откладывая день отъезда, Хидэёси ликовал: он назначил губернатора Сеула — Укита Хидэизэ, сына феодала, которому он дал приют после смерти отца и которого только что женил на своей приемной дочери. Полностью удовлетворившись внешним видом событий, действительно ли он намеревался выйти в море и направиться в Корею, а потом в Китай? Он громогласно объявил о победе. Первой он уведомил об этом любимую мать:

Я возьму Китай к сентябрю... Тогда я буду счастлив принять церемониальное облачение, которое Вы соизволите мне преподнести на праздники конца сентября в китайской столице... Как только я возьму Китай, я отправлю к Вам гонца (*Berry*. P. 209.).

Потом (в мае 1592 г.) он пишет, может быть, самое знаменитое из своих писем, адресованное его племяннику, приемному сыну и преемнику на посту *кампаку* — Хидэцугу:

1. [Вы] не должны ослаблять приготовления к походу. Отплытие произойдет в январе или феврале следующего года [1593].

2. Столица Кореи пала 2 числа сего месяца [май 1592 г.]; таким образом, пришло время пересечь моря и поставить Великих Мин [китайских императоров]

под наш контроль. Я желаю, чтобы Вы пересекли море, с тем чтобы стать *кампаку* Китая.

3. Вас будут сопровождать 30 тысяч человек. Вы отплывете из Хёго, на судне [для Хидэцугу, таким образом, поездка начнется из сердца Внутреннего моря], но лошади будут отправлены сушей [когда это будет возможно].

4. Хотя в Корее не ожидается никакого сопротивления, вооружение имеет величайшую важность — не только для поддержания Вашей репутации, но и для предотвращения любой чрезвычайной ситуации. Всех людей, которые будут находиться под Вашим началом, следует обучить [обращению с оружием].

Далее следует тринадцать пунктов, посвященных технической организации похода. Потом:

18. Его Величество [император Японии] должен будет направиться в китайскую столицу; это требует хорошей подготовки. Этот визит императора произойдет в году, который придет на смену следующему году. По этому случаю ему представят десять провинций, близких к столице. Все придворные получают там лены; указания будут даны в свое время. Самые смиренные получают десятикратную стоимость [того, что имеют сегодня]. Самые великие будут наделены сообразно их личной важности.

19. Пост *кампаку* Китая достанется, как сказано выше, Хидэцугу, который получит сто провинций, близких к столице. Пост *кампаку* Японии перейдет, в зависимости от того, будет ли к этому готов тот или другой, к [...] или [Укита Хидэиз, недавно назначенному губернатором Сеула].

20. Трон Японии перейдет к юному принцу или к принцу Хатидзё.

21. Ответственность за Корею возьмет на себя [Хасиба Хидэясу], свойственник, или Укита Хидэиз. В этом случае на Кюсю будет назначен [Кобаякава Хидэаки].

22. Путешествие императора в Китай следует организовать в соответствии с ритуалом императорских

переездов (*гэко*). Его Величество проследует дорогой, проложенной нашими войсками в походе. Необходимые люди и лошади будут реквизироваться на месте.

23. Корея и Китай будут взяты без затруднений. Поскольку не будет ни малейшего волнения и поскольку никто из простонародья не убежит, обратитесь к должностным лицам провинций и отдайте приказ о приготовлении к походу.

24. Уточнения о представителе [японской] столицы и Дзюракутэя я сделаю позже (18 мая 1592 года.).

Эта знаменитейшая командная записка, как всегда у Хидэёси, в нескольких словах резюмирует ситуацию, оставляя мало сомнений в природе намерений и представлений автора. Во-первых, он плохо оценивал расстояния, как и площади: послать лошадей в количестве, необходимом для создания внушительной кавалерии, в Корею было далеко не то же самое, что переправить их через пролив Симоносэки, и даже не то же самое, что отправить их в каботажное плавание между островами и рифами Внутреннего моря, хоть в то время такое плавание и было весьма опасным. К тому же, даже если число «сто» в понятии «сто провинций» было лишь условным и скорее имело смысл «много», позволительно задаться вопросом о значимости земель, окружавших китайскую столицу, которая, сверх того, отнюдь не имела того центрального положения, как Киото, размещенный в центре империи; Пекин находился на самом севере Китая, у подножия Великой стены и недалеко от земель кочевников, плохо контролируемых. Что касается династии Мин, то даже при тогдашнем ее шатком положении она сохраняла больше реальной власти, чем когда-либо имел император Японии, и трудно представить, чтобы китайский император Ваньли* (1572–1620), каким бы малодушным он

* Минский император Чжу Инцзюнь, храмовое имя — Шэньцзун.

ни был, без попытки сопротивления подчинился диктату иноземного полководца. Наконец, огромность бесконечной равнины, углубиться в которую значило слишком оторваться от своих баз, была опасней локального сопротивления опытных армий.

Роковая слепота! Хидэёси в высшей степени обладал организационным талантом и прежде всего талантом военной организации. Но, столь хорошо зная сердце своих людей и своих противников на архипелаге, он совершенно не имел представления о психологии народов материка. Он не понял, что для корейцев, живущих в пограничной стране, куда постоянно вторгались и которой постоянно угрожали, бежать означало выигрывать время для организации сопротивления. Он неправильно оценивал и китайскую медлительность (император Китая, проведя мобилизацию, все еще не давал приказа своим войскам пересечь Ялу, пограничную реку), и низкий боевой дух китайских солдат, когда они наконец перешли в наступление, и их быстрый отход, и проволочки Пекина, делавшего вид, что с почтением относится к Кониси Юкинага и желает вступить с ним в переговоры. Японские воины, одновременно крайне искушенные и крайне наивные, ни на миг не представляли себе традиционной непопулярности военной службы в Китае, медлительности администрации и страны, в равной мере огромных, подчиненности военной власти гражданской — как могли вообразить себе такое они, для кого гибель в бою была целью жизни и ее высшим завершением? Они, при всей увлеченности героическими рассказами из китайских романов, забыли также, что существуют другие формы войны, кроме столкновения в правильном боевом порядке. Они не понимали, что можно играть по другим правилам, чем их правила, и что рыцарство в Китае утратило популярность с эпохи Воюющих царств и исчезло давно, с основанием империи в 221 г. до нашей эры.

В то время как японская армия столь легко восторжествовала на суше, корейский адмирал Ли Сунсин атаковал японский флот, ждавший в портах, и почти полностью утопил его; тем самым японцы лишились возможностей для снабжения — трудно жить в стране, практикующей принцип выжженной земли, — для получения смены и даже для отступления. Тогда в сельской местности, которую захватчики считали заброшенной, замелькали тени крестьян: они уничтожали то, что оставалось от урожая, и бросали на японские лагеря диверсионные группы; это была уже не война наемников и не поединок чести, это было народное восстание. Осенью 1592 г. японские вожди признали очевидное: надо заключать перемирие — к этому стремились обе стороны, находя в этом равную выгоду.

Совершит ли наконец Хидэёси поездку, ту переправу, которую он до сих пор откладывал под разными предлогами? Или же его сердце не могло покинуть Киото и его всегдашних пристрастий, не покидавших его, даже когда он принимал важнейшие решения для международной политики?

Я отправляю Вам это письмо по зрелом размышлении. Поскольку я должен дать Вам много приказов, прежде чем направлюсь в Корею [он не уехал раньше, потому что море было беспокойным], прошу Вас: приезжайте сюда в течение десяти дней после 5-го числа первого месяца. Поскольку здесь Вы задержитесь всего на пять дней, поймите это и приезжайте быстро. И возьмите с собой знатока плотницкого дела, который привезет план Фусими. Проблема *намадзу* [гигантской рыбы-кошки, на спине которой, согласно мифам, стоит Япония и чьи движения вызывают землетрясения] столь важна для строительства Фусими, что я хотел бы выстроить его таким, чтобы *намадзу* не смог на него напасть. Вы должны приехать как можно скорей, с плотником и с планом. Вам незачем брать с собой подарки или что-либо еще.

Приезжайте, прошу Вас, с двумя-тремя всадниками, чтобы избежать затруднений по дороге... Что касается постройки Фусими, я хочу, чтобы ее осуществили с величайшей заботой, в соответствии с предпочтениями и вкусами Рикю (Письмо Маэда Гэнъи, 11 декабря 1592 г.) (*Boscaro*. P. 48.).

Ему не хватало домашнего очага; он писал об этом между строк Маа, дочери Маэда Тосиизэ и своей самой юной наложнице:

Вы отдали мне два костюма на Новый год, и я этому порадовался, пожелав Вам долгой и счастливой жизни. Я рассчитываю переправиться в Корею весной, взять все лично на себя, а потом устроить триумфальное возвращение. Я особенно доволен вестью, что здоровье Ваше улучшилось после того, как Вы съездили на воды. Этого аиста я поймал, охотясь с соколом, и преподношу его Вам в надежде, что он доставит Вам удовольствие... (26 декабря 1592 г.) (*Boscaro*. P. 49.).

Но в Корее удача ему изменяла. Если китайская военная машина была тяжеловесной, если требовалось время, чтобы она пришла в движение, сама ее масса способствовала тому, чтобы эффективность она сохраняла надолго. В январе 1593 г., несмотря на холода северных зим, 40 тысяч солдат китайской армии достигли окрестностей Сеула, после того как обратили в бегство японский авангард, расквартированный близ Пхеньяна. Тем не менее игра была еще не окончена, и японское военное искусство снова совершило чудо: японская пехота, вооруженная длинными копьями, пригодными для того, чтобы выбивать всадников из седла, и мушкетами, разгромила архаичную китайскую кавалерию полководца Ли Жусуна, вооруженную лишь короткими мечами, бесполезными вне рукопашной схватки. Однако японские командиры знали, что преимущества у них уже не будет: в мае 1593 г. представлялось, что спасение — лишь в переговорах.

К счастью, Китай согласился направить троих поверенных в делах в замок Нагоя, и Хидэёси заявил о своем намерении женить императора Японии на дочери Ваньли.

На самом ли деле он собирался это сделать? Корейская кампания не вызвала энтузиазма, на который он рассчитывал. Если сеньоры запада страны пошли за ним, то восточные — которые и примкнули совсем недавно — проявили вежливую, но холодную сдержанность: ни один из Токугава, ни один из Датэ, ни один из Уэсуги не согласился взяться за оружие лично и принять участие в походе — все, и то словно скрепя сердце, прислали маловыразительных представителей.

Хидэёси понял. Кстати, все призывало его в Киото: слабеющее здоровье матери, а также неожиданная и счастливая новость — Ёдо-гими, молодая мать милого Цурумацу, слишком рано ушедшего из жизни, снова беременна. Он узнал об этом из письма самой Нэнэ, своей супруги, и та, несомненно, выразила в письме по этому поводу огорчение, с которым Хидэёси посчитался:

...Эти дни я немного кашлял, почему Вам и не писал, и сажусь за письмо я впервые. Я также рад узнать, что Дама Ни-но-мару [Ёдогими] беременна, но вспомните, прошу Вас, что я не желаю иметь ребенка. Сыном *тайко* должен был бы стать Цурумацу, но он ушел в иной мир. Смутило бы Вас то, что будущий ребенок касается только Дамы Ни-но-мару? (Письмо к Нэнэ, 11 мая 1593 г.) (*Boscaro*. P. 56.)

Он демонстрировал безразличие, чтобы смягчить страдания жены из-за ее бесплодия, но хозяин Японий проявил безграничную радость, по пути из Нагоя в Киото наконец узнав о благополучных родах и, не желая того, выдав свои чувства:

Счастлив, что Мацура прислал человека столь быстро. Передайте ему, пожалуйста, мою благодарность. Я предполагаю, что Мацура присутствовал при ро-

дах и послал мне гонца, как только смог; я хотел бы назвать [ребенка] Хирои. Пусть даже самые низшие слуги не используют почетную приставку «о» [говоря о нем, чтобы не вызвать ревности богов, которые могли бы забрать его к себе обратно]. Называйте его только Хирои, Хирои. Я очень скоро совершу триумфальное возвращение (Письмо к Нэнэ, 9 августа 1593 г.) (*Boscaro. P. 59.*)

Потом он пишет молодой матери:

Повторяю: давайте Хирои достаточно молока и проявите о нем большую заботу. Пожалуйста, достаточно ешьте, чтобы у Вас хватало молока. Вы не должны ни о чем беспокоиться. На том заканчиваю. Посылаю Вам пять птиц, пойманных при охоте с соколом, и три бамбуковых корзины мандаринов (Письмо к Ёдо-гими, 25 августа 1593 г.) (*Boscaro. P. 62.*)

Будут ли по-прежнему покровительствовать ему боги — кроме как в корейском деле, сложность которого он недооценил?

Глава XI

РАДОСТЬ И НЕНАВИСТЬ

ОТЦОВСТВО

Трудно представить более счастливого человека, чем Хидзэси, узнавший о рождении маленького Хирои-мару, который получит в отрочестве имя Хидзэри. Все надежды, которые он некогда возлагал на бедного Цурумацу, возродились и удесятерились. К этому добавлялись страстная любовь, растроганность, ослепление чудом, полностью выходявшим за пределы представлений и взглядов политика. С того дня ребенок, казалось, стал средоточием всей жизни Хидзэси. Это постоянная тема его писем, в которых выражаются его радости и тревоги: он сожалеет о молодости Ёдо-гими, которую находит недостаточно внимательной и к которой он теряет интерес, целиком отдаваясь любви к ребенку.

Повторяю: ... не могу выразить, насколько одиноким я чувствую себя вдали от Хидзэри и до какой степени не в состоянии одолеть свою печаль. Еще раз повторяю: строго приказывайте своим людям принимать предосторожности от пожара. Каждой ночью посылайте их проверять комнаты по два-три раза. Вы должны быть бдительной (Письмо к Ёдо-гими, 8 декабря 1597 г.) (*Boscaro. P. 73.*).

Ёдо-гими получала больше почестей и знаков внимания, чем когда-либо, однако они были адресованы не ей как таковой, а матери Хидзэри. Хидзэси страшился смерти, которая в тысяче образов рыщет вокруг маленьких детей — он узнал об этом на горьком опыте. С этого дня он уже никогда не покинет Центральную Японию, слишком

беспокоясь об этом сыне и предпочитая жить рядом с ним и показывать его гостям. Он писал ему с серьезностью и нежностью, как очень дорогому другу, — ребенку, который еще был всего лишь младенцем:

Вы быстро написали мне, и я очень счастлив; надеюсь, у меня будет свободное время и я вернусь скоро. Поскольку Вы очень любите маски, я послал их разыскивать, даже в Китай, чтобы преподнести Вам (Письмо к сыну, 1594 или 1595 г.) (*Boscaro*. P. 70.)

Или же:

Я очень счастлив, что Вы мне написали. Из-за работы здесь, как я Вам говорил во вчерашнем письме, я не отправил Вам ни единого слова, хотя очень хотел. Я вернусь совсем скоро, в конце года, и поцелую Вас в уста. Больше никто, кроме меня, не должен целовать Ваши уста, даже немного. Я представляю, как Вы становитесь все красивей.

Папа

Повторяю: я едва могу выразить свою любовь к Вам; я вернусь очень скоро, в конце года, чтобы говорить с Вами. Я намеревался написать также Вашей маме, и, надеюсь, она поймет [что у меня не было времени для этого]... (2 декабря 1597 г.) (*Boscaro*. P. 72.)

Это новое, неожиданное отцовство тем не менее парадоксальным образом осложняло восстановление порядка. Во что превращался в этой ситуации Хидэцугу, приемный сын? И каким будет место юного сына по крови по отношению к законному наследнику? Было общеизвестно, что Хидэёси питает к приемному сыну и племяннику лишь ограниченное доверие, упрекая его, в частности, за то, что тот имел бледный вид по сравнению с Токугава Иэясу в сражении при Нагакутэ (1584), имевшем печальный исход.

Но Хидэцугу, на которого выбор пал только как на старшего из племянников, тем не менее оставался обладателем должности *кампаку*, которую у него нельзя было отобрать без весомой причины.

Некоторые документы и рассказы того времени приводят вероятное решение: Хидэцугу мог бы выдать дочь за этого ребенка, в свою очередь сделав его наследником, а позже передав ему свой титул *кампаку*. Однако подобные варианты не удовлетворяли Хидэёси и его горячий отцовский пыл.

Тем более что о своеобразной фигуре его племянника ходили странные слухи: в обществе, далеко не склонном к чрезмерной чувствительности, он выделялся жестокостью, нездоровым пристрастием к смертным казням, в которых с удовольствием участвовал, вопреки всем обычаям; говорили также, что он любит упражняться в стрельбе — из лука или мушкета, — делая мишенями крестьян, трудящихся на своих полях; другие, еще более постыдные, если это было возможно, слухи намекали на его склонность к садизму, на безумие, которое его охватывало при виде крови. И в довершение всего шпионы сообщали, что после рождения Хидэёри он постоянно усиливает свою охрану, не жалея средств. Вскоре поползли и подозрения в измене: Хидэцугу, которому Хидэёси никогда не доверял ничего по-настоящему ответственного, начал добиваться прямого ленного подчинения вассалов *тайко*. Благовидный предлог или реальные опасения — неважно, но Хидэёси использовал это как повод для молниеносной акции: Хидэцугу должен исчезнуть.

Для этого существовали только два средства: изгнание — но оно допускало любые заговоры и любые надежды, — и смерть. Осторожность или гуманность? Хидэёси начал с изгнания. Он вручил Хидэцугу, обвиненному в измене, приказ удалиться на гору Коя, в мо-

настырь Сэйгандзи; фактически это было не пострижение в монахи, а интернирование, и представители *тайко* допросили там обвиняемого, попытавшись добиться у него признаний в его замыслах и имен феодалов, состоящих с ним в заговоре. Этот этап быстро закончился, и очень скоро перешли ко второму варианту. В августе 1596 г. батальон (10 тысяч человек?) окружил храм и предъявил Хидэцугу приказ Хидэёси: в кратчайший срок покончить с собой. Так умер приемный сын, который, конечно, не обладал талантами, необходимыми для его должности, и к тому же был неудачником — а для вождя это приговор.

Маленький Хидэёри остался единственным и законным наследником Хидэёси: позиция ненадежная — вспомним историю самого Хидэёси, оттеснившего сыновей своего господина Нобунага! — но тем не менее многообещающая, при условии, что его отец проживет еще достаточно долго или, в случае скорой смерти *тайко*, нынешнее феодальное равновесие при всей своей хрупкости не изменится: коль скоро никто не был сильнее других, все *даймё* были заинтересованы сохранять в неприкосновенности власть сына Хидэёси как высшей инстанции. Эти факторы в сочетании с репутацией, которая никогда не была безупречной, объясняют, почему бедный Хидэцугу мог покинуть сцену — политическую и человеческую, — не вызвав ни сожалений, ни восстания.

Еще более ужасным, хотя и соответствующим той же логике, выглядит истребление его клана: постыдная расправа в месте, предназначенном для уголовников, с его тремя сыновьями — старшему из которых едва исполнилось двенадцать лет, — с его супругой, дочерьми и их служанками, в целом с четырьмя десятками человек, не повинных ни в чем. И этим Хидэёси еще не удовлетворился: он велел бросить останки замученных в обычную яму с надписью «Могила предателей». По удачном за-

вершении этой операции он вернулся к своему благочестивому плану, обнародованному несколько лет назад, — строительству в Киото нового храма, куда можно было бы поместить гигантскую статую Будды. Кровавое иступление и политическая религиозность порой неплохо сочетаются...

Так родились храм Хокодзи — знаменитая подвижная стена которого сегодня сохраняется в храме Тисякуин в Киото — и его главная статуя высотой 19 м, из лакированного дерева и с металлическим каркасом. В то же время вознесся и последний по дате из замков Хидэёси — замок Фусими, который был прекрасней всех. Само место его постройки, как и постройки замка Осака, было историческим: его возвели на холме к югу от Киото, где находилась могила императора Камму (781–805), основателя столицы. С тех пор эти места облюбовали аристократы для своих резиденций. Когда в 1591 г. Хидэёси отдавал указание о начале строительства, он имел в виду скорее скромное жилище — во всяком случае, по меркам *тайко*, — расположенное в более приятном месте, чем его замок Осака, и служащее разумной компенсацией дворца Дзюракутэй, отданного Хидэцугу. Если смерть Хидэцугу не вернула Дзюракутэя — который Хидэёси в приступе разрушительного бешенства велел снести, оставив лишь несколько павильонов, перенесенных в Фусими; — то рождение Хидэёри потребовало нового подхода, и родилось это огромное здание с одиннадцатью окружными стенами, увенчанное пятиэтажным донжоном и включающее в свой состав, как и замок Нагоя в Карацу, *Ямадзато* — деревню увеселения и искусств. Хидэёси мог принимать здесь сына — которому оставил цитадель в Осаке, — и даже, если его надежды найдут воплощение, послов китайского императора, которых следовало поразить: ибо внешний мир опять стучался в двери.

Снова внешний мир

1596 год выдался нелегким! Землетрясение, сильно встряхнувшее Киото, только что уничтожило новый храм и даже нанесло тяжелый урон едва возведенному замку Фусими. Хуже того — китайские послы, столь ожидаемые, объявились в японских водах и в июне прибыли в порт Сакаи. Они объявили, что везут ответы императора Ваньли на предложения, которые Хидэёси сделал три года назад, в 1593 году. Можно себе представить смутение, лихорадочные приготовления в замке Осака, потому что замок Фусими, специально построенный для этого торжественного случая, был непригоден для использования. Дурное предзнаменование? Еще было время все уладить: китайские посланцы должны были отдохнуть, прийти в себя; более того — политические и протокольные нормы как в Китае, так и в Японии предполагали определенную неспешность, утонченную форму медлительности, подчеркивающую высокую самооценку участников, а Хидэёси был как раз из таких. Ему понадобится почти три месяца и много секретных сделок в Японии и даже в Корее, чтобы 1 сентября 1596 г. наконец объявить о своей готовности принять китайцев в том же замке Осака, потому что разрушения в Фусими оказались крайне серьезными.

В первый день началась грандиозная церемония: китайские посланцы, пройдя долгой и импозантной процессией, преподнесли дары от императора Китая — золото и шелк в большом количестве. На следующий день Хидэёси устроил большой пир для обоих глав китайской делегации — Ян Фанго и Чэнь Вэйгоу.

На встрече присутствовали Токугава Иэясу, Маэда Тосиизэ, Мори Тэрумото — все могущественные и верные *даймё*, какие только были в Японии; они все помнили сказочные планы, какие Хидэёси строил четыре года тому назад; однако многие, как, например, Иэясу, скептически выжидали.

Началась нескончаемая смена блюд, потом предстояло перейти к представлению театра *но*, без которого была немыслима любая феодальная церемония и к которому Хидзэси проявлял пристрастие, переходящее в манию. Наконец вызвали монаха из Сёкокудзи, одного из «пяти храмов» *дзэн* в Киото; ему было поручено прочесть послание китайского императора — по традиции мастера *дзэн* (по-китайски *чань*) были превосходными знатоками классического китайского языка. Императорский текст, медленно зачитываемый и переводимый на японский, включал семь пунктов — как некогда записка Хидзэси, совершенно ясных в своей лаконичности.

1. Император Японии получит девушку из китайского императорского клана в качестве второстепенной супруги.

2. Торговля между обеими странами будет строго запрещена.

3. *Даймё* (рассматриваемые как ответственные администраторы Японии) будут назначены министрами правительства Мин.

4. Япония получит четыре южных провинции Кореи.

5. Старший сын царя Кореи будет направлен в Японию в качестве заложника.

6. Зато его младший брат, охраняемый японцами, будет возвращен своему отцу.

7. Корейских министров будет назначать японское правительство.

Лаконичность ставила все на положенное место: Хидзэси получал титул «царя Кореи», а также традиционную золотую печать для заверения его актов и переписки с материком.

Тем самым Ваньли ни на пядь не изменил всегдашней китайской политике — как милостивый государь он согласился уладить разногласие, возникшее между двумя странами — его данниками, но весьма кстати напомнил о своей власти и своем желании установить порядок, со-

ответствующий его принципам: пусть каждый остается у себя, Китаю никто лично не нужен, а то, что называется «торговлей», — лишь источник нескончаемых беспорядков. Ваньли, наконец, организовал раздел земель между своими беспокойными соседями, подчинив, конечно, Корею Японии, но лишь в той мере, в какой последнюю контролировал Китай.

Может быть, впервые в своей жизни авантюриста Хидэёси не знал, как поступить. Что все-таки произошло? Его наместники в Корее, Кониси Юкинага и Найто Дзёан, остававшиеся на полуострове в 1594 и 1595 гг., конечно, были вынуждены начать переговоры; что же они могли обещать, опасаясь сделать неверный шаг? Тем не менее эти семь предложений отчасти воспроизводили то, чего требовал сам *тайко*: брачный союз — пусть второстепенный — между обеими коронами; признание прав, приобретенных Японией на Южную Корею; таким образом, Найто Дзёан вполне четко передал требования своего господина; более того, Хидэёси даже сделал шаг вперед, приняв принцип вывода своих войск, что его скорее устраивало.

Но запрет на торговлю, восстановления которой он как раз добивался, и, более того, упоминание его в качестве фиктивного «царя Японии» покрывали его позором. Что было делать? Как вести себя с этими послами? То, что ему хотелось бы, рыцарская мораль категорически запрещала. Пришлось ждать, ждать последней чайной церемонии, ждать конца танца *саругаку*, в котором не побрезговали принять участие его лучшие вассалы. Пришлось дожидаться окончания дня и возвращения уполномоченных в их квартиры, чтобы потом резко прервать всякие переговоры и, больше не вступая в переписку, возобновить войну, даже не питая иллюзий относительно ее исхода. Помимо того, что честь его задета — а это худшее страдание для человека его типа, — Хидэёси смутно ощущал, что все

вокруг него способствует противостояниям, которые его уже утомили: китайцы по-прежнему жили под страхом нападения *вако*, пиратов, которых они называли японскими; к тому же они ничуть не утратили своей былой надменности и как будто даже более, чем когда-либо, считали себя центром мира; и в Японии он видел вокруг себя непостоянный военный класс, готовый к верности кому угодно и к измене кому угодно, потрясенный тем единством, которое было отвоено за восемь лет под эгидой одного человека — его самого, человека, который, дав им официальный ранг, также закрепил их в своем положении, навсегда запретив беднейшим из них иногда возвращаться к крестьянским заботам предков. Что в мирное время делать человеку, который имеет право заниматься лишь военным ремеслом? И, кстати, ничего другого не умеет?

Значит, он пойдет на войну! В январе 1597 г. войска верных Като, Кониси и Набэсима вновь отправились в Пусан, обнаружив там небольшую охрану, которая сохранилась. Месяцем позже вышел целый флот, взявший на борт 140 тысяч человек и даже сумевший в июле внезапно захватить на острове Кочже корейские корабли, отличавшиеся намного более высоким уровнем техники, а в августе Курода Нагамори столкнулся с китайским отрядом, обратив его в бегство под Ульсаном. Здесь японская армия приобрела свою репутацию, прочную и заслуженную, самой маневроспособной на всем Дальнем Востоке.

В сентябре Хидэеси получил трофей, наполнивший его злобной радостью, — носы и уши, отрезанные у сотни трупов корейцев. В наших глазах — зловещий дар, но его надо соотнести с традиционным обычаем «проверки голов», позволявшим одновременно опознать важных мертвецов, если они есть, и оценить масштабы потерь противника. Отправка голов в большом количестве со столь отдаленной территории, как Корея, была связана со сложными практическими проблемами, и японские пол-

ководцы, всегда уважавшие традиции, предпочли отрезать носы и уши. С благими намерениями, чтобы обеспечить достойное обращение с останками врагов, Хидэёси велел похоронить их в ограде храма, который он только что возвел для гигантского Будды, — Хокодзи. Чтобы обозначить погребение в соответствии с обычаем, всегда почитавшимся с железного века, сверху насыпали холм, который и сегодня еще называется «холмом ушей» (*Мимидзука*) или «холмом носов» (*Ханадзука*). Потом с той стороны более ничего не менялось.

В том ли дело, что горизонт старика уже сузился, или в любви к сыну, дарованному богами, отца, который не мог налюбоваться на свое счастье, или же дело в том, что благодаря обычной проницательности Хидэёси понял тщетность своих начинаний во внешнем мире, слишком плохо ему знакомом, чтобы проводить там умелую политику, — но во время второй корейской кампании он даже не счел нужным приехать в свой замок Нагоя в Карацу. Мир за пределами Японии казался ему неприветливым, а наглые чужеземцы, бороздившие моря, захватывая в свои руки торговлю ценными товарами и навязывая свои законы при помощи мушкетов, более чем когда-либо вызывали у него недоверие и, хуже того, гнев.

Он помнил то, что обнаружилось во время похода на Кюсю, — живучесть иностранной веры в этих землях; конечно, в определенном смысле она послужила его делу, потому что двое из самых верных *даймё* с Кюсю, Кониси и Курода, были христианами, а некоторые, как Отомо Ёсимунэ, крестились во время самого похода, в 1587 году.

Заинтересовавшись, Хидэёси проявил тогда большую благосклонность к делу и молитвам вице-провинциала христиан, отца Коэлью; вернувшись в Осаку, он сохранил к ним доверие, и чужеземцы немало им попользовались! Интерес к христианскому учению стал настолько модным, что последним в какой-то мере увлекся даже

Хидэцугу, приемный сын Хидэёси, — симпатия покойника, обвиненного в измене, в 1597 г. была не на пользу христианам! С того момента это пристрастие стало не нравиться *тайко*: под иезуитским облачением и моральными заповедями, которые во многих отношениях, на его взгляд, воспроизводили традиционные поучения буддизма, он начал различать лицемерие, стремление к власти, сравнимой с властью его старых врагов — монахов Икко, так долго разжигавших прискорбные для Японии гражданские войны.

Он помнил также нехорошие ответы, которые получил от отца Козлью и от того португальского купца, чей тяжелый корабль приплясывал и дергался на своем якоре в Хирадо. Он им задал пять вопросов, притом ясным разговорным языком:

1. Почему и от имени какой власти Козлью требует от подданных Японии стать христианами?

2. Почему христиане подстрекают своих учеников разрушать буддийские храмы?

3. Почему они преследуют буддийских священников?

4. Почему христиане и португальцы едят животных, очень полезных для человека, таких как быки и коровы?

5. Почему Козлью позволяет купцам своей страны покупать японцев, чтобы делать из них рабов в Индиях?

Козлью сумел ответить только на первый вопрос, напомнив о своем посещении в прошлом году (1586) замка Осака, войне на Кюсю и союзе между христианскими *даймё* и силами *тайко* против жестокости семьи Симадзу. Но больше ни одно из его объяснений не выглядело убедительным, особенно насчет работорговли — которую португальцы, похоже, в самом деле пытались тогда внедрить в Японию, не сталкиваясь с противодействием своих духовных пастырей, какого, казалось бы, можно было ожидать.

Несмотря на свой интерес к богатствам дальних стран, несмотря на процветание портов северной части Кюсю,

из которых некоторые, как Нагасаки, за несколько лет получили развитие благодаря иностранцам, Хидэёси тогда издал суровый эдикт:

Мои верные советники сообщают мне, что в наше государство прибыли иностранные священнослужители, проповедуя закон, противный японскому, и даже дерзая разрушать храмы, посвященные нашим богам и Хотокэ [Будде]; это оскорбление заслуживает страшнейшего наказания, но, тем не менее желая выказать милосердие, мы повелеваем им под страхом смерти покинуть Японию в течение тридцати дней. До тех пор никакого вреда им нанесено не будет. Но по истечении сего срока мы повелеваем, чтобы всякий священнослужитель, который обнаружится в нашем государстве, был бы арестован и покаран как самый злостный уголовный преступник. Тем не менее мы позволяем португальским купцам заходить в наши порты и продолжать свою обычную торговлю в нашем государстве в той мере, в какой этого требуют наши интересы. Но мы запрещаем им ввозить в нашу страну какого-либо иностранного священнослужителя под страхом конфискации их кораблей и товаров (*Murdoch*. P. 243).

Хидэёси считал, что в этом требовании нет ничего, кроме стремления к естественному и простому благу; Козлю даже добился от него дополнительной отсрочки — ни один португальский корабль не покинет Японии до истечения шести месяцев. Хидэёси как добрый государь удовлетворил его просьбу. Но он плохо переносил, когда иностранные священники воздействовали — не столько на народ, до которого ему было мало дела, равно как и иезуитам, сколько на лучших из его полководцев: он не простил им, например, влияния на Такаяма Укона (1553–1615) и был в отчаянии, что из-за иностранцев вынужден лишить доверия, может быть, самого надежного из своих заместителей. Конечно, не все проявляли такое же постоянство: едва стало известно об эдикте 1587 г.,

большинство *даймё*-христиан впали в отступничество, а некоторые принялись жечь церкви с таким же рвением, с каким прежде способствовали их постройке, и снова оказывать покровительство буддийским священникам, которых еще недавно жестоко преследовали. Однако европейцам понадобилось время, чтобы понять всю серьезность намерений *тайко*. Они несколько легкомысленно связывали эти акты с его переменчивым настроением или с яростью человека, чьих любовниц и развратную жизнь клеймят миссионеры. Никто из иностранцев в Японии не оценил всей весомости ситуации: Монтеру, капитан корабля, который должен был забрать всех священнослужителей, преспокойно послал гонца к Хидэёси с сообщением, что он оставляет на месте «некоторое количество» священников, которых не может разместить у себя на судне, и просит Хидэёси отложить казнь над ними, положенную по его эдикту. *Тайко* пришел в ярость: вместо того чтобы убивать людей — которые явно были ни при чем, — он велел разрушить все церкви Киото, Осаки и Сакаи, то есть, за исключением Кюсю, географическое положение которого наделяло его особой ролью, почти все церкви Японии, во всяком случае, те, которые имели наибольшее влияние. Хоть Хидэёси, возможно, был разъярен и, конечно, дорожил своей славой, он тем не менее не поколебался объяснить эти акты, причем иностранцу — португальскому эмиссару, чья судьба была в его руках:

...Я был вынужден их изгнать, потому что они проповедовали закон, очень враждебный к богам и Будде... *Ками* и *Хотокэ* [Будда], наши боги, — повелители Японии, которые своими победами и подвигами заслужили почитание в качестве богов. Всякий господин в Японии должен стремиться к тому, чтобы за его деяния его почитали как бога... Закон, который проповедуют Отцы, совершенно несовместим с *ками* и с *Хотокэ* и по этой причине несовместим с господами и сувереном Япо-

нии; может быть, он и хорош в других местах, но не в Японии. Вот почему я приказал уехать священникам, которые разрушали и уничтожали *ками* и *Хотокэ*, а значит, стремились принизить память обо мне и мою славу после моей смерти; и я не могу быть другом тем, кто несовместим со мной и враждебен мне самому (*Murdoch*. P. 245).

Тогда португальский посланник стал уверять, что король Португалии больше не позволит купцам ходить в Японию, если они не будут время от времени брать с собой священнослужителей, чей третейский суд улаживает ссоры — нередкие между мирянами, — а присутствие гарантирует европейскому суверену серьезность экспедиции. Как человек осмотрительный Хидэёси закрыл глаза на то, что португальские корабли имеют на борту священников, а также на их собратьев — добрую сотню, — которые еще служили в области Хирадо на севере Кюсю. Зато, внимательно заботясь о соблюдении своих материальных интересов, он конфисковал Нагасаки и его область — которые местные *даймё*, Омура, подарили иезуитам, — и присвоил все доходы от порта. Это было выгодно для его экономической политики: один из ее аспектов состоял в том, чтобы заставлять японские торговые суда получать лицензию на поездки, заверенную его большой киноварной печатью, которая бы отличала их от заурядных пиратских судов, — взамен за это «дозволение» он рассчитывал, несколько наивно, выкачивать из них доходы. Это было корыстной фискальной политикой, которая однако прекратится только через пятьдесят лет!

К тому же иностранные дела в самом деле слишком запутались! С 1582 г. в Японии появились и испанцы, несмотря на обещание не вмешиваться, которое дал Филипп II в то самое время (1580 г.), когда объединил короны Испании и Португалии. Испанцев, с 1571 г. базировавшихся в Маниле, выводило из себя, что они не могут получать

часть дохода от торговли между Гоа и Японским архипелагом. Дополнительно ситуацию осложнило соперничество между орденами: францисканцы и доминиканцы, обосновавшиеся на Филиппинах, выступали против фактической монополии иезуитов. Дурное настроение Хидэёси в 1587 г. дало им повод действовать, не считаясь с решениями ни Филиппа II, ни папы Григория XIII: надо было прийти на помощь христианской общине Японии и пойти на риск мученичества — страшного и высшего исполнения миссии.

Тогда на сцену вышел один из тех странных персонажей, с какими эпоха познакомит нас во множестве: своеобразные посредники между двумя культурами, в конечном счете они работали только на себя, — Харада, японец, обращенный иезуитами и ставший купцом в Маниле. Стремясь расширить свою торговлю, он совал нос всюду, доказывая в 1591 г. Хидэёси, что тот мог бы завоевать Филиппины, а испанским францисканцам — что их мечта о проникновении в Японию осуществима, если они явятся к Хидэёси в качестве послов Испании. Все это привело к прибытию в Киото в 1594 г. францисканской делегации, которую Хидэёси принял как посольство. Новым пришельцам даже удалось беспрепятственно поселиться в Осаке, а потом в Нагасаки, но это процветание быстро кончилось, потому что местные португальские священники (иезуиты) повели скрытую войну с испанскими пришельцами (францисканцами). В довершение неосторожности францисканцы, которых Хидэёси в конечном счете согласился считать священниками, поставив после послов, открыли в Киото церковь и в конце 1594 г. выписали с Филиппин еще трех священнослужителей. Выполняя свою миссию, они заново открыли также церковь в Осаке, а двое из них направилось в Нагасаки, где иезуиты сохраняли тайную, но упорную общину; францисканцы сочли за благо во всеуслышание разоблачить деятельность ие-

зуитов, вызвав тем самым ярость местного губернатора, изгнавшего всех и велевшего священникам возвращаться в Киото.

У Хидэёси в то время голова была занята множеством других дел: недавним рождением его дорогого Хидэёри, окончательным благоустройством его замка Фусими, возможным и ожидаемым приездом послов китайского императора и по-прежнему нерешенной проблемой Кореи.

Но в конце 1596 г. чужеземцы вновь заставили говорить о себе: у побережья земли Тоса (современная префектура Коти) на юге Сикоку потерпел крушение богатый испанский галион «Сан-Фелипе» с большим грузом серебра, который он вез из Манилы в Акапулько. Занесенный к Японии тайфуном, пострадавший, но не разрушенный, он собирался осторожно вернуться в открытое море, когда местный *даймё* — из рода Тёсокабэ — задержал его, чтобы отвести в порт Урадо и сделать ремонт, который, как говорили, был необходим. Когда капитан не выразил большого желания идти в порт, вполне обоснованно опасаясь конфискации 500 тысяч серебряных крон, находившихся на борту судна, флот *даймё*, составлявший, как говорили, двести кораблей, заставил его повиноваться, постепенно, но твердо направив на песчаную мель, где тот и развалился. По неписаному закону береговых разбойников груз причитался Тёсокабэ; капитан выразил протест, и *даймё* — рассчитывая угодить своему господину — предложил апеллировать к Хидэёси, полагая, что тот несомненно одобрит поступление 500 тысяч крон в свою казну, всегда страдавшую от нехватки средств, — но этого Тёсокабэ капитану не сказал.

Начинался 1597 год. Лоцман корабля в сопровождении францисканских священников наконец направился к *тайко*, чтобы потребовать возвращения груза; и тут, вопреки всем ожиданиям, — ведь Хидэёси ни в коем случае не был вором, — *тайко* отказался вернуть серебро и,

к общему изумлению, приказал казнить двадцать шесть христиан (шестерых францисканцев, трех японских иезуитов, получивших лишь младшие церковные чины, и шестнадцать японских христиан); их отправили в Нагасаки, на самые церковные земли, и 5 февраля 1597 г. распяли. Что же случилось?

Похоже, что арест этих несчастных — еще без вынесения приговора — произошел, когда переговоры еще шли полным ходом, и независимо от дела с кораблем; три францисканца из Осаки считались особо дерзкими в своем прозелитизме, трое других были схвачены в Осаке вместе с тремя японскими иезуитами. Может быть, лоцман узнал об этом? И его охватил страх или просто-напросто нетерпение? Продемонстрировав карту мира, которую носил при себе, он показал родичам Тёсокабэ огромные размеры владений своего короля, Филиппа II, и счел за благо подкрепить свои слова доводом, значения которого несомненно не осознал, как уточняет в одном письме преподобный Мартинеш, назначенный епископом Японии и находившийся в то время в гостях у вице-короля Гоа по приглашению последнего:

...Лоцман на вопрос одного из главных губернаторов *тайко* — который, посмотрев на карту мира, спросил, как король Испании, столь отдаленной страны, овладел столькими королевствами и провинциями, — неосторожно ответил, что Католический Король сначала посылает священников, чтобы обратить туземцев, которые после этого, присоединяясь к капитанам Его Величества, упрощают завоевание (*Murdoch. P. 289*).

Преподобный Мартинеш напишет это гораздо позже, 15 ноября 1612 г.; но он давно размышлял над этим, а не написал не подумав, о чем свидетельствует другое послание, более раннее (22 октября 1602 г.) и в общей сложности еще более показательное:

Иэясу и все языческие сеньоры [Токугава Иэясу в то время занял место главы Японии, освободившееся после смерти Хидэёси в 1598 г.] — и христианские сеньоры с величайшим трудом убедили их в обратном, — питали те же подозрения, что в свое время *тайко*: испанцы — завоеватели, они постоянно вооружены, и их цель — захватывать иностранные государства; религиозная проповедь — не более чем хитрый прием ради завоевания... [*тайко*] написал в Манилу, что францисканцев распяли, потому что они были шпионами, а проповедь и поучения францисканцев — всего лишь предлог для завоевания королевств, и добавил, что ни один из этих священнослужителей более не должен быть послан в Японию. *Тайко* заблуждался, но его мнение — это мнение сеньоров Японии. Последние, конечно, хорошо знакомы с делами Китая, и им также ведомы дела португальцев, с которыми они долгие годы поддерживают воистину дружеские торговые связи; [они считают, что португальцы —] мирное племя, лишённое всякой идеи завоевания. Но, поскольку они знают, что теперь мы находимся под властью одного суверена и исповедуем одну религию, члены Общества [Иисуса], прибывающие в Японию через Восточные Индии и Макао, — чье миролюбие японцы ценят, — также иногда сталкиваются с недоверием [, вызванным этими фактами]. Все беды, претерпеваемые ныне Церковью, стали следствием прибытия этих священнослужителей с Лусона (*Murdoch*. P. 290).

Это, конечно, пишет португальский иезуит, то есть человек, мало склонный к снисходительности в отношении испанских францисканцев, но знаменитое политическое чутье членов Общества Иисуса здесь в достаточной мере проявляется. Хидэёси интересовался чужеземными реалиями поверхностно — в те времена ему доставляло удовольствие играть в обществе маленького Хидэёри со слонем, присланным испанцами в Осаку из Индии, — и в рамках политики обмена или экспансии, продиктован-

ной экономическими потребностями, но он никогда не будет приверженцем замкнутости, и ни один из его актов не оставит впечатления, будто он продиктован ксенофобией. Однако, как всегда, при этом гибли безвинные люди.

Я хочу, чтобы их провезли на телегах по улицам Киото, предварительно отрезав им носы и уши [чиновник, ответственный за казнь монахов, смягчит наказание, велев изуечить только мочку уха]; потом пусть их направят в Осаку и там тоже провезут по улицам; пусть то же сделают в Сакаи, и пусть эта смертная казнь совершится на виду у процессии.

Я приказал так обойтись с этими чужеземцами потому, что, прибыв в Японию с Филиппин, они назвали себя послами, не будучи таковыми; потому что они долго оставались здесь без моего разрешения, потому что, вопреки моему запрету, они строили церкви, проповедовали свою религию и вызывали беспорядки. Моя воля состоит в том, чтобы, подвергнув их осмеянию народа, их распяли в Нагасаки (*Murdoch*. P. 294).

В ту эпоху в Японии, как и в Европе, в обычае была суровость, уважение к кодексу законов было основано на образцовом характере наказаний — последние могли быть только жестокими. Пусть Хидзэси совсем не похож на святого, но для своего времени он не выказывает и явных признаков садизма, хотя одно из писем, написанных им сыну, наводит на некоторые подозрения:

Вы быстро мне написали, и я этому очень рад. Теперь я понимаю, что Кицу, Камэ, Ясу и Цуси действовали вопреки Вашим желаниям. Это совершенно непростительно: попросите Вашу мать связать этих четырех особ веревкой и так оставить до возвращения Вашего отца. Прибыв, я изобью их до смерти; не отпускайте их на свободу.

Повторяю: Ункё-но дайбу [кормилица] тоже виновата. Если кто-то пытается противиться воле Го-

сударя Тюнагона [ребенка], этого человека надо избить до смерти... (Письмо сыну. 20 декабря 1597 г.)
(*Boscaro*. P. 73.)

Жизнь человека менее важна! В то время как злосчастные христиане умирали на крестах, экипаж досмотренного судна возвращался в Манилу на своем корабле, избавленном от груза, в том числе от черных рабов, которых Хидэёси оставил служить себе.

Глава XII

ФУСИМИ

Так прошли 1595, 1596, 1597 годы, хаотичные, исполненные изрядной политической значимости, но — потому ли, что ему уже исполнилось шестьдесят? — Хидэёси порой казался далеким, мысленно ушедшим в единственный рай своих наконец воплощенных мечтаний. Этот мир чудес, сформировавшийся вокруг его особы и во многом благодаря его военному таланту, делал его деспотичным — его, чья гениальная гибкость в переговорах стала легендарной. Он знал о хрупкости равновесия такого рода и испытывал почти панический ужас в отношении всего, что шевелилось и грозило нарушить его развитие. Каким же трудным, значит, было это спокойствие! И каким ненадежным оно выглядело для того, кто ясно видел разрушительные враждебные силы и те, которые, напротив, формировали мир завтрашнего дня!

Имел ли *тайко*, например, право потребовать самоубийства своего мастера чайной церемонии, которого так любил, — Сэн-но Рикю, участника самых торжественных празднеств его жизни? И благодаря которому чайная церемония приобрела именно под эгидой Хидэёси облик, сдержанное изящество, словом, аристократический характер, которого это времяпрепровождение монахов и воинов никогда прежде не имело? И однако Рикю умер в 1591 г. по приказу своего сеньора. Никто этого не понял; некоторые, особенно иностранцы, всегда помешанные на фривольных историях, вообразили, что *тайко* внезапно влюбился в юную и очаровательную дочь служителя искусств, а та отказала верховному повелителю и обрекла

тем самым на смерть отца и себя. Объяснение возможное, но довольно малоубедительное для общества, никогда систематически не связывавшего с плотским началом понятие греха. Другие измыслили склонность Рикю к христианской вере, возникшую как раз в момент, когда его сюзерен проявлял неприкрытое раздражение при одном упоминании иностранных священников. Третьи сделали чайного мастера приверженцем восточных кланов, которых Хидэёси только что подчинил после поражения Ходзэ в 1590 году. Наконец, четвертые обличали гордыню Рикю, который якобы заказал собственную статую и поставил ее в воротах Дайтокудзи, присвоив тем самым привилегию высшей знати. Отсюда совсем рядом историки, объясняющие всё экономическими причинами: они считают, что этот человек «подорвал рынок» старинных товаров, заменив дорогостоящую китайскую керамику — которую Хидэёси из снобизма ставил очень высоко — простыми местными чашками, на вид простонародными, однако тончайшей работы.

Но господин повелел; хуже того, он утвердился в своих намерениях, — выслав сначала Рикю в Сакаи, то есть, конечно, недалеко, он вернул того в Киото и сообщил о своем решении: смерть. Рикю подготовился к этому, организовав последнюю чайную церемонию, а потом вскрыл себе живот, в то время как квартал, говорят, оцепили три тысячи солдат. Чтобы помешать нападению друзей, попытке прийти на помощь, весьма маловероятной? Или чтобы придать обряду полную торжественность? Рикю умер; но Хидэёси еще питал к нему недостаточную неприязнь, чтобы убрать его статую из Дайтокудзи и выставить ее на публичном месте — на позорном кресте для приговоренных за уголовные преступления. Зачем? Оба унесли свою странную и кровавую тайну в могилу.

Теперь Хидэёси радовался, что видит Фусими быстро поднявшимся из хаоса, куда его ввергло землетрясе-

ние, — он велел восстановить здание немного северней, пользуясь легкостью японской деревянной архитектуры, элементы которой допускали легкую сборку и разборку, лишь бы хватило рабочей силы. Хидэёси смотрел на вещи широко — он хвалился, что собрал 25 тысяч человек только для этого дела.

Фусими! Хидэёси выразил в нем свой идеал мирной жизни, подходящей для воина; это была серьезная мирная жизнь, склонная к гражданским искусствам (*бун*), мирной параллели военным искусствам (*бу*); ее составной частью была поэзия, а также китайская литература — афишировать поверхностное знакомство с конфуцианскими классиками считалось хорошим вкусом.

В самом деле, *даймё*, заботясь о репутации, очень старались, насколько это было возможно, блистать в аристократических искусствах, создаваемых кистью и воображением, — оригинальном выражении национального духа. Они наперебой приглашали знатоков классического стиха, китайского и японского, излюбленной формы выражения чувств у придворных, и на пирах с достойным количеством алкоголя страстно предавались сочинению стихов и стихотворных ответов. Из них рождаются «забавные нанизанные стихи» (*хайкай-но рэнга*), отличающиеся коротким ритмом и удачными мыслями, даже игрой слов, — литература «по случаю», очень живая, которую Хидэёси поддерживал в лице поэта Сатомура Дзёха (1524–1602), прежде уже получавшего пенсию от Нобунага. Чуть позже Мацунага Тэйтоку (1571–1653) и Нисияма Соин (1605–1682) сделают из этой легкомысленной моды крайне серьезный жанр. Эта доступная форма литературы была почти единственной, которую постоянно практиковали и ценили феодалы; до них плохо доходили разные виды старинного большого стиля, в котором по-китайски или на китайский манер излагалась нравоучительная история; на японском языке оставались сказки,

эпические повествования, жизнеописания героев, которые со времен эпохи Камакура, а еще активней с XIV в. рассказывали сказители, ходившие из провинцию в провинцию; но во всех этих жанрах, превосходно подходивших женщинам и горожанам, недоставало рыцарского достоинства. Кстати, освоился ли воин с тем безмолвным убежищем, которое представляла собой научная литература или литература о повседневной жизни? Привычный к действию, он любил искусства, предполагающие обмен, диалог, то, что подставляло ему зеркало, где отражался он сам, как китайские исторические романы, в избранных отрывках предложенные японскому читателю и представлявшие собой огромный набор стратегических приемов; он ценил искусство представления, вызов, парад; а более всего он нуждался в публике. Вот почему войны больше всего выражали себя в двух страстях — к чайной церемонии и к театру *но*.

Почтенному репертуару, унаследованному от XV в., который играют и по сей день и в котором как будто сказано все, Хидэёси попытался придать новый импульс, взяв в качестве героя собственную персону, а в качестве сюжета — историю своей жизни: его секретарь Омура Юко сочинил цикл из десяти пьес, которые Компару Ансё положил на музыку. И после рождения Хидэёри не проходило сезона, чтобы Хидэёси не организовал больших представлений, в которых чаще всего принимал участие в качестве актера, приглашая вассалов прийти и восхититься: горе было тому, кто уклонится! Для любого достойного царедворца даже считалось хорошим тоном подражать своему господину и тоже подниматься на сцену, чтобы танцевать и гнусавить истории героев былых времен либо удивительную историю *тайко*, с наслаждением слушавшего доносившиеся до него лестные отзывы. Он искренне верил в этот обман или искал в нем средство управления?

Какая важность, ведь он находил в этом неподдельное удовольствие:

...Хотя Вы мне послали несколько писем, я не ответил, не имея времени из-за *но*... Моя техника *но* совершенствуется: когда я исполняю *симаи* [танец *но*, однако без костюмов] из разных пьес, вся публика это очень ценит. Я уже исполнил его для двух пьес и, немного отдохнув, снова начну 9-го числа, чтобы показать его всем дамам Киото.

Повторяю: я в самом деле устал и мне надоело, потому что я все больше играю *но*. К 14 или 15 числу у меня будет свободное время, и я отправлюсь в Фусими, чтобы ускорить строительные работы. Я проведу там три-пять дней и сразу же нанесу Вам визит, чтобы мы могли поговорить. Я сыграю *но* в Вашей резиденции, чтобы показать Вам... (Письмо к Нэнэ. 1593.) (*Boscaro*. P. 67.)

Мимолетное упоминание о временной усталости, которую он легко преодолевает:

Я выучил десять пьес *но*... Я стал очень ловким и попытаюсь научить других (Письмо к Нэнэ. 5 марта 1593.) (*Boscaro*. P. 51.).

Наряду с этими публичными церемониями сложные взаимоотношения в его доме и повседневные радости жизни интересовали его тем более, что он чувствовал, как на него наваливается нечто вроде скрытого изнурения. Для человека того времени он уже достиг старости. И он с эпикурейским удовольствием наслаждался всеми развлечениями, которыми его пытались окружить близкие; ему нравилось письменно благодарить друзей, а чаще всего женщин, преподносивших ему простые и по видимости ничтожные подарки — живых диких гусей или перепелов, лишь бы ловец принес ему клея, чтобы ловить птиц. Любители чая посылали ему глиняные кув-

шины с чайным листом, принадлежности для приготовления чая, то есть серьезные подарки, из тех, какие делали друг другу знатоки и вельможи.

Но дамы его дома соперничали в изобретательности, также преподнося ему одежды — выкроенные из легкого газа, на лето, или из плотного шелка, если это были церемониальные наряды; он получал сравнительно много нижнего белья, о котором красноречиво говорил, выражая тем самым интерес к этим интимным подаркам, но иногда жаловался, что получает его слишком много, и просил проявлять больше фантазии. При случае он разражался бранью по адресу этих поклонниц, посылавших ему, например, военный балахон (*дзимбаори*), в то время как он не вел войну.

Прав ли он был в своих жалобах? Помимо экземпляра из Кодайдзи в Киото, парчового с иранскими мотивами, еще в Британском музее хранится один из таких военных плащей, которые атрибутируют как принадлежащие ему, — утверждение сомнительное, как и в отношении всех предметов, связываемых с великими людьми, но эта одежда превосходно показывает, какими роскошными бывали такие костюмы. Сам *дзимбаори* в принципе придуман в Японии на основе одежд, носившихся португальцами, у которых японские воины позаимствовали шерстяную ткань — толстое и теплое сукно, *расся*, прежде неизвестное в Японии, и систему застегивания — пуговицы. Батальный плащ из Британского музея весь оклеен перьями по основе пеньковой ткани, по-прежнему мягкой и гибкой. Перья утки, медного фазана и зеленого фазана спереди образуют полосы, а сзади — концентрические окружности, воспроизводящие мотив мишени. Воротник и обшлага из шелка, привезенного из Китая, придают одежде утонченную изысканность, и, несмотря то, что прошли века, перья сохранили яркость своих сверкающих красок. Это создает впечатление дерзости

решения вплоть до провокационности, которую, однако, неизменно умеряет тончайший подбор сочетаний цветов — высшая гармония той эпохи, вновь обретшей вкус к созиданию и миру. Так же как сам Хидзэси, на склоне лет проявлявший неожиданный для него интерес к живописи и с нежностью смотревший на рисунки, которые жена и девушки из ее свиты преподносили ему при каждом удобном случае. Одежды для *но* тоже представляли собой подарки, тем более ценившиеся, что они были дороже, отделялись редчайшими шелками и украшались золотым шитьем.

Но Хидзэси выражал любопытство ко всему и иногда радовался самым неожиданным вещам и предложениям — пятистам свечам, которые очень кстати позволили ему хорошо сэкономить, или устрицам, этим моллюскам, которых в Японии ели с каменного века, но о которых он никогда не слышал. Он удивился им, как ребенок, и выказал особую радость, что благосклонный даритель догадался вместе с корзиной устриц прислать ему опытного слугу, умеющего их вскрывать. Хидзэси не только хорошо пообедал, но явно при этом и повеселился как сумасшедший. Ведь этот важный господин был еще и бонвиваном — он наслаждался трапезой у теплого источника и получал непритворное удовольствие от диковин и сокровищ, а не только демонстрировал роскошь из политических соображений. Он собирал всевозможные лаковые шкатулки, оружие, лошадей и не гнушался сам утверждать эскизы, интересовавшие его, — например, отделки седла, разработанной Эйтоку. Его замки представляются огромными пещерами Али-Бабы, полными величайших чудес искусства того времени. Это несомненно так и было, но потрясения после его смерти уничтожат все — или почти все — в огне пожаров, и сам Хидзэси бесспорно относился к ним как к обязательным, но бесполезным атрибутам власти. Его частные письма чаще упоминают вещи простые, личные,

действительно выбранные с вниманием и сердечной заботой: повелитель Японии, так пекущийся о мире, восстановленном с великим трудом, что стал подверженным приступам ярости и жестокости, близких к безумию, похоже, более чем когда-либо нуждался в том семейном, женском тепле, которым некогда был так обделен.

Тем не менее развлечения могли служить и политическим целям. Каждое посещение великих храмов Киото давало возможность напомнить всем японцам, чем они обязаны *тайко*: если когда-то он безжалостно преследовал монахов, производивших оружие и торговавших им, то ныне он отстраивал — например, Дайгодзи, знаменитый храм, основанный в начале X в., с давних времен связанный с императорской фамилией и почти обращенный в пепел во время ужасных войн эры Онин (1467), вновь достиг процветания благодаря ему. В этом храме находится и последний сохранившийся портрет Хидэёси — ширма, изображающая визит, который *тайко* нанес сюда весной 1598 года. На ней нарисована чайная палатка, устанавливаемая полководцами среди цветущих вишен — символа недолговечности, которая суждена людям, в том числе и самураю. Стареющий Хидэёси, только что покинувший паланкин, идет мелким шагом под зонтиком. Его кресло несет девушка, а за ним по пятам следуют Ёдо-гими, мать Хидэёри, и затем с подкупающим достоинством — Нэнэ, узнаваемая по покрывалам монахини, которые она ныне надела, демонстрируя отказ от мирских страстей. В этом портрете, одном из самых трогательных из сохранившихся, читается все: благополучие и нежность наконец осуществившейся личности, но в то же время беспокойство тревожной души, настоящее предчувствие недоброго.

Через несколько недель Хидэёси постигла мучительная болезнь, расстройство, вскоре обнаружившее свою природу: дизентерия. Изо дня в день он наблюдал за отчаянными и тщетными усилиями врачей и фармацевтов.

В его мозгу несомненно проносились картины регентства и прежде всего регентства юного Самбоси, внука Нобунага, которого он сам отстранил от власти. Что станется с его сыном? Что может сделать пятилетний ребенок? Дадут ли боги еще пожить отцу — достаточно долго, чтобы дожидаться, пока Хидэёри достигнет по крайней мере возраста ношения оружия, пусть в качестве пажа?

Нэнэ трепетала и молилась; она взывала к добрым буддийским божествам и к богам Японии — в июне она организовала торжественный танец в форме молитвы, тот сакральный танец (*кагура*), ритуал которого сохранил двор. Император велел постоянно читать проповеди во всех храмах Японии. Но болезнь прогрессировала, придавая больному устрашающую худобу, и люди даже удивлялись, что столь тщедушный от природы человек вопреки всему еще жив.

Надо было действовать. Хидэёси собрал много золота, серебра, всевозможных подарков и отправил их императору и его главным вассалам. Пятеро крупнейших *даймё* Хонсю — их называли пятью старейшинами, *тайро* — собрались в жилище одного из них, верного Маэда Тосиизэ, у подножия замка Фусими. 15 июля они засвидетельствовали верность юному Хидэёри, сформировав при нем регентский совет. Мори Тэрумото даже дал письменное обязательство:

Я буду служить Хидэёри без небрежения, как я служил *тайко*.

Я ни в чем не нарушу законов и приказов, изданных Хидэёси.

Забываясь об общем благе, я отрекусь от личных раздоров и не стану действовать, исходя из своих частных интересов.

Я не стану примыкать к кликам. Даже если в... раздоры... будут вовлечены мои родичи... Я буду разрешать их без всякой пристрастности, сообразно закону.

Хидэёси счел это добрым знаком и 5 августа обнародовал следующий указ:

Из пяти администраторов (*бугё*) Маэда Гэньи и Накацука Масаиэ составят первую стражу. Один из оставшихся троих будет выступать как представитель [Хидэёри] в замке Фусими. Токугава Иэясу будет генеральным представителем [Хидэёри].

Двое администраторов будут выступать в качестве представителей [Хидэёри] в замке Осака.

Когда Хидэёри поселится в замке Осака [который оставался наилучшим со стратегической точки зрения], все полководцы, их жены и дети тоже должны будут приехать туда.

Следует обращение к «пяти старейшинам» — Токугава Иэясу, Маэда Тосиэ, Уэсуги Кагэкацу, Мори Тэрумото и Укита Хидэиэ:

Я призываю вас установить власть Хидэёри. Для моей души нет ничего важнее. Снова и снова я взываю к вам о Хидэёри. Я взываю также к пяти администраторам (*бугё*), которым дал особые приказы. Сколько боли вызывает у меня это расставание!

К этому, уже длинному, списку регентов и помощников регентов добавлялись еще три человека — Накамура Кадзуудзи, Хорио Ёсихару и Икома Тикамаса, которые должны были действовать как «старшие» (*тюро*), чтобы улаживать отношения и примирять возможные разногласия между *даймё*.

Тем временем силы человека истощались:

Я болен, я чувствую себя одиноким, и я оставил свою кисть. Я не ел уже пятнадцать дней, и моя скорбь велика. Вчера я вышел, чтобы рассеяться, в место, где возводят постройки, но моя болезнь лишь ухудшилась, и я чувствую себя все слабее... (Письмо Гомодзи, неизвестной даме. 20 июля 1598 г.) (*Boscaro*. P. 76.)

Это был конец, но мир еще стучался в ворота Фусими — письмо одного священнослужителя, отца Паиша, живо описывает, в каком плачевном состоянии Хидэёси находился в начале августа.

В то время в Фусими прибыл отец Жуан Родригиш вместе с несколькими португальцами, отправленными капитаном корабля с обычными подарками. Тайко, узнав об их приходе, выслал служителя, чтобы принять их и просить отца Родригиша войти, но остальных видеть он не пожелал. Отец подчинился и, прежде чем войти в комнату, где находился тайко, он прошел столько салонов, коридоров, галерей и залов, что по возвращении никогда бы не нашел выхода, если бы его не проводили. Наконец он прибыл на место, где находился тайко, и нашел его лежащим среди фиолетовых подушек, столь слабым, что тот почти утратил всякое сходство с человеком. Велев отцу приблизиться, тот сказал, как счастлив его присутствием, ибо так близок к смерти, что полагает — больше они не увидятся, и поблагодарил за то, что отец пришел его повидать, на сей раз и в прошлые годы. Он преподнес отцу двести мешков риса, японскую одежду и корабль, чтобы ездить туда и сюда [большой черный португальский корабль остался на Кюсю]. Он также приказал преподнести одежды остальным португальцам, пришедшим в Фусими вместе с отцом, а также двести мешков риса для двух фрегатов капитана и еще двести для корабля. Он пожелал также, чтобы отец повидал его сына, которому велел благосклонно принять отца и его португальских спутников, потому что они чужеземцы: Что его сын и сделал, преподнеся каждому шелковую одежду, как и его отец. На следующий день, поскольку предполагалось играть свадьбы между сыновьями и дочерьми «регентов», он попросил отца присутствовать на празднестве. И наконец португальцы отрекомендовались ему, и он их оставил, сказав тысячу любезностей (*Murdoch*. P. 301).

Тем не менее с 10 августа Хидэёси впал в бессознательное состояние, населенное бредом и кошмарами. Но до того он успел сочинить свой последний стих:

Я пришел, как роса,
Я уйду, как роса,
Моя жизнь,
Мое творение в Нанива [Осаке] —
Не более чем сновидение сновидения.

Глава XIII

НЕБЫТИЕ

Хидэёси умер; осталось уладить самое неотложное — вернуть армию из Кореи, как он настоятельно пожелал, прежде чем погрузиться в необратимую кому. В декабре 1598 г. начался отвод войск, который одни одобряли, радуясь, что вовремя выбрались из неприятного положения, другие порицали, считая, что не надо спешить, и надеясь укрепиться на полуострове. Но регенты довольствовались тем, что выполнили желание покойного, а Иэясу, поселившись в замке Фусими, повел себя как монарх.

Могло ли быть иначе? Маловероятно; но, как некогда после смерти Нобунага, озлобление и упреки хлынули бурным потоком. Верные вассалы *тайко* вменяли в вину Иэясу, что он распоряжается всем по своему усмотрению и хочет оттеснить ребенка, опека над которым на него возложена. Добрый Маэда Тосиизэ, первый из противников, в конечном счете согласился с доводами Иэясу; но трое других, Мори Тэрумото, Уэсуги Кагэкацу и Укита Хидэиэ, с большим скандалом удалились в свои провинции, выразив этим свое непризнание позиции, которую они отвергали. Семейство Уэсуги даже оказалось настолько дерзким, что Иэясу пошел на него в наступление и покинул Фусими во главе своей армии.

Но он узнал, что в его отсутствие другие регенты призывают к восстанию и в то же время плетутся всевозможные интриги, отражая многообразие затронутых интересов: тут проявлялись традиционное соперничество Восточной и Западной Японии, но также происки иностранцев и христианских сеньоров, козни Ёдо-гими —

матери наследника, стремившейся оттеснить супругу, Нэнэ, авторитет которой оставался незыблемым; сказалося и возрожденное пристрастие к тем эпическим битвам, какие *тайко* старался сделать ненужными, выиграв столь много подобных сражений. В августе 1600 г. японские феодалы, расколовшись на два лагеря, начали войну; последняя из сильнейших ее конвульсий произошла при Сэкигахара, в земле Мино. 21 октября Иэясу одержал сокрушительную, решающую победу, несомненно самую важную в истории Японии нового времени, и обеспечил триумф рода Токугава — страна нашла нового повелителя. В этом смысле дело Хидэёси продолжало жить; но что случилось с Хидэёри, этим семилетним мальчиком, на которого отец возлагал столько надежд?

Если судить по внешнему виду, все обстояло как нельзя лучше: Хидэёри сохранил свой замок Осака, красивейший в Японии, и управлял тремя соседними провинциями, Сэтцу, Кавати и Идзуми; в 1603 г., в момент, когда Иэясу получил от императора Го-Ёдзэя титул *сёгуна*, а Хидэёри тогда же был возведен в почетный сан *найдайзина* (некогда — министр иностранных дел), Иэясу обручил его со своей внучкой, что сулило одновременно союз и власть.

Шли годы, спокойные для Хидэёри, который вновь увидел своего покровителя только в 1611 г. в связи с визитом последнего в столицу. Встреча прошла нормально, но — сказалося ли тут недоброе влияние Ёдо-гимии? — как будто возникло скрытое недовольство. Доверие, если только оно когда-либо существовало, навсегда исчезло; Хидэёри стал воспринимать своего опекуна как узурпатора, и в его окружении оказалось немало единомышленников! Вокруг него понемногу начали группироваться противники рода Токугава, все, кого разочаровал новый режим, стремившийся поставить общество под еще более жесткий контроль, чем это делал Хидэёси. Желал ли Хидэёри, став от-

ныне совершеннолетним по законам *самураев*, тем самым утвердиться и напомнить о заветах отца — но в том же 1611 г. он велел отстроить в Киото знаменитый Хокодзи, храм, возведенный Хидэёси для гигантской статуи Будды и разрушенный в числе прочего землетрясением 1596 г. Для обязательного освящения он заказал отлить большой колокол и пригласил Иэясу на церемонию торжественного открытия; но в надписи на колоколе, *кокка анко* (мир и спокойствие в стране), в качестве обыкновенных существительных были использованы оба иероглифа, составляющих имя Иэясу. Дерзость или недопонимание с одной стороны, реальное раздражение или притворная ярость с другой — вот и завязка драмы.

Иэясу запретил церемонию, потребовал, чтобы уничтожили колокол или стерли злополучную надпись и чтобы ему принесли извинения; Хидэёри отказался это делать. Непрочное равновесие рухнуло — война казалась неизбежной. Но она не спешила: каждый наблюдал за другим и подсчитывал своих сторонников; тем не менее жребий был уже брошен — в ноябре 1614 г. Иэясу со стопятидесятитысячной армией осадил Осаку. Можно ли было еще все уладить? Скоро, в январе 1615 г., был заключен мир на условии, что Хидэёри снесет свои стены и засыплет рвы. Но Хидэёри в свою очередь выдвинул требование: он хочет обменять свои земли и крепость, лишенные главных укреплений, на лен равного размера в северной части Сикоку, стратегическое положение которого было известно всем. Иэясу в принципе согласился на обмен, но при условии, что Хидэёри поселится рядом с ним и под его контролем, на современном полуострове Тиба, к востоку от Эдо. Хидэёри снова отказался, армии Иэясу снова двинулись на Осаку, и в июне 1615 г. колоссальная цитадель Хидэёси обрушилась в пламени; надменная Ёдо-гими и столь любимый Хидэёри, окруженные своими вассалами, погибли в одном гигантском костре.

В Киото, удалившись в монастырь, где ее контролировал Иэясу, заботясь о ее комфорте и об уважении, с которым к ней были обязаны относиться, за ходом событий с содроганием следила Нэнэ; но ей оставалась лишь одна возможность — молиться.

Административное деление современной Японии

ПРИЛОЖЕНИЯ

Хронология

- 1536 Эра Тэмбун; царствование императора Го-Нара (царствовал в 1526–1557).
Правление *сёгуна* Асикага Ёсихару (правил в 1521–1546).
Великий клан, клан Датэ, впервые определяет совокупность законов (*кахо*), соблюдения которых он намерен требовать от своих членов.
Монахи с горы Хиэй сеют разорение в Киото (*тэмбун Хоккэ-но ран*).
Рождение Хидзёси.
- 1537
- 1538
- 1539
- 1540 Японию опустошают эпидемии; чтобы победить это зло, император велит копировать сутры.
- 1541
- 1542
- 1543 В Танэгасима появляются португальцы.
- 1544
- 1545
- 1546 Правление *сёгуна* Асикага Ёситэру (правил в 1546–1564).
- 1547 Такэда Сингэн в свою очередь устанавливает законы для своего клана.
- 1548
- 1549 В Кагосима прибывает Франциск Ксаверий; это начало проповеди христианства в Японии.
- 1550 Франциск Ксаверий проповедует в Киото; иностранцы входят в моду; японцы заимствуют у них шерстяные ткани.

В Киото положение неопределенное: сёгуна терроризирует семейство Миёси.

1551 Франциск Ксаверий возвращается в Индию.

1552

1553

1554 Смена эры: начало эры Кодзи (1555–1557).

1555 «Японские» пираты (*вако*) убивают 4500 человек в области Нанкина.

1556 Посланцы императора Китая являются в Бунго (современная префектура Оита на Кюсю), чтобы передать протест.

1557 Начало царствования императора Огимати (царствовал в 1557–1586).

1558 Смена эры: начало эры Эйроку (1558–1569). Хидзэси поступает на службу к Нобунага.

1559 Начало славы рода Кано, признанных отныне главами школы живописи.

1560 Хидзэси принимает участие в битве при Окэхадзама, следствием которой становится падение рода Имагава.

1561 Женидьба Хидзэси на Нэнэ.

1562 Крестьянское восстание в области Киото.

1563 Крестьянское восстание в Микава.

1564

1565 На Филиппинах обосновываются испанцы.

1566 Хидзэси поселяется в форте Суномата.

1567 Правление сёгуна Асикага Ёсиаки (правил в 1567–1573).

В порт Нагасаки заходит португальский корабль.

В Нара члены семейств Мацунага и Миёси сжигают постройку, в которой находится гигантский Будда из Тодайдзи.

Хидзэси принимает участие в осаде Инабаяма; падение рода Сайто; Нобунага поселяется в земле Мино, где закладывает Гифу.

1568

- 1569 Нобунага встречается с отцом Луишем Фроишем.
- 1570 Смена эры: начало эры Гэнки (1570–1572).
Испанцы обосновываются на Лусоне (Филиппины).
Всю Японию сотрясают крестьянские восстания.
- 1571 Нобунага сжигает строения монастырей на горе Хизэй в Киото.
Строительство главного здания приморского (синтоистского) святилища Ицукусима.
- 1572
- 1573 Смена эры: начало эры Тэнсё (1573–1591).
Хидэёси принимает фамилию Хасиба.
Нобунага смещает сёгуна Асикага Ёсиаки.
Крестьянское восстание в Исэ.
Разгром семейств Асаи и Асакура. Хидэёси получает их земли.
Смерть Такэда Сингэна.
- 1574 Хидэёси поселяется в Нагахаме; он получает титул *Тикудзэн-но ками*.
- 1575 Хидэёси принимает участие в сражении при Нагаино; семейство Такэда терпит сокрушительное поражение от огнестрельного оружия Нобунага и Хидэёси.
- 1576 Нобунага поселяется в замке Адзути и становится *найдайзином*.
- 1577 Нобунага закладывает город у подножья Адзути.
Начало борьбы с родом Мори. Хидэёси получает замок Химэдзи.
- 1578
- 1579
- 1580 Нобунага борется с монахами Хонгандзи.
Крестьянское восстание в Кага.
Хидэёси получает титул *Тюгоку тандай*.
- 1581
- 1582 *Даймё* с Кюсю отправляют первые японские посольства в Европу.

- Крестьянское восстание в Каи.
Начало составления кадастровых списков в Ямасиро.
Угасание клана Такэда.
Хидэёси осаждают замок Такамацу.
Смерть Нобунага в Хоннодзи (Киото) и наказание Акэти Мицухидэ.
- 1583 Хидэёси наносит при Сидзугатакэ поражение Сибата Кацуиэ, который покончит с собой в своем замке Китаносё.
Хидэёси велит обустроить замок Осака.
Кано Мотохидэ получает заказ на портрет Ода Нобунага.
- 1584 В порту Хирадо (префектура Нагасаки) появляется испанский корабль.
Хидэёси терпит два поражения от Токугава Иэясу: при Комаки и Нагакутэ. Он получает титул *найдайзина*.
- 1585 Хидэёси назначен *кампаку*.
Он принимает патроним Тоётоми.
Он подавляет Нэгородэра и учреждает пять должностей *бугё*, отвечающих за управление его поместьями
- 1586 Царствование императора Го-Ёдзэя (царствовал в 1586–1611).
Хидэёси назначается *дадзёдайзином*. Он принимает отцов Фроиша и Козлью.
- 1587 Поход на Кюсю против семейства Симадзу.
Строительство дворца Дзюракудай в Киото.
Великое чаепитие в Китано.
Первый эдикт против христиан.
- 1588 Хидэёси начинает борьбу с пиратством.
Он издает указ об «охоте за мечами». Коронация императора Го-Ёдзэя.
- 1589 Хидэёси сжигает церкви и высылает священников в Нагасаки.
Создание великого Будды для Хокодзи. Рождение Цурумацу.

- 1590 Осада Одавара и поражение семейства Ходзё в борьбе с Хидэёси.
Токугава Иэясу поселяется в Канто.
Смерть знаменитого художника Кано Эйтоку.
- 1591 Хидэёси начинает «замораживание» классов. Он велит построить замок Нагоя (Кюсю).
Он приказывает Сэн-но Рикю покончить с собой.
Он пишет письмо губернатору Филиппин. Смерть Цурумацу.
Первые впечатления от западноевропейских книг в Японии.
- 1592 Начало эры Бунроку (1592–1595).
Первое вторжение в Корею (*Бунроку-но эки*).
Хидэёси пытается заставить владельцев японских кораблей, торгующих с дальними странами, получать лицензию, заверенную его киноварной печатью.
Диас строит под Манилой город для японцев.
- 1593 Впечатление от «Басен Эзопа» на японском языке.
Рождение Хидэёри.
- 1594 Строительство замка Фусими.
Реставрация Нандзэндзи.
- 1595 Вынесение обвинения Хидэцугу и его смерть.
Распространение кадастровых списков на всю страну.
- 1596 Спровоцированное «крушение» испанского корабля «Сан-Фелипе». Провал переговоров с Китаем.
Начало эры Кэйтё (1596–1614)
- 1597 Второй поход в Корею (*Кэйтё-но эки*).
Внедрение системы коллективной ответственности.
Казнь мучеников Нагасаки.
- 1598 Хидэёси принимает императора в Дайгодзи. Организация регентства.
Смерть Хидэёси (август).

Перечень основных мест и лиц

Адзути, замок, построенный по приказу Нобунага на восточном побережье озера Бива. В японской истории этот топоним служит также для обозначения эпохи Нобунага.

Акэти Мицухидэ (1526–1582). Один из лучших полководцев Ода Нобунага, который тем не менее предал его и был вынужден покончить с собой в 1582 году.

Асаи Нагамаса (1545–1573). Могущественный *даймё*, женившийся на сестре Ода Нобунага, что не помешало ему выступить против шурина; после долгой борьбы, периодически возобновлявшейся, Нагамаса был побежден и покончил с собой. Одна из его дочерей стала любимой наложницей Хидэёси, матерью двух его сыновей, — это знаменитая Ёдо-гимми.

Асакура Ёсикагэ (1533–1573). Отпрыск важного рода *даймё* провинции Этидзэн, он, не зная этого, стал орудием судьбы, отказавшись защищать Ёсиаки, последнего из *сёгунов* Асикага, в результате чего тот обратился к Нобунага.

Асано Нагамаса (1546–1611). Представитель знаменитого рода Сэйва-Гэндзи, он стал шурином Хидэёси. В 1584 г. активно хлопотал о сближении между Хидэёси и Токугава Иэясу. По смерти Хидэёси не решился встать на чью-то сторону и удалился в Футю (в местности Мусаси) до 1600 г., когда официально поступил на службу к Токугава Хидэтада (третьему сыну Иэясу и второму *сёгуну* Токугава), что принесло ему немало выгод.

Бидзэн, провинция (современная префектура Окаяма).

Биттю, провинция (современная префектура Окаяма).

Бугё, администратор.

Бэссё Нагахару. Беспокойный сеньор из Харима.

Вакаса, провинция (современная префектура Фукуи).

Вако, японские пираты.

Гамо Удзисато (1557–1596). Один из верных полководцев Хидэёси, творец победы над Ходзё. В 1585 г. крестился и принял христианское имя Лев.

Го-Ёдзэй. Император; царствовал с 1587 по 1611 гг. Средства, необходимые для церемонии его коронации, нашёл Хидэёси.

Дайнагон, придворный титул, очень почетный.

Датэ, семейство *даймё* из провинции Муцу.

Дзёха или **Сатомура Дзёха (1524–1602).** Поэт, предпочитавший жанр нанизанных стихов (*рэнга*); получал пенсию от Нобунага, а потом от Хидэёси.

Дзюракудай, или **Дзюракутэй.** Дворец, построенный Хидэёси в Киото.

Дэва, провинция на северо-востоке Хонсю.

Дэнка, титулование, которое следовало использовать при обращении к Хидэёси с того дня, как он стал *кампаку*.

Ёдо (1567–1615). Дочь Асаи Нагамаса и О-Ити, сестры Нобунага; стала любимой наложницей Хидэёси и родила от него двух сыновей, Цурумацу и Хидэёри. Погибла во время осады замка Осака. Ее часто называют детским именем Тятя; Ёдо — это резиденция, которую Хидэёси подарил ей к рождению Цурумацу; поэтому с тех пор ее обычно называли Ёдо-гимми, а потом, несколько позже — Ни-но-мару, от названия дворца, который был ей отведен в замке Осака.

Идзуми, провинция (современная префектура Осака).

Икко, народное название монахов Синсю.

Икома Тикамаса (умер в 1598 г.). Верный вассал Хидэёси.

Икэда, верные вассалы Нобунага, а потом Хидэёси.

Икэда Нобутэру (1536–1584). Вассал Ода (сначала служил отцу, Нобухидэ, а потом сыну, Нобунага); убит в сражении при Нагакутэ.

Имагава Ёсимото (1519–1560). Первый господин, которому косвенно служил Хидэёси, после чего вступил с ним в борьбу и разбил, перейдя на службу к Нобунага.

Имаи Сою. Мастер чайной церемонии.

Инаба, провинция (современная префектура Тоттори).

Исида Кадзухигэ (или Мицунари). Вассал Хидэёси; сохранив верность его сыну Хидэёри и потерпев поражение в битве при Сэкигахара, он был обезглавлен в Киото.

Исияма Хонгандзи, главный квартал монахов Икко в Осаке (он был там создан в 1496 г.).

Кага, провинция (современная префектура Исикава).

Кагосима, провинция (современная префектура Кагосима).

Кампаку, придворный титул, полученный Хидэёси в 1585 году.

Канто, восточная часть Японии, в то время под властью Ходзё.

Като Киёмаса (1562–1611). Сын родственницы Хидэёси, который взял на себя его воспитание и дал ему лен в области Кумамото (Кюсю). Вместе с Кониси Юкинага командовал авангардом в корейском походе, где получил прозвище «полководец-демон» (*кисёкан*). После смерти Хидэёси встал на сторону Иэясу, который вознаградил его, расширив его лен на Кюсю. Но Киёмаса хотел защитить жизнь Хидэёри, и, говорят, за это Иэясу велел его отравить. Киёмаса остался в истории также как заклятый враг христианства.

Кикутэй Харусуэ (1543–1617). Потомок рода Фудзивара (Сайондзи), он носил фамилию **Имадэгава**, но получил прозвище **Кикутэй** за чудесный сад хризантем (*кику*), которые его семья разводила в течение поколений. Сыграл важную роль в присвоении Хидэёси титула *кампаку*, но был скомпрометирован связями с Хидэцугу — племянником, которого Хидэёси отстранил от власти, — и вновь стал процветать только после смерти *тайко*.

Кобаякава Хидэаки, по прозвищу **Кинго** (1582–1602). Племянник Хидэёси. Его начальный патроним — Киносита, но его усыновил Кобаякава Такакагэ; позже его в свою

очередь усыновил Хидэёси и доверил ему, хоть тот был совсем юным, командовать армией, посланной в Корею; тем не менее из-за нехватки у него опыта и таланта его пришлось удалить оттуда. После смерти Хидэёси Кинго встал на сторону Иэясу и способствовал его победе, а через недолгое время умер.

Койдэ Хидэмаса (1539–1604). Один из наставников Хидэёри, позже принявший сторону последнего против Иэясу.

Комаки, победа Иэясу над Хидэёси в 1584 г.

Кониси Юкинага (умер в 1600 г.). Сын аптекаря из Сакаи, усыновленный *самураем* — вассалом Укита Хидэиэ, он поступил на службу к Хидэёси, поручившему ему значительную роль в корейских кампаниях. В 1595 г. эскортировал в Японию китайское посольство. Приняв сторону Хидэёри, потерпел поражение при Сэкигахара и был обезглавлен в Киото. В 1583 г. получил крещение под именем Августин.

Коясан, знаменитый монастырский комплекс в провинции Кии; часто служил местом ссылки для лиц, чья власть считала неудобными для нее.

Куки Ёситака (1542–1600). Выходец из семейства потомков Фудзивара, он командовал флотом во время первого корейского похода (1592). Приняв позже сторону Хидэёри, он покончил с собой в 1600 г.

Масуда Нагамори (1545–1615). Верный вассал Хидэёси; Иэясу сошлет его в Коясан, а потом в Ивацуки (в местности Мусаси) и приговорит к самоубийству во время осады замка Осака в 1615 г.

Мацусита Юкицуна. Первый господин Хидэёси.

Маэда Тосиэ (1538–1599). Верный вассал Нобунага, а потом Хидэёси, который, умирая, доверил ему сына; отец Маа, самой юной наложницы Хидэёси.

Микава, провинция (современная префектура Айти).

Мики, замок в провинции Харима, принадлежавший Бэссё Нагахару, который Хидэёси взял в 1578 г.

Мино, провинция (современная префектура Гифу).

Мори Тэрумото (1553–1625). *Даймё* из Западного Хонсю, долгое время враг Нобунага (так, в 1573 г. он принял и взял под защиту *сёгуна* Ёсиаки, которого сместил Нобунага). Но после смерти последнего примкнул к Хидзёси, который в 1591 г. разрешил ему построить замок Хиросима, а потом, умирая, сделал его одним из пяти *тайро* Регентского совета. Но во время осады Осаки Тэрумото очень быстро подчинился Иэясу и, чтобы заручиться милостью победителя, велел обезглавить сына Кониси Юкинага (верного вассала Хидзёси, которого Иэясу приговорил к смерти), доверенного ему. Иэясу, у которого этот поступок вызвал отвращение, лишил его двух третей владений; тогда Тэрумото оставил свое наследство сыну и ушел в монахи под именем Содзуй.

Нагакутэ, сражение, в котором Иэясу победил Хидзёси в 1584 г.

Нагасино, сражение, в котором Хидзёси победил род Такэда в 1575 г. благодаря огнестрельному оружию.

Нагахана, замок в Оми, который Хидзёси получил в 1574 г.

Нагацука Масаиэ (умер в 1600 г.). Верный вассал Хидзёри, вынужденный покончить с собой после битвы при Сэкигахара в 1600 году.

Нагоя, населенный пункт на побережье Кюсю, в местности Карацу, выбранный Хидзёси для организации штаб-квартиры в расчете на корейские походы.

Найто Жуан (или Юкиясу) (умер в 1626 г.). Верный вассал *сёгуна* Ёсиаки; в 1573 г. Нобунага лишил его владений, но после смерти последнего он пошел на службу к Хидзёси. Как известному знатоку *камбун* (китайского языка) ему было поручено провести переговоры с Китаем по проблемам Кореи; но, поскольку ответ китайского императора не устроил Хидзёси, Жуана обвинили в том, что он плохо выполнил свою миссию, и тот был вынуж-

ден удалиться. Был крещен в 1564 г. под именем Иоанн; сохранил верность христианству и в 1614 г. был выслан в Манилу.

Нива Нагахидэ (1535–1585). Один из самых верных вассалов Нобунага.

Но, лирический речитатив с пением и танцем. Любимый театр воинов.

Нэгородэра. Храм буддийской секты Сингон, основанный Какуханом в 1130 г. в провинции Кию. Добившись при Асикага пышного расцвета (в его ведении тогда находилось 2700 храмов), он стал также важным центром производства оружия. Поэтому Хидэёси в 1585 г. его разрушил; его развалины послужили для отстройки Дайгодзи в Киото; сам он был поднят из пепла только в 1797 году.

Овари, провинция (современная префектура Айти).

Огимати. Император, который царствовал с 1558 по 1586 гг., но так и не был коронован; в 1586 г. отрекся в пользу своего внука Го-Ёдзэя.

Ода Нобукацу (или Нобуо) (1558–1630). Второй сын Нобунага; получил титул *дайнагона*.

Ода Нобунага (1534–1582). Сын Нобухидэ, мелкого *даймё* из Овари; первый из трех великих диктаторов, создавших современную Японию. Господин, которому служил Хидэёси с 1558 г.

Одавара, главная крепость Ходзэ в провинции Сагами; взята Хидэёси в 1590 г.

Окэхадзама. Сражение, в котором Нобунага в 1560 г. победил семейство Имагава; знаменовало начало нового объединения Японии в руках одного-единственного *даймё*.

Оми, провинция (современная префектура Сига).

Осака, город, где Хидэёси построил замок на месте бывшего храма Исияма Хонгандзи, разрушенного Нобунага в 1580 г.

Осуми, провинция (современная префектура Кагосима).

Осю, провинция на северо-востоке Хонсю.

Отомо Ёсисигэ (1530–1587), или **Сорин**. Христианский *даймё* из провинции Бунго на Кюсю; это он попросил Хидэёси совершить интервенцию против семейства Симадзу.

Оути. Семейство *даймё* с Западного Хонсю.

Рюдзодзи Таканобу (1529–1584). *Даймё* с Кюсю, враг христиан; погиб на войне с семейством Симадзу.

Сакаи, вольная гавань на Внутреннем море, самый богатый порт в Японии.

Сасса Наримаса (1539–1588). Вассал Нобунага; после смерти своего господина встал на сторону Ода Нобукацу против Хидэёси; потерпев поражение от Маэда Тосиизэ, был в 1587 г. сослан в Кумамото, где снова стал подстрекать к мятежам. Тогда его вынудили покончить с собой.

Сибата Кацуизэ (1530–1583). *Даймё*, в 1557 г. покорившийся Нобунага; после смерти последнего встал на сторону Нобутака против Хидэёси, который в конечном счете довел его до самоубийства. Женился на родной сестре Нобунага, вдове Асаи Нагамаса, родившей от последнего трех дочерей (первая станет Ёдо-гими, любимой наложницей Хидэёси и матерью двух его сыновей).

Сидзугатакэ, победа Хидэёси в 1583 г. над Сибата Кацуизэ.

Симидзу Мунэхару. Защищал против Хидэёси замок Такамацу в Биттю.

Со Ёсимото (1568–1615). Потомок семейства, на которое с XIII в. было возложено управление островами Цусима (семейство происходило от Тайра-но Томомори), он в 1590 г. отправился в Корею, находясь на службе у Хидэёси. В 1600 г. встал на сторону Иэясу (не приняв участия в сражении при Сэкигахара), который снова направил его в Корею, чтобы заключить мир. В 1591 г. крестился, но вскоре отрекся от своих христианских привязанностей, чтобы не раздражать Иэясу.

Суруга, провинция (современная префектура Сидзуока).

Сэн (1520–1591). Звался также Соэки. Знаменитый мастер чайной церемонии, сначала находившийся на службе у Нобунага, а потом у Хидэёси, который заставил его покончить с собой по причине, оставшейся загадкой.

Сэтцу, провинция (современные префектуры Осака и Хёго).

Тадзима, провинция (современная префектура Хёго).

Тайко, титул, присваиваемый *кампаку* после отставки; чаще всего это слово применяется к Хидэёси.

Такаяма Нагафуса (по прозвищу Укон, 1553–1615). *Даймё* из провинции Сэтцу; носил титул *ункон таю*. Был крещен в одиннадцать лет, одновременно с отцом. Сражался против монахов Икко из Ниси Хонгандзи в Киото и постоянно сохранял верность Нобунага, несмотря на мятеж его непосредственного сюзерена Араки Мурасигэ в 1579 г. Хидэёси его изгнал в 1587 г., упрекнув в принадлежности к христианству. Это не стало концом бедствий Укона: после эдикта об изгнании христиан, обнародованного в 1614 г., ему пришлось отправиться еще дальше, в Манилу, где он и умер.

Такэда Кацуёри (1546–1582). Сын Сингэна, за смерть которого он попытался отомстить, но потерпел поражение от Хидэёси.

Такэда Харунобу, по прозвищу **Сингэн** (1521–1573). Крупнейший, вместе с Уэсуги Кэнсином, *даймё* Восточной Японии; умер от раны, полученной от мушкетного выстрела.

Тёсокабэ, великое семейство *даймё*, властители провинции Тоса на Сикоку.

Тикудзэн, провинция (современная префектура Фукуока).

Тикудзэн-но ками, почетный титул, который Хидэёси получил в 1574 г.

Тодо Такатора (1556–1630). Верный вассал брата Хидэеси, Хидэнага; после смерти последнего в 1591 г. удалился в Коясан, но Хидэеси вызвал его, чтобы поручить командование частью флота, который должен был перевезти армию в Корею.

Тоётоми, фамилия, принятая Хидэеси в 1586 г.

Токугава Иэясу (1542–1616). Соперник и друг Хидэеси, чье наследство захватил; третий и последний из великих диктаторов, создавших современную Японию, и первый из *сёгунов* Токугава. Прежде чем достичь верховной власти, копил чины: в 1587 г. — *дайнагон*, в 1596 г. — *найдайдзин* и в 1598 г. — *го-тайро* (один из пяти регентов при сыне Хидэеси).

Тотоми, провинция (современная префектура Сидзуока).

Тоттори, замок, взятый Хидэеси в 1581 г.

Тояма, замок, взятый Хидэеси в 1585 г.

Тятя, детское имя Ёдо-гимми, матери двоих сыновей Хидэеси.

Укита Хидэиэ (1573–1655). Сирота из очень старинного семейства (потомков Сэйва-Гэндзи), был усыновлен Хидэеси, женившим его на Го, дочери Маэда Тосиэ, которую Хидэеси тоже удочерил. Сохранив верность Хидэеси и потерпев поражение при Сэкигахара, он укрылся в Сацума, где Иэясу в 1603 г. нашел его и приговорил к смерти. Наказание было смягчено и заменено пожизненным изгнанием, для него и его сына, на остров Хатидзэ близ полуострова Идзу. Он стал монахом и прожил очень долго.

Уэсуги Кагэкацу (1555–1623). Племянник Кэнсина; служил Нобунага, потом Хидэеси, сделавшему его одним из пяти *го-тайро*, которые должны были обеспечивать регентство при сыне Хидэеси.

Уэсуги Кагэтора (1552–1579). Приемный сын Кэнсина; покончил с собой через год после смерти приемного отца.

Уэсуги Тэрутора (Кэнсин, 1530–1578). Воин, усыновленный семейством Уэсуги за военные таланты, сделавшие его одной из крупнейших фигур в Восточной Японии наряду с Такэда Сингэном. В 1552 г. стал монахом, но продолжал сражаться и умер от болезни, прежде чем Нобунага смог встретиться с ним в решительной схватке, чего очень желал.

Фусими, замок, который Хидэёси воздвиг к югу от Киото и где провел последние годы.

Хаката, в провинции Тикудзэн, один из лучших портов Северного Кюсю.

Хасиба. Фамилия, которую Хидэёси принял в 1575 г. с позволения своего господина Нобунага.

Хасиба Хидэкацу (1567–1585). Четвертый сын Нобунага, усыновленный Хидэёси в 1582 году.

Хатиман, бог войны; после смерти Хидэёси часто почитали как «нового бога войны», *Син-Хатимана*.

Хатисука Масакацу (1526–1586). Знаменитый главарь разбойников, вскоре ставший одним из лучших соратников Хидэёси.

Хиго, провинция (современная префектура Кумамото).

Хидэёри (1593–1615). Второй сын Хидэёси и Ёдогими, убит в результате осады его замка Осака войсками Токугава Иэясу.

Хидэёси. Личное имя, которое молодой Токити принял в 1562 году.

Хидэнага (?–1591), единоутробный брат Хидэёси.

Хидэцугу (1568–1595). Племянник Хидэёси, ставший в 1591 г. его приемным сыном, чтобы перенять титул *кампаку*; в 1593 г. он перестал быть наследником в результате рождения Хидэёри, его загнали в Коясан и вынудили покончить с собой. Вся его семья была перебита.

Химэдзи, замок, полученный Хидэёси в 1577 г. в Харима; тогда он назывался Химэяма.

Ходзё. Могущественное семейство *даймё*, управлявшее восемью провинциями в Канто (Восточная Япония). Хидзэси подчинил их в 1590 г. после долгой осады их замка Одавара.

Хорио Ёсихару (1543–1611). Вассал Хидзэси; после его смерти перейдет на службу к Токугава.

Цукуси, термин, означающий Кюсю, а в более узком смысле — его северные провинции, Тикудзэн и Тикуго.

Цурумацу (1589–1591). Первый сын Хидзэси и Ёдогими.

Этидзэн, провинция (современная префектура Фукуи).

Эттю, провинция (современная префектура Тояма).

Ямадзаки, поражение, которое Акэти Мицухидэ потерпел от Хидзэси, преследовавшего его за убийство Нобунага, в 1582 году.

Ямасиро, провинция (современная префектура Киото).

Ямато, провинция (современная префектура Нара).

Библиография

На последующих страницах перечислены отдельные работы, выбранные либо за общий характер, позволяющий определить ситуацию, в которой действовал герой, либо за солидный или оригинальный вклад в наши познания об этом человеке. Каждая из них в свою очередь, как правило, содержит внушительную библиографию.

Образ Хидэёси, как и всех великих людей, которых события поднимают так высоко, что те становятся олицетворением нации, вдохновил и по-прежнему вдохновляет многих создателей художественных произведений. Большинство из них, как, например, знаменитый «Рассказ слепого» (*Момоку моногатари*) Танидзаки Дзюнъитиро (1931), развивают тему его любовных связей, которые, разумеется, часто пересекаются с «большой» историей. Эти произведения, которым мы воздаем должное, тем не менее лежат за пределами наших изысканий.

Общие работы

Dictionnaire historique du Japon. Sous la dir. d'Iwao Seiichi, puis Iyanaga Teizō, puis Ishii Susumu; adapt. du japonais. Tôkyô: Librairie Kinokuniya: Maison franco-japonaise; Paris: diff. PUF, 1963–1995. 20 vol.

Elisseeff, Danielle; Elisseeff, Vadime. La Civilisation japonaise. Paris: Arthaud, 1974. [Русский перевод: *Елисеёфф, Вадим, Елисеёфф, Даниель*. Японская цивилизация / пер. И. Эльфонд. Екатеринбург: У-Фактория, 2006.]

Anthology of Japanese literature from the earliest era to the mid-nineteenth century. Compiled and edited by Donald Keene. New York: Grove press, 1955.

Encyclopédie permanente Japon. Ed. de René Sieffert. Publication mensuelle du Centre d'études japonaises et de l'Institut national des langues et civilisations orientales. Paris: Publications orientalistes de France, 1976–1983.

Goedertier, Joseph M. A dictionary of Japanese history. New York, Walker / Weatherhill [i.e. J. Weatherhill; distributed by Walker], 1968.

Great historical figures of Japan. Japan culture institute. Edited by Murakami Hyoe and Thomas J. Harper. Tokyo: Japan culture institute, 1978.

Hall, John Whitney. Japan from prehistory to modern times. New York: Delacorte, 1970.

Hérail, Francine. Eléments de bibliographie japonaise: ouvrages traduits du japonais, études en langues occidentales. Paris: Publications orientalistes de France, 1986.

Japanese architecture and gardens. Edited by Hirotao Ota. Tokyo: Kokusai Bunka Shinkōkai, Society for International Cultural Relations, 1966.

Japan-Handbuch. Hrsg. von Horst Hammitzsch in Zusammenarbeit mit Lydia Brüll. Wiesbaden: Steiner, 1981.

Jouon des Longrais, Frédéric. Au Japon: chevalerie de l'Est et de l'Ouest : esquisse de sociologie comparée // *Recueil d'études sociales publié à la meemoire de Frédéric Le Play...* Paris: A. et J. Picard et Cie, 1956.

Jouon des Longrais, Frédéric. L'Est et l'Ouest, institutions du Japon et de l'Occident comparées, six études de sociologie juridique... Tôkyô: Maison franco-japonaise; Paris: Institut de recherches d'histoire étrangère, 1958.

Paine, Robert Treat; Soper, Alexander C. The art and architecture of Japan. London: Penguin books, 1955.

Reischauer, Edwin O.; Fairbank, John K. East Asia: the great tradition. Tokyo: Tuttle; Boston: Houghton Mifflin, 1962.

Renondeau, Gaston. Histoire des moines guerriers du Japon. Paris: Presses universitaires de France, 1957. [Bibliothèque de l'Institut des hautes études chinoises.]

Sadler, Arthur Lindsay. Cha-no-yu: the Japanese tea ceremony. London: Kegan Paul, Trench, Trubner and C°, 1933. Переиздание: Rutland, Vermont; Tokyo: Tuttle, 1963.

Sansom, George Bailey. A History of Japan.... London: the Cresset Press, 1964–1965. 3 vol. T. 2: 1334–1615.

Vié, Michel. Histoire du Japon: des origines à Meiji. Paris: Presses universitaires de France, 1969. [Que sais-je? 1328.]

Собрания текстов

101 letters of Hideyoshi: the private correspondence of Toyotomi Hideyoshi. Edited and translated by Adriana Boscaro. Tokyo: Sophia university, 1975. [Monumenta Nipponica monographs; 54.]

Boscaro, Adriana. Toyotomi Hideyoshi's three letters from the province of Harima // *Nachrichten der Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens: Zeitschrift für Kultur und Geschichte Ost- und Südostasiens.* Nr. 112 (1972). S. 7–14. 2 Pl.

Frois, Luís. Die Geschichte Japans (1549–1578). Übersetzt und kommentiert von G. Schurhammer und E. A. Voretzsch. Leipzig: Asia Major, 1926.

Hō Taikō shinsekishū. Tōkyō: Tōkyō Daigaku Shuppankai I (1938). Doc. 18.

Hōan Taikōki. Ed. Kuwata Tadachika. Tōkyō: Iwanami shoten, 1941; Shinjibutsu Ōraisha, 1971.

Kuwata, Tadachika. Taikō no tegami. Tōkyō: Bungei Shunjū Shinsha, 1959.

Kuwata, Tadachika. Taikō shiryōshū. Tōkyō: Jinbutsu Ōraisha, 1965.

Okamoto, Yoshitomo. Toyotomi Hideyoshi: Nanbanjin no kiroku ni yoru. Tōkyō: Chūō Kōronsha, Shōwa 38 [1963].

Sources of Japanese tradition. Compiled by Ryūsaku Tsunoda, Wm. Theodore de Bary, Donald Keene. New York; London: Columbia University Press, 1958.

Valignano, Alessandro. Sumario de las cosas de Japon (1583). Adiciones del Sumario de Japon (1592). Editados por José Luis Álvarez-Taladriz. Tokyo: Sophia University, 1954. [Monumenta Nipponica monographs; 9.]

Исследования об эпохе в целом

Akira Naito. Azuchijō no kenkyū (см. рецензию: Takayanagi Shun'ichi. The glory that was Azuchi // *Monumenta Nipponica*. 32/4 (1977). P. 515–524.)

Amino Yoshihiko. Some problems concerning the history of popular life in medieval Japan // *Acta Asiatica*. 44 (1983). P. 77–97.

Arnesen, Peter Judd. The medieval Japanese daimyō. The Ōuchi family's rule of Suō and Nagato. New Haven (u.a.): Yale University press, 1979.

Boscaro, Adriana. Notes on the impact of christianity on japanese ways of thought and its role in modernization of Japan // *Nihon Bunka Kenkyū Ronshū*. II (1973). P. 3–7.

Boscaro, Adriana. The first Japanese ambassadors to Europe: political background for a religious journey // *KBS bulletin on Japanese culture (Kokusai-Bunka-Shinkōkai)*. 103 (1970). P. 1–20.

Boxer, Charles Ralph. The Christian century in Japan, 1549–1650. (Second printing, corrected.) Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1967.

Cooper, Michael. The mechanics of the Macao-Nagasaki silk trade // *Monumenta Nipponica*. 27 (1972). P. 423–433.

Elison, George. Deus destroyed: the image of Christianity in early modern Japan. Cambridge [Mass., USA]: Harvard University Press, 1973.

Frois, Luís. La Première ambassade du Japon en Europe, 1582–1592. Première partie: Le Traité du Père Frois... [Tratado dos embaixadores japões que forão de Japão à Roma no anno de 1582.] Ouvrage édité et annoté par J. A. Abranches Pinto, Yoshitomo Okamoto, Henri Bernard, S. J. Tokyo: Sophia University, 1942. [Monumenta Nipponica monographs; 6].

Grossberg, Kenneth Alan. Japan's renaissance: the politics of the Muromachi Bakufu. Cambridge, Mass.; London: Council on East Asian Studies, Harvard University, 1981.

Hall, John Whitney. Government and local power in

Japan, 500–1700: a study based on Bizen province. Princeton: Princeton University Press, 1966.

Hata Kōhei. Sen Rikyū, last man of the middle ages // *Chanoyu*. 16 (1976). P. 47–53.

Higuchi Chiyoko. Fortune fair and fortune cruel [биография Тятя] // *East*. 8, 1(1972). P. 32–39.

Ishii Ryōsuke. Japanese feudalism // *Acta Asiatica*. 35 (1978). P. 1–29.

Iwao Seiichi. Japanese foreign trade in the 16th and 17th centuries // *Acta Asiatica*. 30 (1976). P. 1–18.

Japan in the Muromachi Age. Edited by John W. Hall and Toyoda Takeshi. Berkeley [etc.]; London: University of California Press, 1977.

Kamiya Eiko. Ten Uesugi Kenshin soyō jimbaori // *Bijutsu-kenkyū* (The Journal of art studies). 259 (1968). P. 89–113.

Kammerer, Albert. La découverte de la Chine par les Portugais au XVIème siècle et la cartographie des portulans. Leiden: E.J. Brill, 1944.

Kudo Keiichi. Shōen // *Acta Asiatica*. 44 (1983). P. 1–27.

Mass, Jeffrey P. Warrior government in early medieval Japan: a study of the Kamakura Bakufu, Shugo, and Jitō. New Haven: Yale University Press, 1974.

Medieval Japan: essays in institutional history. Edited by John W. Hall and Jeffrey P. Mass. New Haven; London: Yale University Press, 1974.

Miura Keiichi. Villages and trade in medieval Japan // *Acta Asiatica*. 44 (1983). P. 53–76.

Moréchand, Guy. Taikō Kenchi, le cadastre de Hideyoshi Toyotomi // *Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient*. 53/1 (1966). P. 7–69. Pl. 2–7.

Murai Yasuhiko. Sen no Rikyū. Tōkyō: Nihon Hōsō Shuppan Kyōkai, 1977.

Murdoch, James. A history of Japan during the century of early foreign intercourse, 1542–1651. By James Murdoch in collaboration with Isoh Yamagata. Kobe, Japan: Published at

the Office of the «Chronicle», 1903.

Ponsonby-Fane, Richard A.B. Kioto in the Momoyama period // *Transactions of the proceedings of the Japan society*, London. XXIV (1926–1927). P. 75–170.

Röhl, Wilhelm. Das Gesetz Takeda Shingen's // *Oriens Extremus*. 6 (1959). P. 210–234.

So, Kwan-wai. Japanese piracy in Ming China during the 16th century. East Lansing: Michigan State University Press, 1975.

Takase Kōichirō. Royal patronage and the propagation of Christianity in Japan // *Acta Asiatica*. 22 (1972). P. 1–17.

Takase Kōichiro. Unauthorized commercial activities by Jesuit missionaries in Japan // *Acta Asiatica*. 30 (1976). P. 19–33.

They came to Japan: an anthology of European reports on Japan, 1543–1640. Edited by Michael Cooper. Berkeley: University of California Press, 1965.

Wakita Haruko. Cities in medieval Japan // *Acta Asiatica*. 44 (1983). P. 28–52.

Wang, Yi-t'ung. Official relations between China and Japan, 1368–1549. Cambridge: Harvard University Press, 1953. [Harvard-Yenching Institute studies; 9.]

Warlords, artists and commoners: Japan in the sixteenth century. Edited by George Elison and Bardwell L. Smith. Honolulu: University Press of Hawaii, 1981.

Работы, посвященные Хидэёси

Akira Naitō. Architectural studies of a folding screen picture of the Hizen Gagoya-jō castle // *Kokka*. 915 (June 1968). P. 9–30.

Aston, W. G. Hideyoshi's invasion of Korea // *Transactions of the Asiatic Society of Japan*. 6 (1878). P.227–245. 9 (1881). P. 87–93, 213–222. 11 (1883). 117–125.

Berry, Mary Elizabeth. Hideyoshi. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982.

Boscaro, Adriana. An introduction to the private correspondence of Toyotomi Hideyoshi // *Monumenta Nipponica*. 27/4 (1972). P. 415–421.

Boscaro, Adriana. Toyotomi Hideyoshi and the 1587 edicts against Christianity // *Oriens Extremus*. 20/2 (1973). P. 219–241.

Boscaro, Adriana. Toyotomi Hideyoshi e Ikeda Yotokuin // *Annali della Facoltà di Lingue e Letterature Straniere di Ca' Foscari*, Venezia. 1972, Serie Orientale 3. P. 137–146.

Cort, Louise Allison. The great Kitano tea gathering // *Chanoyu*. 31 (1982). P. 15–20.

Dening, Walter. The life of Toyotomi Hideyoshi. 3d ed. Kobe, London: J. L. Thompson & co. (retail) ltd.; Kegan Paul, Trench, Trübner, 1930.

Gubbins, J. H. Hideyoshi and the Satsuma clan in the sixteenth century // *Transactions of the Asiatic society of Japan*. VIII (1880). P. 9.

Jenyms, Soame. Feather jacket (jimbaori) of the Momoyama period (1573–1638). Supposed to have belonged to Hideyoshi (1536–1598) // *The British Museum Quarterly*. XXXII/1–2 (1967). P. 48–52.

Nobunaga to Hideyoshi. Tōkyō: Mainichi Shinbunsha, 1979. [Nihon shi no nazo to hakken; 9.]

Okuno Takahiro. Nobunaga to Hideyoshi. Tōkyō: Shibundō, 1972.

Sadler, Arthur Lindsay. The naval campaign in the Korean war of Hideyoshi, 1592–1598 // *Transactions of the Asiatic Society of Japan*. Ser. 2. Vol. 14. June 1937. P. 178–208.

Storry, Richard. Toyotomi Hideyoshi, lord of the samurai // *Orientalists*. 1/9 (1970). P. 48–57.

Suzuki Ryōichi. Toyotomi Hideyoshi. Tōkyō: Iwanami Shoten, Shōwa 29 [1954].

Utagawa Kuniyoshi. Pictorial biography of Toyotomi Hideyoshi: the unifier of Japan: Ehon Toyotomi kunkoki: from the woodblock edition of 1855–1884 by Ichiyusai Kuniyoshi. Hollywood, Calif.: W. M. Hawley, 1975.

Yamanobe Tomoyuki. Ten Taikō katabira // *Museum*. 102 (1959). P. 24–26.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предварительное замечание</i>	5
<i>Введение</i>	9
Глава I. В поисках господина	15
Глава II. Рождение даймё	47
Глава III. Горизонты расширяются	63
Глава IV. В направлении столицы	85
Глава V. Огонь Нагасино	109
Глава VI. Перелом	137
Глава VII. К высшей власти	145
Глава VIII. Как далеко простирается мир?	173
Глава IX. Годы блеска	199
Глава X. За морем	235
Глава XI. Радость и ненависть	253
Глава XII. Фусими	275
Глава XIII. Небытие	289
Приложения	296
<i>Хронология</i>	296
<i>Перечень основных мест и лиц</i>	301
<i>Библиография</i>	312

Научно-популярное издание

Елисеев Даниэль
ХИДЭЁСИ
Строитель современной Японии

Директор издательства В.В. Чубарь
Главный редактор В.Ю. Трофимов
Верстка М.В. Петрова
Корректор Н.Г. Исупова

Подписано в печать 20.06.08.

Формат 84x108¹/₃₂. Усл. печ. л. 16,8.

С.: Истор.библ.(84). Тираж 1500 экз. Заказ № 8647.

С.: Истор.библ.(новая). Тираж 2 500 экз. Заказ № 8647.

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2; 953004 – научная и производственная литература

ООО «Издательство «Евразия».
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н

Издание осуществлено при техническом участии
ООО «Издательство АСТ»

ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.
Качество печати соответствует качеству
предоставленных диапозитивов

1536 год: по Японии расплзается страх. Старинные структуры управления, централизованные в китайском духе, уже более четырехсот лет как растворились в ленных отношениях общества, феодального по природе.

Провинциями управляют обедневшие потомки знатных семейств и энергичные лидеры, ставшие главами родов; их деятельность, порой полезная и активная, приводит к катастрофам, когда их охватывает зависть или ненависть к более богатому или более слабому. И они присваивают себе поле, деревню или укрепление соседа.

В Киото, столице, повсюду воцаряются неуверенность, бедность и отчаяние; даже император царствует, не будучи коронован, а сёгун трепещет, напрасно ища поддержки.

Однако всякая крайность вызывает ответную реакцию — пробил час порядка. Хидэёси (1536–1598), человек низкого происхождения, но поднявшийся благодаря удаче и гению на пост верховного правителя, вернет Японии, проведя ее через тысячу и одно сражение, мир, необходимый для прогресса, и восстановит ее единство, благодаря которому над страной воссияет заря новых времен.

ISBN 978-5-8071-0317-8

9 785807 103178